

Министерство образования Российской Федерации
Московский педагогический государственный университет

О.В. ГОРБАЧЕВ

НА ПУТИ К ГОРОДУ:
сельская миграция в Центральной России
(1946–1985 гг.)
и советская модель урбанизации

Горбачёв О.В.

На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. — М.: Издательство МПГУ, 2002. — 158 с.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ Э.М.Щагин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор Н.И.Платунов
Кафедра новейшей отечественной истории МПГУ

В монографии рассматриваются различные аспекты миграции сельского населения областей нечерноземного Центра в связи с процессом урбанизации. На основе привлечения значительного фактического материала автор пытается определить соотношение между объективными и субъективными факторами в миграции, показать, насколько местные условия влияли на характер оттока сельских жителей в города.

Введение

Трудно спорить с утверждением, что одним из наиболее значимых по своим масштабам и последствиям явлений в отечественной истории XX столетия стала миграция сельского населения в города. В течение полувека — со второй половины 20-х и до конца 70-х гг. — жители деревни активно уезжали из обжитых мест. Города росли, изменялся облик горожанина, село же чем дальше, тем больше испытывало нехватку рабочих рук, с карты России исчезали тысячи деревень. Оптимизм по поводу победы «самого передового класса» над отсталым крестьянством сменялся обеспокоенностью состоянием аграрной сферы, а с началом «перестройки» не стало недостатка в мрачных прогнозах по поводу перспектив деревни. В 80-е годы поток мигрантов постепенно иссяк, что объяснялось среди прочего истощением людских ресурсов, современная же ситуация в деревне все чаще воспринимается с осторожным оптимизмом.

Что означала сельская миграция, была ли она объективным или искусственно вызванным процессом, следствием неумелой политики — ответы на эти вопросы давались не раз, и часто они были весьма различны.

На сегодняшний день в многочисленной литературе, в той или иной степени затрагивающей проблему миграции сельского населения, существует несколько самостоятельных направлений. Первое по времени формирования в соответствии со специализацией разработчиков условно может быть названо «социологическим». Оно сформировалось одновременно с осознанием остроты ситуации в российской деревне, вызванной обезлюдением села во второй половине 1960-х гг. Его последователи (новосибирская группа Т.И.Заславской и некоторые другие социологи¹⁾) воспринимали миграцию из села как закономерный процесс перетекания трудовых ресурсов из села в город, отчасти деформированный непродуманными субъективными решениями. В основе подхода лежало известное положение К.Маркса, в соответствии с которым «отток населения из села, а следовательно, и сокращение числа работающих в сельском хозяйстве — закономерное и прогрессивное явление»². На большом фактическом материале, полученном в результате опросов населения, выявлялись основные факторы миграционной подвижности сельского населения и предлагались рекомендации по его стабилизации. В качестве выхода из ситуации предлагалось устранить наиболее очевидные последствия деформаций, и с этой целью уже в конце 60-х

годов та же новосибирская группа приступила к разработке концепции совершенствования системы сельского расселения, впоследствии получившей название программы «сселения неперспективных деревень». Как известно, она не только не улучшила, но существенно усугубила положение в деревне. Заслуги и просчеты социологов — специалистов по сельской миграции — обстоятельно проанализированы в относительно недавней монографии Ж.А.Зайончковской³.

В «перестроечные» годы усилиями молодого поколения историков советской деревни был сформирован другой подход. Используя хорошо документированную базу, эти авторы пытались показать, что одним из основных разрушающих факторов по отношению к деревне и источником большинства ее проблем в послевоенные десятилетия стала политика советского руководства. При этом прежний тезис о закономерном характере миграции оказывался невостребованным⁴. Поскольку взаимосвязь оттока сельских жителей в города с мероприятиями правительственной политики виделась очевидной, воспринимать сельскую миграцию в качестве самостоятельного предмета изучения не считалось целесообразным. На наш взгляд, в этом проявилось еще и сильное влияние исследовательской традиции. Дело в том, что тема масштабных перемещений сельского населения в советское время в исторической науке в большинстве случаев интерпретировалась лишь в контексте демографической политики государства, проявлениями которой были организованное сельскохозяйственное переселение и набор рабочих, а стихийная миграция игнорировалась. И все же именно в последние полтора десятилетия был в основном сформирован комплекс исторических источников, позволяющий комплексно рассмотреть тему миграции из села.

В современное понимание процессов миграции в России второй половины XX в. привнесены некоторые новые акценты, связанные с изменением исследовательского фона. Т.Шаниным и В.П.Даниловым было создано направление, получившее название «крестьяноведение». Его последователи рассматривают процессы, происходившие в российской деревне в XX в. с точки зрения эволюции традиционных форм, подчеркивая их универсальный характер⁵. Нетипичные проявления этой эволюции интерпретируются с использованием выдвинутой Т.Шаниным теории «эксполярных» типов⁶. Утрата крестьянством существенных черт традиционного сознания представляется в качестве закономерного явления. Миграция из села с точки зрения крестьяноведения также закономерна, хотя отсутствие работ по истории российского крестьянства второй половины XX в. в рамках названного направления оставляет место для разного рода предположений.

Наконец, еще одна группа исследователей, «урбанисты», рассматривают сельскую миграцию в контексте российской урбанизации. Это направление сформировалось сравнительно недавно, когда стало ясно, что культивировавшаяся долгие годы теория «социалистической урбанизации» нуждается, как минимум, в уточнении. В связи с этим авторы появившихся в последние годы исследований делают попытку осмысления процессов урбанизации в СССР с точки зрения мирового опыта⁷. Практически все авторы признают особый характер советской урбанизации, делая из этого разные выводы, о чем подробнее будет сказано ниже.

Своеобразной вариацией на ту же тему можно считать сочинения, авторы которых отталкиваются от идеи «модернизации». Например, А.Г.Вишневский подчиняет урбанизацию модернизации, критерии которой усматривает в распространении рыночных отношений в обществе. При этом в применении к условиям советского общества вводится понятие «консервативной модернизации»⁸. По ряду причин более приемлемой с точки зрения выбранной темы мы считаем теорию «урбанизации», несколько ее при этом не абсолютизируя. Во-первых, сельская миграция имела прямое отношение к процессам советского градообразования. Во-вторых, не может не настораживать многозначность понятия «модернизация»⁹. Интерпретация того же А.Г.Вишневского неочевидна. Представляется, что в советских условиях денежные отношения были отнюдь не главными по степени воздействия на сельскую среду. В то же время содержание термина «урбанизация» более конкретно. Его суть усматривается в территориальной концентрации человеческой деятельности в результате действия объективной тенденции¹⁰.

Кроме работ, реализованных в рамках упомянутых направлений, следует назвать сочинения географов — специалистов по динамике сельского расселения. В отличие от демографических и социологических трудов, они практически не востребованы историками крестьянства советского периода, что отчасти можно объяснить некоторым невниманием к региональным аспектам миграционных процессов¹¹.

Итак, на сегодняшний день накоплен обширный материал, позволяющий во многом изменить существующие представления о характере миграционных процессов в российском селе в 1940-е — 1980-е гг. Проблема миграции имеет множество аспектов, которые трудно с равной степенью подробности осветить в одном, даже просторном исследовании. Среди них демографические изменения (численность и состав сельского населения, рождаемость и смертность), эволюция сельского мира, вопросы аграрной политики и взаимоотношений крестьян с властью, адаптация жителей села в городе и изменение качества городского населения под воздействием притока из села и т.п.

Признавая универсальный характер урбанизационных процессов, допускавший некоторые особенности их проявления в России, в качестве базового тезиса для нашей работы мы принимаем предположение, что во второй половине XX в. именно урбанизация, часто в обличье государственной политики, продолжала оставаться основной побудительной причиной переселения сельских жителей в города.

* * *

Определение территориальных границ исследования диктовалось следующими соображениями. Развитая сеть городов на территории Центральной России сделала возможным интенсивное перераспределение населения между городом и деревней. Особое место в этом обмене занял промышленно развитый Центральный экономический район, о котором и предполагается вести речь в настоящей работе. Входящие в него двенадцать областей занимают значительную площадь и включают в себя территории с различно выраженными структурами — хозяйственными, социальными, демографическими. В их границах имеется возможность выделить различные типы миграционного поведения сельского населения в зависимости от степени его урбанизированности (условно: аграрный, частично урбанизированный, агломерационный и т.п.) и со значительной долей достоверности экстраполировать их на территории за пределами района.

В связи с этим хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство. Авторы многочисленных трудов по аграрной истории и более редких по урбанистической обычно строят исследования либо на общероссийском материале, либо на местном. В то же время проблематика крупных регионов в составе России явно нуждается в дополнительной разработке как промежуточная форма между двумя названными видами исследований. К сожалению, пока еще вполне возможными оказываются добросовестные заблуждения, когда автор монографии, построенной на общероссийском материале, представляет Московскую область в качестве типичной центрально-русской.

Вполне очевидно также, что определить степень урбанистического влияния на миграционные процессы без сравнительного анализа его проявления в сельской местности отдельных областей невозможно. Также нерационально пока в силу отсутствия конкретного материала проводить сопоставления по всем территориям Российской Федерации. Поэтому исследование в территориальных границах одного, весьма крупного региона в составе России, представляется вполне соответствующим поставленной задаче.

Что касается специфических черт периода 1946–1985 гг., заметим, что во второй половине XX в. противостояние города и села вступило в ре-

шающую фазу, хотя подчас и лишенную драматизма времен коллективизации. Этапы административного нажима в отношении деревни (позднесталинские попытки возрождения колхозов, мероприятия Н.С.Хрущева рубежа 1950-х — 1960-х гг., сселение мелких деревень в начале 1970-х гг.) чередовались с относительно спокойными временами, когда поток мигрантов в большей степени определялся возможностью свободного выбора места жительства. То есть у нас имеется возможность в границах заявленного периода оценить значимость объективных (урбанизационных) и субъективных (политических) факторов в миграции сельского населения.

По нашему мнению, сельская миграция в Центральной России второй половины 1940-х — начала 1980-х гг. позволяет корректно интерпретировать степень урбанизированности сельского населения через демографическую и иную статистику. При этом подразумевается, что акт миграции в город в большинстве случаев свидетельствовал о наличии урбанистической ориентации у переселенца, а значит, об утрате им некоторых существенных признаков сельского менталитета. Этот подход плохо применим к периоду индустриализации и коллективизации, хотя в то время также совершались масштабные перемещения сельского населения в города. Причина видится в том, что в 1920-е — 1930-е гг. речь шла о переселении очевидно неурбанизированной крестьянской массы в города в результате правительственных мероприятий. Напротив, в послевоенный период в отношении населения деревни имело место сочетание административных мер с возможностью свободного выбора города в качестве цели переезда. При этом в города переезжали как носители традиционного сознания (если их выдавливали из села непродуманной аграрной политикой), так и уже вполне урбанизированные сельские жители. По нашей версии, во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в числе мигрантов преобладали первые, а впоследствии перевешивала вторая группа, что не исключало наличия региональных особенностей протекания этого процесса. Это означает, что, начиная со второй половины 1950-х гг., в массовом сознании сельских жителей Центра России происходит урбанистическая переориентация под влиянием причин объективного и субъективного свойства, причем действие субъективной составляющей подчинялось объективной закономерности.

Ставить нижнюю хронологическую границу исследования ранее 1945 г. мы считали нецелесообразным еще и потому, что, во-первых, данные по численности населения и его передвижениям до 1945 г. (а частично и после) трудны для анализа из-за недостаточной разработанности статистического инструментария и практики засекречивания итогов обследования; во-вторых перемещения людей во время войны многофакторны и

не поддаются трактовке с позиции выявления глобальных закономерностей. При установлении верхней временной границы имелось в виду, что после 1985 г. влияние на формирование миграционных потоков стали оказывать, помимо традиционных, еще и дополнительные факторы политического свойства, что снижает репрезентативность статистики и затрудняет анализ. К тому же интенсивность миграционных потоков из села к этому времени сильно ослабела.

Существует развитая методологическая база исследования демографических процессов, и миграции населения, в частности. В основном она изложена в упомянутых выше теоретических работах авторов-демографов и социологов. Большое количество имеющихся методик исследования факторов миграционных перемещений позволяет исследователю выбрать подход, в наибольшей степени отвечающий поставленным задачам. Мы использовали как традиционные методы, так и специфические, определенные необходимостью рассмотрения сельской миграции в контексте урбанизационных процессов и позволяющие соотнести характер урбанизированности территории с интенсивностью оттока из села.

Тема исследования, с учетом многообразия подходов, требует от автора обоснования собственной позиции в вопросе об отечественной урбанизации и реальном месте сельской миграции в процессе модернизации. Этой проблеме посвящена *первая* глава работы. Во *второй* главе приводится характеристика Центрального района, имеющая целью выявление общих закономерностей и региональных особенностей миграции в города. В *третьей* главе мы попытались определить свое видение довольно разработанной к настоящему времени проблемы миграционных факторов и особенностей их проявления в областях нечерноземного Центра. Основным характеристикам миграции сельского населения в Центральном районе посвящена *четвертая* глава.

Поскольку предметом анализа в настоящей работе выступает миграция *сельского* населения, то за ее пределами осталась требующая отдельного рассмотрения тема трансформации городской среды под влиянием миграции. По соображениям объема существенно меньше места, чем хотелось бы, отведено вопросу адаптации мигрантов в городах и возвратным миграциям. С другой стороны, мы не сочли возможным игнорировать проблему организованной миграции, в том числе сельскохозяйственного переселения, поскольку, во-первых, она способна дополнить представления о формировании миграционной мотивации, а во-вторых, помогает внести ясность в дискуссионный вопрос о соотношении стихийных и организованных форм выбытия.

Помимо довольно большого количества исследований, главные из которых были здесь упомянуты, использовались разнообразные источники.

Нами привлечены документы, извлеченные из центральных архивохранилищ — Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), архива Госкомстата и нескольких областных — государственных архивов Брянской (ГАБО), Владимирской (ГАВО), Калужской (ГАКО), Смоленской (ГАСО) областей. Использовались годовые отчеты колхозов, текущая отчетность местных статуправлений, включающая как статистику, так и аналитические записки, сведения об организованном наборе и сельскохозяйственном переселении и состоянии трудовых ресурсов в местах выхода, письма колхозников и т.д. Что касается последних, то надо сказать, что в последние годы стараниями многих историков, в том числе Л.Н.Денисовой и В.П.Попова, в научный оборот введены письма и воспоминания сельских жителей, помогающие во многом по-новому взглянуть на причины сельской миграции¹². Мы попытались расширить круг этих материалов. Данные переписей населения и статистические сборники дают срез демографического состояния села в отдельные периоды, но с точки зрения миграции малоинформативны (за исключением Всесоюзной переписи населения 1970 г.). К сожалению, в ряде случаев статистика переписей слабо соотносится со сведениями текущего сельсоветского учета населения.

Список необходимых опубликованных источников дополняют документы руководящих органов, в том числе постановления и решения центральной власти¹³. Сюда же относятся статистические сборники разного рода. Это издания типа «Народное хозяйство ... области (РСФСР, СССР) в ... году». Существуют также книги, охватывающие большие временные отрезки и выпускавшиеся обычно к юбилейным датам¹⁴. В них содержится информация, позволяющая оценить уровень развития хозяйства в регионе, состояние социальной инфраструктуры и т.п. Недостатком этих сборников является то, что многие из них носили пропагандистский характер, в связи с чем достоверность содержащихся в них материалов может быть подвергнута сомнению. В целом представляется, что на сегодняшний день общее состояние источников по истории послевоенной советской деревни, а также основные критерии оценки их достоверности и качества вполне удовлетворительно рассмотрены в литературе¹⁵.

Несмотря на некоторые проблемы в интерпретации доступных материалов, их совокупность позволяет со значительной долей уверенности судить о характере событий, происходивших в деревне Центра.

---

¹ См. напр.: Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982; Корель Л.В., Топилина В.С., Трофимов В.А. Мигра-

- ция и жилище. Новосибирск, 1988; Кутафьева Э.С., Москалева Н.И. и др. Миграция сельского населения (в Центральном экономическом районе). М., 1971; Миграция сельского населения. Под ред. Т.И.Заславской. М., 1970; Миграция сельского населения. М., 1977; Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М., 1975 и др.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.1. С.289.
- ³ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
- ⁴ См.: Вербицкая О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-е – 1980-е гг. М., 1996; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: Происхождение и последствия. М., 1996; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). Сб. документов. М., 1993. Его же. Экономическая политика советского государства. 1946–1953. М.–Тамбов, 2000 и др.
- ⁵ Крестьяноведение: Теория, история, современность. Ежегодник. М., 1996–2000; Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции 14–15 июня 1994 г. М., 1996.
- ⁶ *Expolary Economies: A Political Economy of Margins* // Shanin T. Defining Peasants. Basil Blackwell, 1990; Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. №8.
- ⁷ См.: Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. №1; Глазычев В. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т.1. М., 1995; Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995; Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. М., 1995; Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999 и др.
- ⁸ Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- ⁹ См. напр. материалы дискуссии: Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. 2000. №6. С. 63.
- ¹⁰ Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. С.153.
- ¹¹ См.: Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990 и др. работы этого автора; Игудина А.И. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959–1979 гг.). Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1982; Ковалев С.А. Сельское расселение. М., 1963 и др. его работы.
- ¹² См. также: Голоса крестьян: сельская Россия в крестьянских мемуарах. М., 1996.
- ¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 8–12. М., 1983–1989. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3–8. М., 1967–1972. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР. Т. 1–14. М., 1968–1970.
- ¹⁴ См. напр.: Калининская область за 50 лет. М., 1967; Народное хозяйство Брянской области (1966–1970 гг.). Брянск, 1972; Народное хозяйство Рязанской области. М., 1967; Народное хозяйство РСФСР: Ежегодный статистический сборник ЦСУ РСФСР; Народное хозяйство СССР: Ежегодный статистический сборник ЦСУ СССР; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987 и т.п.
- ¹⁵ См.: Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 14–16; Зайончковская Ж.А. Указ. соч.; Кудрявцев В.В. Переписи 1959 и 1970 гг. как исторический источник для изучения социального развития советской деревни. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). С. 5–7.

Глава 1. Российская урбанизация и сельское население

Урбанизация: мировые тенденции и российская специфика

Традиция противопоставления социалистической и капиталистической урбанизации в советской социологии оказалась весьма живучей, и еще относительно недавно некоторые авторы призывали «дать отпор теории "мировой урбанизации"»¹. В настоящее время социологи-урбанисты не подвергают сомнению универсальный характер урбанизационных процессов. Однако в отечественной исторической науке такая идея еще только утверждается. Специалисты отмечают, что изучение специфики российской урбанизации до сих пор строится «на основании эмпирического обобщения и при выборочных... признаках и показателях по отношению к западным формам ее осуществления. При этом игнорируются оценки урбанизации как объективного исторически обусловленного, реально всеобщего явления»². Признавая справедливость суждения, одновременно нельзя не учитывать, что направление, исследующее историю урбанизации в России, фактически находится в стадии формирования. Вполне очевидно также, что в целом этот путь весьма перспективен.

Что касается места России в мировом урбанизационном процессе, то, по мнению большинства историков-урбанистов (Э.В.Сайко, Ю.Л.Пивоваров и др.), Россия демонстрирует модель урбанизации, характерную для развивающихся стран с большим удельным весом сельской экономики. Это утверждение позволяет рассматривать события российской истории XX в. в контексте универсальных общемировых закономерностей.

Касаясь методов изучения урбанизации, необходимо заметить, что экономическая доминанта постепенно уступает место антропоцентрическому подходу. С точки зрения Ю.Л.Пивоварова, он заключается в следующем: основные причины урбанизационного развития России необходимо связывать прежде всего с человеком во всем его разнообразии, обусловленном развитием культуры и цивилизации. Автор отмечает, что марксистский экономический детерминизм рассматривал размещение общественного производства как основу для формирования систем и форм расселения, использования ресурсов и т.п. При этом видимые успехи урбанизации «по-советски»

очень часто оборачивались своей противоположностью, поскольку интересы отдельной личности, как правило, игнорировались³. Антропоцентризм в изучении урбанизации способен противостоять технократическим тенденциям, характерным не только для теории «социалистической урбанизации», но и для концепции «модернизации».

А.С.Сенявский считает, что основным содержанием российской урбанизации в XX веке стал форсированный переход общества из сельского состояния в городское («урбанизационный переход»). В его основе лежала «догоняющая» индустриализация. Специфика процесса определялась преобладанием крестьянского населения, общей технико-экономической отсталостью страны, авторитарной системой власти. Именно эти факторы обусловили «конфликтность» урбанизационного перехода, а базовая общественная нестабильность была скомпенсирована жесткой государственной системой. Советская общественная модель стала, таким образом, «формой трансформации традиционного российского общества в индустриальное и городское»⁴.

Неоднократно обращалось внимание на специфический характер российской урбанизации. Подчас исследователи весьма категоричны. Основываясь на том, что «города в России «не превратились в центры инновационной деятельности либерального типа» и что урбанизация «формировалась не столько на основе спонтанного развития товарно-денежных отношений, сколько на основе принудительной перекачки ресурсов государством, на основе натурального хозяйства», А.С.Ахизер выдвигает идею «псевдоурбанизации»⁵. Ему вторит В.Л.Глазычев, утверждающий, что «в России не было и нет городов, если под городом понимать прежде всего социальную организованность граждан»⁶. Эти оценки призваны зафиксировать коренное отличие российской модели урбанизации от западной. Критика теории «псевдоурбанизации» с точки зрения эволюции городского расселения не выглядит достаточной, так как оставляет без внимания качество городского населения⁷.

Ситуация «урбанизационного перехода» порождает множество вопросов. Как соотносился характер государственной власти с патриархальным крестьянским сознанием и в какой степени власть учитывала традиционалистские настроения при определении собственных приоритетов? Означала ли урбанизация «по-советски» полный разрыв с традиционализмом? Насколько жизнеспособными оказались традиционные ценности в новых условиях? и т.п. Очевидно, что в рамках технократических концепций ответ на эти вопросы невозможен. Попробуем понять, что же происходило в ходе российской урбанизации.

Ее ход, начиная со второй половины XIX в., определялся интенсивной индустриализацией. После прихода большевиков к власти содержание этого

процесса не изменилось. Города становились центрами концентрации промышленного производства и рабочей силы, огромное количество крестьян перемещалось из села в город (за исключением периода гражданской войны). Для деревни, с учетом остро стоявшей проблемы аграрного перенаселения в центральных губерниях, последствия массовых миграций представлялись благоприятными. Стоявшие перед страной задачи ускоренной экономической модернизации в крестьянской стране определили преемственность политики новой власти по отношению к старой. И здесь невозможно игнорировать то обстоятельство, что авторитарная система управления не только отвечала потребностям экономического развития страны, но и соответствовала традиционалистским ожиданиям большинства населения. Также активно эксплуатировались идеи бытового равенства, коллективных форм деятельности и т.п. Тезис о ментальной близости большевиков с крестьянами, прежде звучавший парадоксально, постепенно был принят на вооружение большинством исследователей и в конце концов стало возможным констатировать наличие «различных версий большевистско-крестьянского синкретизма»⁸.

Таким образом, деклариовавшиеся пролетарские ценности во многом были рассчитаны на патриархальное сознание недавних крестьян. Именно поэтому устранение классового противника пролетариата — буржуазии — с российской политической сцены не повлекло за собой одновременного отмирания пролетарских идеологем. Несмотря на провозглашение в конституции 1936 г. создания единой социальной общности, апеллирование к пролетарскому сознанию продолжалось. С одной стороны, оно носило ритуальный характер, с другой — опиралось на патриархальное коллективное сознание жителей города в первом поколении, с удовольствием воспринимавших свою недавно приобретенную приобщенность к привилегированному классу.

Сельское население страны также являлось объектом постоянного идеологического воздействия. С точки зрения коммунистической перспективы крестьянство как класс не имело будущего. Тем не менее, чрезвычайно малый удельный вес жителей городов во всем населении страны обусловил «союзнический» статус крестьянства по отношению к пролетариату. При этом власть была вынуждена постоянно соотносить свои действия с существующим в массовом сознании государственническим идеалом. Характерно, что в этих условиях идея пролетарской народной власти фактически реализовалась в виде жесткой властной вертикали с институтом «вождизма».

В ходе индустриализации основной удар государства был направлен на традиционное крестьянское хозяйство. Но, за вычетом хозяйственной составляющей, крестьянская традиция продолжала существовать в условиях социалистического общества, определяя в том числе специфический, чисто

советский облик городов. Особый характер российской урбанизации в XX в. придадо именно то обстоятельство, что власть являлась носителем существенных черт традиционного сознания, но была вынуждена решать задачи экономической модернизации, объективно отрицавшей крестьянскую патриархальность. Именно это дало повод говорить о «псевдоурбанизации» в применении к советской модели развития.

Наиболее значимыми для современного градообразования оказались 20-е — 30-е гг. из-за огромного количества переселившихся в города крестьян. При этом нарушился естественный ход урбанизации, в соответствии с которым пришлое население обычно заселяет окраины, оставляя исторический центр города укоренившимся горожанам. Происходило обратное: коренные горожане количественно уступали мигрантам, города не могли ассимилировать переселенцев, которые получали возможность утверждать собственные мировоззренческие стандарты в местах вселения. Разумеется, крупные городские центры с разветвленной инфраструктурой были при этом более устойчивы. В то же время в новых городах — местах размещения промышленных предприятий — однородное рабочее население, недавно рекрутированное из села, представляло собой еще вполне традиционную общность.

Потребность большевистского государства в управленческих кадрах, возраставшая по мере укрепления властных институтов и нараставшей бюрократизации, сделала возможным занятие большинства руководящих должностей «новыми пролетариями» — недавними выходцами из села. Это, в свою очередь, еще более усиливало патриархальные тенденции в поведении правящей бюрократии. Ротация большевистского руководства в 20-е — 30-е гг., замена интеллигентов «выходцами из народа»⁹, а также утверждение режима единовластия Сталина отвечали ожиданиям нового советского чиновничества, делая облик власти более для него привычным и понятным. В это же время отпадала нужда в сложных идеологических построениях, марксистская теория редуцировалась до упрощенных положений «Краткого курса», а формула пролетарского интернационализма в реальной жизни была вытеснена политикой национальной обособленности (в рамках патриархального разграничения «мы — они»). Во второй половине 40-х гг. Сталин осознанно воспроизводит элементы внешнего облика российской монархии, возвращая многочисленные атрибуты дооктябрьской России — от Совета министров до школьной формы. Можно утверждать, что взаимоотношения вождя с народом в сталинские десятилетия в значительной степени отвечали патерналистским ожиданиям большинства населения страны.

Для характеристики нового населения городов еще в советское время употреблялся эпитет «полугородской», на что обращает внимание

В.М.Чижигов¹⁰. Л.В.Корель пишет о «переходных слоях», когда «бывшие сельские жители уже не вписываются в рамки сельской и еще не встроены в рамки новой городской системы. Они живут одновременно как бы в двух мирах, не будучи слиты ни с одним из них»¹¹. Н.Ф.Дмитревская считает, что в периоды больших миграционных смещений людей в города можно различать жителя города и горожанина, хотя и с большой долей условности¹². В.Л.Глазычев, изучая население малых городов, выделяет условные «прогородские» и «прослободские» группы, и наиболее сильные «прослободские» тенденции отмечает у властной элиты, восходящей корнями к колхозному начальству, у промышленных рабочих и в люмпенизированном слое населения¹³. Совершенно очевидно, что все приведенные определения характеризуют одно и то же явление.

В ходе советской урбанизации происходило постепенное расширение стартового городского пространства для переселенцев из деревни. Поначалу недавние крестьяне пытались, насколько возможно, приблизить свои новые условия проживания к существовавшим в местах выхода. До сих пор часть городских деревянных домов возводится вчерашними деревенскими жителями по сельским образцам, иногда с участием сельских мастеров, некоторые дома прямо перевозятся из деревни в город¹⁴. В условиях больших городов этот путь был нереальным. В 20-е — 40-е гг. принципы соседской общины реализовывались в границах коммунальной квартиры, постепенно расширяясь до пределов двора. Е.Ю.Зубкова характеризует послевоенный двор как особый мир со своими нормами поведения и формами социального контроля, сформировавший психологию целого поколения. При этом соседские связи играли для человека даже большую роль, чем связи родственные¹⁵. Наконец, на рубеже 50-х — 60-х гг., с началом массового жилищного строительства («хрущевки»), функцию первичной социализации человека в городе взял на себя микрорайон. Таким образом, в результате распространения урбанистического сознания «двор или дом перестали быть общепринятой формой существования человека в городе»¹⁶.

Для мигрантов из села было характерно стремление как можно скорее разорвать связи с прежней средой. Этот разрыв помогал переселенцу как можно быстрее ощутить себя городским человеком. Поэтому при первой возможности он стремился переехать из окраинного «спального» микрорайона в центр. Это одна из причин того, почему жилье на центральных загазованных улицах в массовом представлении до сих пор считается более престижным, чем на более экологически благополучной окраине (характерно, что по мере урбанизации сознания акценты качества жизни смещаются в пользу комфортабельного загородного жилища).

Жилищное строительство начала 60-х гг. совпало по времени с началом борьбы с «мещанской идеологией». Распространение «мещанских» настроений в обществе было не чем иным, как формой урбанистического индивидуализированного сознания, опиравшегося на уже вполне приличный городской потребительский уровень. В то же время это означало, что традиционному коллективному сознанию уже был нанесен серьезный урон.

Городская среда неизбежно подавляла патриархальность, но происходило это не сразу. Со временем городской уклад (ставка на индивидуальность, доступ к информации, новое качество жизни) приводил к деформации традиционного сознания. Среди горожан, несмотря на специфику советской модели урбанизации, постепенно утверждался универсальный городской тип личности. Урбанистические ценности оказались несовместимыми с советской коллективистской идеологией, диктуя совершенно иную модель поведения. Наиболее продвинутые городские слои (творческая и научная интеллигенция) были и в наибольшей степени носителями городской культуры. Интеграция этой группы в советскую систему имела место, но уровень интеграции прямо пропорционально зависел от степени конформизма ее членов. В то же время именно в этой среде формировалось инакомыслие.

Чиновничество гораздо дольше сохраняло остатки традиционного менталитета. Во-первых, деклариовавшиеся коллективистские принципы во многом были органичны его мировоззрению (в большинстве своем это были горожане в первом поколении); во-вторых, восприятие этих принципов было для бюрократии единственным и неперемennым условием выживания, альтернатива отрицалась. Но и в этой среде в брежневские годы заметно распространение «двойных стандартов». Поэтому «к концу 80-х гг. тоталитаризм вследствие фундаментальных сдвигов в обществе под влиянием урбанизации уже не имел массовой социальной базы»¹⁷. Иерархичность структуры советских городов, более отражавшая особенности сельского менталитета («вертикальная солидарность»), по мере развития городской структуры вытеснялась эгалитаристскими тенденциями («горизонтальная солидарность»)¹⁸.

Возвращаясь к вопросу о качестве российской урбанизации, следует заметить, что «псевдоурбанизация», по всей видимости, является все-таки особой формой урбанизации. В результате стала очевидной не только индустриализация жизни города и села во внешних проявлениях, но и урбанизация сознания. Другое дело, что протекал этот процесс чрезвычайно медленно. Здесь уместно привести и мнение в защиту советского варианта урбанизации: «Мы забыли, что урбанизация помогала людям вынести другую напасть — слишком крутые перемены, взлеты, и не только пережить их, но и приспособиться к ним»¹⁹.

Урбанизация села и проблема раскрестьянивания

Современные исследования по истории российской урбанизации не дают ответа на вопросы о судьбе крестьянского мира, возможностях выживания села в городском окружении. Поэтому должны быть востребованы материалы, характеризующие крестьянскую среду, рассматривающие эволюцию российского крестьянства.

Эта тема в настоящее время также разрабатывается весьма интенсивно. Происходит постепенный отход от «экономоцентризма» (выражение А.В.Гордона), при котором история крестьянства была филиалом экономической истории. Исследователи обращаются к характеристике крестьянского менталитета, форм русского традиционализма, соотносённости крестьянского социума с жизнью общества²⁰. В то же время с подачи Т.Шанина в последние годы выделилось направление, рассматривающее проблемы переходных обществ, переживающих распад традиционализма²¹.

Во влиянии урбанизации на село выделяются два взаимосвязанных процесса. Во-первых, происходит «городская» перестройка сознания сельских жителей; во-вторых, значительно более интенсивными становятся связи деревни и города, которые проявляются главным образом в миграционных перемещениях. В советских условиях на первый план вышли именно миграции, причем миграции в города. Когда говорится о «неестественности» советской урбанизации, имеется в виду именно это обстоятельство. Переездам 1920-х — 1930-х гг. не предшествовала урбанизация сельского сознания. Мы видели, как это отразилось на качестве городского населения. Что же касается села, то массовые миграции того времени были даже в какой-то мере благоприятны для традиционного уклада, поскольку снимали проблему аграрного перенаселения. «Слободизация» городов в последующие годы несколько снижала силу урбанистического воздействия на сельских жителей. В то же время умножались родственные связи между городским и сельским населением, и психологическая трудность контакта с «городскими» в сознании деревенского жителя сглаживалась.

Какое место в этих процессах отводится советской политике в деревне? Довольно часто и на массовом уровне, и в научных сочинениях на большевиков возлагается львиная доля ответственности за утрату ценностей сельского мира. В свою очередь, эти ценности подчас идеализируют без должного содержательного их осмысления. На заре перестройки был даже выдвинут лозунг «окрестьянивания» в противовес советскому «раскрестьяниванию». Не осознавалось, в какой степени ушедшие ценности соответствуют современному состоянию общества. Ностальгия по крестьянскому миру причудливо уживалась с идеализацией П.А.Столыпина, который одним из первых пытался этот мир разрушить. Восприятие большевистской

революции как события, нарушившего естественное развитие российского общества, долго мешало поставить вопрос о преемственности происходивших в советское время процессов по отношению к предшествующей истории страны.

В ходе идеологического наступления большевиков на крестьянство был действительно нанесен сильный удар по традиционализму. Механизм этого воздействия в годы «военного коммунизма» объясняется так: «поборы, масштабы которых подрывали воспроизводственный потенциал крестьянских хозяйств, переживались крестьянами очень болезненно еще и потому, что Власть действовала в пику их ментальному представлению о приоритете тяглового назначения собственности над семейно-потребительским»²². Экспроприации лишали крестьянское хозяйство возможности воспроизводства, одновременно разрушая традиционную форму взаимоотношений крестьянства и власти: крестьянин обязан работать на власть (нести «тягло»), но власть обязана при этом помнить о поддержании жизнеспособности крестьянского двора. Вместе с тем обращается внимание на специфические отношения между большевиками и крестьянством, фактически носившие характер военно-политического союза. Крестьянские выступления против политики правительства были постоянным явлением лишь до тех пор, пока не появлялась «белая опасность»²³.

Вообще в политике большевиков по отношению к крестьянству проявлялась некая двойственность. В зависимости от идейно-теоретического и политико-стратегического контекста либо акцентировалась буржуазность крестьянина как товаропроизводителя, либо абсолютизировалась натуральность докапиталистического крестьянства²⁴.

С введением нэпа фактически были признаны особые интересы и права крестьянина. В рамках «аграрно-крестьянской революции» происходил возврат к традиционным формам, позволивший даже говорить об архаизации социально-экономической структуры деревни²⁵. Происходило повсеместное укрепление общины, основанное на утверждении принципа собственности двора. В то же время широкое распространение кооперации и довольно быстрое восстановление крестьянского производства свидетельствовали о начале приспособления крестьянских хозяйств к условиям модернизации. При этом традиционное производство уживалось с элементами рынка²⁶.

По всей видимости, неожиданная с точки зрения ортодоксального марксизма возможность приспособления крестьянского хозяйства к рыночным условиям заставила большевистское руководство начать борьбу с распространением капитализма в деревне. Эта борьба опиралась на сильные уравнилельные настроения в обществе. Именно поэтому вероятность бухаринско-чаяновской альтернативы коллективизации была невысока. К тому

же, если подходить к этому вопросу с чисто практической стороны, рыночная эволюция крестьянства была слишком незначительной, чтобы обеспечить на ее базе условия для ускоренной экономической модернизации страны. Традиционное общество не могло ответить на вызов времени, и потому приносилось в жертву индустриализации.

В настоящее время существует большое количество противоречивых суждений, оценивающих значение коллективизации для российского крестьянства. Широко распространено мнение, в соответствии с которым создание колхозов было важным этапом раскрепощения. Само раскрепощение привычно интерпретируется в рамках «экономоцентристского» подхода и подразумевает разрушение производственной составляющей традиционного крестьянского быта. Соответственно акцентируются производственные вопросы, отличающие колхозную коллективность от традиционной общинной²⁷. Проблема однако в том, насколько значимое место эти вопросы занимали в сознании крестьянина, конфликтовали с общинной ментальностью или легко игнорировались.

Некоторые авторы даже считают, что новая система повинностей и внеэкономических отношений сформировала и новый крестьянский менталитет²⁸. В связи с этим нельзя не признать справедливость замечания, что быстротекущие изменения сознания, как следствие радикальных социальных изменений в обществе, не всегда правомочно называть менталитетом²⁹. И.Е.Кознова предложила достаточно интересное определение содержания сознания современного крестьянства как «синтеза традиционной крестьянской "этики выживания" с коллективизированным сознанием, сформированным советской эпохой». При этом «произошло наложение и переплетение традиционных типов индивидуальной коллективности и нового типа социалистического коллективизма»³⁰. В то же время содержание последнего автором не раскрывается.

По всей вероятности, не стоит пытаться вычленять специфические формы социалистического коллективизма в крестьянском сознании советской эпохи, поскольку этот коллективизм объективно имеет общинные корни. Гораздо логичнее признать, что традиционное крестьянское сознание постепенно менялось под давлением особой советской формы урбанизации, и коллективизация была одним из ее проявлений. «Особость» состояла в том, что традиционно организованное общество из всех универсальных урбанизационных составляющих признавало одну только индустриальную. В этих условиях патриархальное сознание хотя и деформировалось, но сохраняло перспективу для выживания.

Разрушение семейного крестьянского хозяйства в годы коллективизации сопровождалось активным предложением городской альтернативы. Не-

сколько позже, убедившись в нежизнеспособности теоретических моделей новой организации сельскохозяйственного производства, власть реанимировала хозяйство крестьянского двора, жестко его при этом контролируя. Поэтому, несмотря на введение колхозов, экономическая составляющая крестьянского быта так и не была в полной мере монополизирована государством.

Заметим, что новые формы социальной организации деревни, предложенные коллективизацией, по большому счету не противоречили традиционным ценностям. В целости сохранялись представления о взаимоотношениях крестьянства и власти, двора и «мира». Уместным поэтому представляется тезис о том, что «сложившаяся в 1930-е гг. колхозно-совхозная система сельского хозяйства в СССР, которая стала на целый исторический период "ахиллесовой пятой" советской экономики, была органична для крестьян. Они приспособили колхозы к своим нуждам, не особенно вникая в то, что несла по этому поводу политическая пропаганда»³¹. Это утверждение не только объясняет причины краха новейших антиколхозных реформ, но и позволяет судить о живучести традиционных представлений в сознании современного крестьянина.

Проблема «раскрестьянивания», занявшая существенное место в исследованиях по аграрной истории, обычно увязывается с изменениями, которые в XX в. претерпело хозяйство крестьянского двора. В большинстве работ завершение процесса раскрестьянивания прямо увязывался с утратой личными хозяйствами своей прежней экономической функции. Событие это датируется рубежом 50-х — 60-х гг.³² Принято считать, что после исчезновения непосредственной связи с землей через «подсобное хозяйство» крестьяне превратились с сельскохозяйственных рабочих»³³.

Абсолютизация роли крестьянского двора в качестве «индикатора крестьянственности» не выглядит бесспорной. Справедливо замечено, что эсхатологические прогнозы в отношении крестьянства обязаны своим появлением марксистскому учению, когда «развитие капитализма в сельском хозяйстве теоретически сводилось просто-напросто к раскрестьяниванию, в процессе которого семейные хозяйства, подобно всем формам мелкотоварного производства, обречены на исчезновение»³⁴.

Л.В.Милов обращает внимание на «неустойчивость даже в сравнительно поздний период истории индивидуального крестьянского хозяйства, часто гибнущего... под ударами суровой природной стихии». С другой стороны, среди существенных черт русского крестьянина отмечается его принадлежность к «миру», следование коллективистской общинной традиции с присущей ей «эмбриональностью» частнособственнических устремлений. «При вполне естественном желании земледельца вести личное хозяйство в русском крестьянине диалектически уживалась тенденция к коллективизму,

взаимовыручке, взаимопомощи»³⁵. А значит, реальное раскрестьянивание состоит не в ликвидации крестьянского хозяйства, а в уничтожении прежней системы отношений крестьянина с «миром».

Одновременно критикуются устоявшиеся оценки перспектив крестьянства в условиях модернизации. Оспаривается суждение, в соответствии с которым «вместе с распространением в деревне городского образа жизни, превращением сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального производства переход к товарному производству видится границей, за которой кончается история крестьянства»³⁶.

Вслед за К.Каутским Г.Алави и Т.Шанин делают вывод, что все было куда сложнее, и крестьянство не исчезает, а постепенно приспосабливается к новой реальности. «В течение последних десятилетий крестьянин лишь очень медленно сдавал свои позиции, если вообще сдавал»³⁷. Предполагается, что этот вывод окажется вполне пригодным «для анализа проблем крестьянства в экономических и политических условиях послереволюционных обществ, ...в частности, для оценки действительной роли и значения ЛПХ советских колхозников»³⁸.

В результате наступления города сильно изменилась система внутри-сельских взаимоотношений. В 60-е гг. связь общественного и личного хозяйства оказалась разорванной, тогда как раньше они дополняли друг друга. «В 60-х — 70-х гг. произошел окончательный "развод" колхоза и крестьянского двора и последний начал систематически обьегоривать родной колхоз, превратившись в его, так сказать, эксплоярный филиал»³⁹. Попытки разобраться во взаимодействии общественного и личного секторов подчас наталкивают исследователей на довольно неожиданные умозаключения. «Крестьянин-колхозник не только вел ЛПХ, но и участвовал в производственной кооперации, представляя собой сложное социальное явление. Отсюда упрощение его функций, превращение его из преимущественно общественного производителя в хозяина, живущего главным образом натуральным хозяйством, и есть раскрестьянивание»⁴⁰. Т.е., по мнению автора вышеприведенной реплики, раскрестьянивание — это не отлучение от личного хозяйства, а отлучение от колхозов.

В отличие от вышеприведенного высказывания, обычная интерпретация проблемы раскрестьянивания как следствия разрушения традиционного способа ведения хозяйства звучит несколько более убедительно. Стоит также заметить, что термин «раскрестьянивание» обычно подразумевает насильственный процесс, что применительно к России в основном верно. Но характеристика крестьянской эволюции должна учитывать и логику социального развития; ведущую к преодолению сословной либо корпоративной замкнутости, росту культурного взаимодействия между социальными груп-

пами. Традиционные структуры в силу своей статичности проигрывают соревнование более активным новым укладам. В нашем случае патриархальная русская деревня была обречена уступить натиску городской цивилизации. Активное вмешательство государства в этот процесс на стороне города лишь сделало его более болезненным. Таким образом, признавая значимость потерь, понесенных русской культурой с утратой традиционного крестьянского мира, необходимо с сожалением принять и их неизбежность.

Раскрестьянивания не было в более широком смысле, как исчезновения существенных черт крестьянского мировоззрения. Даже в 70-е годы крестьянство не ощущало своей маргинальности. Напротив, жители села оценивали это время как самое благополучное («дали свободу крестьянину, возможность работать на себя и на государство»)⁴¹. Скорее всего, личное хозяйство в эти годы продолжало играть роль семейного интегратора, и вместе с ним сохранялось значение семьи как основы крестьянского быта. Представление о «хорошей жизни» складывалось из наличия своего двора, умеренного давления со стороны государства и достаточного потребительского уровня семьи. В рамках традиционной «этики выживания» утрата самостоятельной производственной функции хозяйства двора не имела решающего значения, так как уровень выживания сохранялся за счет возросших выплат со стороны государства.

Таким образом, вовлечение российской деревни в урбанизацию поначалу не нанесло непоправимого ущерба традиционному крестьянскому сознанию. В дальнейшем рост городов, расширение информационного пространства сопровождались распространением урбанистических стандартов. И если поначалу традиционное сознание приспособлялось к своим интересам, оказывая сильное давление на городскую среду, то в ходе последующей урбанизации сельская патриархальность все более активно вытеснялась городским индивидуализированным сознанием.

Сейчас большинство непредвзятых исследователей признает, что история крестьянства не закончена. М.А.Безнин, не отбрасывая окончательно идеи о завершении раскрестьянивания в начале 1960-х гг., в другом месте называет раскрестьяниванием современные процессы⁴². Другой автор, характеризуя сегодняшнюю деревню, утверждает, что «нельзя не признать крестьянское хозяйство в качестве одного из укладов»⁴³. Думается, что в этом вопросе в общих чертах можно согласиться с несколько категоричным мнением В.П.Попова: «До тех пор, пока основной род занятий мужика — землепашество — не меняется, нет достаточных оснований отказываться от понятия "крестьянин"». Изучение крестьянского сознания в колхозную эпоху позволяет нам с полным основанием утверждать, что русский мужик сумел сохранить

свои главные духовные ценности, определяющие его крестьянскую суть, до наших дней»⁴⁴.

Неудавшаяся «фермеризация», живучесть иждивенческой психологии говорят о том, что процесс «урбанизации» традиционного сельского сознания идет довольно медленно, и в обозримой перспективе будет продолжаться.

* * *

Вышесказанное позволяет нам определить собственные подходы к проблеме миграции сельского населения в города. *Во-первых*, этот процесс должен рассматриваться как объективный. *Во-вторых*, активные действия государства по перераспределению рабочей силы между городом и селом в пользу города соответствовали глобальной тенденции. *В-третьих*, чрезмерная интенсивность миграции и ее тяжелые последствия для села определялись спецификой советского варианта урбанизации, когда государственная политика формировалась под экономическим и социальным давлением сельской среды. Переезд облегчало также отсутствие резкой грани между городским и сельским населением ввиду недостаточной урбанизированности городского пространства. Наконец, *в-четвертых*, утрата традиционной составляющей крестьянского быта была неизбежной в ходе урбанизации, но она не означала завершение истории крестьянства, а лишь отмечала переход его в новое качество. Поэтому последствия усилившихся контактов с городом были для деревни тяжелы, но не фатальны.

---

¹ Город: проблемы социального развития. Л., 1992. С.24.

² Мнение Э.В. Сайко в кн.: Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С.277.

³ См.: Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России на пороге XXI в.: антропокультурная парадигма // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. С.242.

⁴ Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. С.4-5.

⁵ Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. С.27.

⁶ Глазьев В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. С.138

⁷ Приводится такое возражение: перемены в ходе урбанизации в России «состоят в резком увеличении числа и приоритетном развитии больших городов, появлении городов новых типов, ... в изменении характера расселения, перешедшего к новой агломерационной стадии...» (Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С.134).

⁸ Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьянстве (90-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.) // Крестьяноведение: Теория, история, современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С.17.

- ⁹ Отмечалось, что в Политбюро конца 30-х гг. был самым образованным человеком был Сталин (Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998).
- ¹⁰ См.: Чижигов В.М. Диалектика взаимодействия социокультурных систем города и села. М., 1999. С.169.
- ¹¹ Корель Л.В. Сельские мигранты в городах Сибири // Миграция населения. М., 1992. С.96.
- ¹² Дмитриевская Н.Ф. Указ. соч. С.135.
- ¹³ Глазычев В.Л. Указ. соч. С.139.
- ¹⁴ Чижигов В.М. Указ. соч. С.146
- ¹⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С.27.
- ¹⁶ Чижигов В.М. Указ. соч. С.41.
- ¹⁷ Сениянский А.С. Указ. соч. С.262
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: Дмитриевская Н.Ф. Образ города как национальный феномен. СПб., 1999. С.148
- ¹⁹ Город и деревня в Европейской России. С.462.
- ²⁰ См. материалы конференций и сборники статей: Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.1-2. Вологда, 1992; Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.); Крестьяноведение: Теория. История. Современность; Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999 и др.
- ²¹ Shanin T. Defining Peasants.
- ²² Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян (конец XIX – первая четверть XX вв.) // Менталитет и аграрное развитие России. С.94.
- ²³ Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство в России (1861–1995 гг.). Материалы Международной электронной конференции «Приватизация и аграрная реформа в России» (март–июнь 1996 г.) // <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html>.
- ²⁴ Гордон А.В. Крестьянство и рынок. М., 1995. С.9.
- ²⁵ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. С.31.
- ²⁶ См.: Данилов В.П. Указ. соч.
- ²⁷ См. напр.: Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России. С.342.
- ²⁸ Безнин М.А., Димони Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е гг. // Менталитет и аграрное развитие России. С.155.
- ²⁹ Реплика Л.И. Бородинкина в кн.: Менталитет и аграрное развитие России... С.412.
- ³⁰ Кознова И.Е. Социальная память крестьянства как фактор аграрных преобразований // Приватизация и аграрная реформа в России // <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00021.html>.
- ³¹ Крестьяноведение: Теория, история, современность. Ученые записки. 1999. С.288.
- ³² Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. С. 155.
- ³³ См.: Вербицкая О.М. Российское крестьянство: демографическая ситуация в 1926 и 1959 гг. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.1. Вологда, 1992 и др.

-
- ³⁴ Алави Г., Шанин Т. Карл Каутский и «аграрный вопрос»: крестьяне и капитализм // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С.76.
- ³⁵ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. С.56.
- ³⁶ Гордон А.В. Указ. соч. С.7.
- ³⁷ Алави Г., Шанин Т. Указ. соч. С.72.
- ³⁸ Там же. С.78.
- ³⁹ Виноградский В.Г Крестьянские общества сегодня // Куда идет Россия?...: Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996.С. 449-451.
- ⁴⁰ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. №2. С.43.
- ⁴¹ Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX в. // Менталитет и аграрное развитие России. С. 244.
- ⁴² Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. №2. С.50.
- ⁴³ Фурсик С.Н. Крестьянское хозяйство как социально-экономический уклад современной деревни // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.2. Вологда, 1992. С.171.
- ⁴⁴ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С.13.

Глава 2. Центральное Нечерноземье: место в системе российских регионов и внутренние различия

Общая характеристика

Одно из общепринятых названий группы областей, образующих пояс вокруг Москвы — «Центральное Нечерноземье» — явно неудачно. С одной стороны, области, образующие его южную часть (Брянская, Орловская и Рязанская) по природным особенностям существенно отличаются от остальных территорий в составе региона. Исторически они тяготели к Черноземной зоне, а Брянская и Орловская до 1960-х гг. включались в состав Центрально-Черноземного района. С другой стороны, «аграрное» название очевидно неприменимо к самой индустриально-насыщенной территории в России, безусловно городской по своему статусу. Можно было бы остановиться на нейтральном определении «Центральный район», однако часто с ним соотносятся еще и российское Черноземье и Верхнее Поволжье. Остается наименование «Центральный экономический район», но и оно не вполне удовлетворяет автора, так как речь предполагается вести не только об экономике. С учетом того, что объектом исследования является сельское население, а также отдавая дань традиции, признаем, что несколько большими правами в сравнении с другими пользуется термин «Центральное Нечерноземье». В зависимости от контекста мы оставляем за собой право на использование и других названий.

Впрочем, в составе региона достаточно типичных нечерноземных областей. Под «типичными» понимаются аграрные староосвоенные территории с бедными, постоянно требующими удобрения, подзолистыми почвами, низкорентабельным сельским хозяйством, неразвитой дорожной сетью, деградирующей системой расселения и старым депопулирующим населением¹. К ним относятся большинство районов Смоленской, Костромской, Тверской, Ярославской и других областей. Абсолютно «нетипичны» Московская область, а также зоны вокруг областных центров и вдоль основных транспортных магистралей.

Границы ЦЭР проходят примерно в 300 км от Москвы, и только четыре области — Брянская, Ивановская, Костромская и Орловская не соприкасаются с Московской. На этом основании ЦЭР иногда называют Москов-

ским столичным районом. В природном и экономическом отношении Центральный район очень неоднороден. На его территории чередуются зоны ополий, где ведется интенсивное земледелие, кустарных промыслов, речные долины с молочным животноводством и овощеводством, городские агломерации. Нередко рядом размещаются территории-антиподы, даже в пределах одной области, например, Владимирское ополье соседствует с лесной Мещерой.

Достаточно высоким индустриальным уровнем характеризуются Владимирская, Ивановская, Московская, Тульская, Ярославская области. Именно высокой концентрацией населения и промышленности подчеркивается особое положение Центра в системе российских регионов (прежнее название — Старопромышленный Центр). Здесь, на 3% территории России, проживает около 20% населения. И, что не менее существенно, в ЦЭР (по состоянию на 1989 г.), кроме крупнейшей Московской, имелось еще 9 городских агломераций². Вместе с примыкающими к ней агломерациями Московская образует Центральную урбанизированную зону с общим населением около 25 млн. чел.³

Итак, своеобразные «полюса» Центрального Нечерноземья — это урбанизированные и неурбанизированные территории. Вернемся к этой градации чуть позже, а пока обратимся к общепринятой системе районирования областей ЦЭР.

В соответствии с ней в регионе выделяются четыре основные части: 1) ядро — Москва и Подмосковье (совпадает с Московской областью); 2) старопромышленный Северо-Восток; 3) юг; 4) запад⁴.

На 9% территории, занимаемой **ядром**, проживает половина всего населения района. Здесь компактно расположено около 80 городов, большинство предприятий которых дополняет московские. В городах-спутниках сформирована развитая учебная и научная база. Наиболее значительные московские предместья находятся в северо-восточном, восточном и южном направлениях. Сельское хозяйство носит выраженный пригородный характер. Широко распространено животноводство (в каждом десятом селе есть молочно-товарная ферма).

Старопромышленный Северо-Восток составляют Ивановская, Костромская, Владимирская и Ярославская области. Почвы Северо-Востока по большей части не отличаются плодородием (за исключением плодородной приволжской пойменной полосы от Рыбинска до границы с Волго-Вятским районом). В местах, где сельское хозяйство не могло прокормить население,

сложилась устойчивая традиция кустарных промыслов, главным образом, ткацких. Так был подготовлен промышленный взлет Иваново.

К концу XX в. текстильная отрасль, прежде определявшая экономический облик территории, несколько утратила прежнее значение, с ней стали конкурировать другие производства; вместо Иваново на роль промышленного лидера выдвинулся Ярославль. Как центр тяжелого машиностроения выделился город Владимир, выступающий партнером по отношению к Москве.

Большая по площади Костромская область из-за своей удаленности от энергетических центров и транспортных магистралей развивалась гораздо медленнее. Основную роль играли лесная промышленность и льноводство. По территории Северо-Восточных областей пролегла граница между Русским Югом, способным прокормить себя собственным хлебопашеством, и Севером, основой экономики которого издавна считались молочное животноводство, льноводство и промыслы.

Юг Центрального экономического района составляют Орловская, Тульская и Рязанская области. Это главные зерновые территории в Центре. Кроме того, к востоку от Тулы расположен Подмосковский угольный бассейн, и потому здесь имеется большое количество шахт, электростанций, дорог, близко расположенных друг к другу городов. Центром угледобычи считается город Новомосковск. Начиная со второй половины XIX в. экономическое значение Юга постепенно снижалось. Местные черноземы истощались, так же как и запасы угля.

В настоящее время экономическая роль юга поддерживается альтернативными промышленными производствами в крупных городах и все еще достаточно высоким (по меркам Центра) уровнем развития сельского хозяйства. Аграрное производство остается ведущей отраслью, хотя приобретает все более пригородный характер. Традиции отходничества сформировались здесь еще в XIX в., в ходе проигранной конкуренции за зерновое лидерство со степными районами. В результате не менее четверти теперешних московских жителей — выходцы, либо потомки выходцев из Рязанской области.

В Орловской области кризисные явления проявлялись не так остро. Несмотря на деградацию черноземов, область традиционно собирает высокие урожаи ржи и пшеницы, а также занимает первое место в ЦЭР по поголовью скота. Это позволяет иметь стабильный запас продовольствия и поддерживать неплохой уровень благосостояния местных жителей.

Наконец, запад Центрального Нечерноземья составляют Брянская, Калужская, Смоленская и Тверская (бывшая Калининская) области. Запад довольно специфичен по отношению к остальной территории Центра. На

этом основании в 1929 г. была предпринята попытка выделения его в самостоятельную административную единицу — Западную область с центром в Смоленске, просуществовавшую до 1937 г. Регион определялся как аграрный «с преобладанием маслично-текстильных культур и развитым продуктивным животноводством»⁵. Это лесная зона с небольшим количеством крупных промышленных производств. Преобладающий аграрный характер экономики Западной области делал ее хозяйство альтернативным по отношению к хозяйству Центральной Промышленной области, вместе же они были призваны дополнять друг друга. На наш взгляд, затея с Западной областью не оправдала себя именно в силу неспособности ее быть самостоятельной аграрной территорией. Не случайно, вопреки прежним планам, во второй половине XX в. началась интенсивная индустриализация региона.

К числу отличительных черт Запада относится то, что это территория транзитная, через которую пролегает путь из Москвы на Украину, а также с Азова на Балтику. Полосы концентрации хозяйства и городов располагаются вдоль транспортных осей Москва — Санкт-Петербург, Москва — Минск, Москва — Киев. Крупным транспортным узлом считается Брянск, и промышленность изначально (с середины XIX в.) обслуживала здесь транспортные нужды. Калужская область также обязана своим промышленным развитием главным образом транспортному фактору. Несмотря на недавнюю динамичную индустриализацию Смоленской и Калининской областей, промышленных гигантов здесь нет. Калининская область сложилась как самая крупная в Центральном районе. Своей большой площадью она обязана включением большого количества «ничейных» земель между Ленинградом и Москвой.

В Калужской области преобладает сельское хозяйство пригородного типа, в Смоленской и Калининской огромные площади отводились под посевы льна. К югу от Брянска расположена зона мелких ополей, поэтому тип хозяйства здесь близок к черноземному, Брянская же область в целом довольно долго сохраняла «получерноземный» статус.

Развитие хозяйства в западной части ЦЭР затруднено из-за неудобного водного сообщения, наличия болот (десятая часть территории) и малоплодородных земель. Запад уступает Северо-Востоку по степени промышленного развития точно так же, как и Югу по уровню развития аграрного.

Завершая общую характеристику, необходимо упомянуть, что западные территории обычно сильно страдали в ходе войн, особенно в результате Великой Отечественной войны, что часто дает дополнительные основания

для применения по отношению к областям этой части Центрального Нечерноземья общего подхода.

Приведенное деление вряд ли можно считать универсальным. При всей значимости общезкономической характеристики Центра существенно уточнить картину помогает типология аграрного развития региона. В этом случае принцип классификации будет иным.

Интенсивная урбанизация определила ведущую роль **пригородного** типа хозяйства (27% территории ЦЭР). Именно он имеет наибольшее значение в аграрном секторе Московской, Владимирской, Ивановской и Калужской областей. Для него характерны высокий уровень интенсификации, большая плотность поголовья скота, продуктивное животноводство, более высокая урожайность основных сельскохозяйственных культур. Вблизи крупных городов и промышленных центров выращиваются преимущественно малотранспортабельные ранние овощи и картофель.

Северо-западный тип хозяйства сложился в Калининской, Костромской, Смоленской и Ярославской областях (ок. 47% территории района). Он отличается сочетанием льноводства с молочным скотоводством. В этих областях сосредоточено 90% посевов льна Центрального Нечерноземья. Кроме него, производятся корма, силос, выращиваются многолетние травы.

Наконец, **южный** тип хозяйства присутствует в Брянской, Орловской, Тульской и Рязанской областях (26% территории ЦЭР). Для него характерна большая доля посевов зерна (до 50% всех посевов), специализация на мясе, шерсти, молоке, сахарной свекле⁶.

В этой систематизации на первое место выходит фактор расположения подрайона относительно крупных городов, а уж затем принимается во внимание традиционная аграрная специализация. С точки зрения экономической эффективности наиболее успешным следует признать *пригородный* тип хозяйства, при этом его успешность определяется именно связкой с ближайшим городским центром; вслед за пригородным идет традиционный, в основном самодостаточный *южный* тип, а замыкает список проблемный *северо-западный* тип хозяйства. С учетом интенсивной урбанизационной динамики Центрального Нечерноземья пригородный тип имеет еще и наилучшую перспективу.

Нетрудно увидеть, что границы северо-западного типа хозяйства в основном совпадают с территорией слабоурбанизированного Запада ЦЭР (исключение — Ярославская область). Чем в таком случае определяется относительная успешность южного типа хозяйства по сравнению с северо-западным? Вполне резонно предположить, что причиной всему более высокое плодородие почв на территориях, примыкающих к черноземной зоне. Однако скотоводство и особенно льноводство северо-запада теоретически

могут быть не менее прибыльными. Среди многочисленных объяснений удовлетворительным представляется соображение, высказанное еще в 20-е гг. XX в. исследователем деревни Европейской России А.А.Рыбниковым. Он предположил, что состояние хозяйства зависело не столько от климата и плодородия почв, сколько от положения относительно рынков сбыта и демографической ситуации⁷.

В этом случае особую значимость приобретают особенности сельского расселения и размещения городов на территории Центрального Нечерноземья.

Сельское расселение и урбанизация

Поскольку понятия, вынесенные в заголовок, нечасто употреблялись в общем контексте, сельское расселение рассматривалось исключительно «через призму сельскохозяйственного производства»⁸. Игнорирование (или недооценка) фактора урбанизации затрудняли исследования эволюции расселения, не позволяли просчитать общие закономерности этого процесса. В применении к территории Центральной России, где городское развитие является едва ли решающим фактором, узко-экономическое восприятие проблем сельского расселения имело тем более тяжелые последствия. Всплеск интереса к урбанизационной проблематике, обозначившийся в 90-е гг., помог понять, что «вопрос о взаимосвязях городского и сельского расселения в условиях урбанизации исследован крайне недостаточно»⁹. Таким образом, довольно многочисленные качественные исследования сельского расселения, выходявшие в 1960–80-е гг., сегодня должны быть переосмыслены и дополнены.

Большая часть Центрального Нечерноземья относится к мелкоселенной зоне. Такое расселение сложилось в XVIII–XIX вв. с учетом природных и климатических особенностей территории. Местные подзолистые почвы могли постоянно использоваться лишь при внесении большого количества органических удобрений, это территориально привязывало фермы к пашне. Сама же пашня (как и естественные кормовые угодья) располагалась дисперсно, с учетом рельефа — среди леса, болот, кустарников, что предопределило рассредоточение жителей в небольших населенных пунктах, расположенных на расстоянии 2–3 км один от другого¹⁰. При этом по сей день до 1/5 всего населения здесь проживает в деревушках, где число жителей не превышает 25 человек, к тому же в условиях характерного для этих мест бездорожья¹¹.

Средние размеры сел на территории ЦЭР — 120 чел. на одно поселение (данные 1970 г.) Для сравнения: в черноземной зоне в те же годы на одно поселение приходилось 485 человек¹². Если сравнить людность сельских поселений сопредельных областей без учета административных гра-

ниц, то станет ясно, что она убывает с юга на север. Село российской черноземной зоны и области Украины наиболее многолюдны. Смоленская область начинается собой зону мелких поселений, которая тянется затем на северо-запад России и в Прибалтику. Характерно, что существуют различия в плотности расселения даже в границах отдельно взятых областей, при этом южные районы часто более плотно заселены, чем северные. Очень хорошо эта тенденция проявляется, например, в Калужской области. Мелкие населенные пункты располагаются здесь преимущественно в районах, граничащих со Смоленской областью, т.е. на северо-западе, а в центральных и южных, прилегающих к Брянской области районах, преобладают более крупные поселения¹³. В начале 70-х гг. в Смоленской области количество жителей на кв. км изменялось от 10 на юге до 5 и менее на севере¹⁴.

В соответствии с названной закономерностью по преобладанию типов сельских населенных пунктов на территории Центрального Нечерноземья выделяются четыре группы расселения. Они изменялись следующим образом:

Таблица 1.

Группы расселения в ЦЭР
(по преобладанию типов сельских населенных пунктов)¹⁵

Тип расселения	1959 г.	1989 г.
I – мелкоселенный	Ивановская, Калининская, Костромская, Смоленская, Ярославская	Калининская, Ярославская
II – среднемелкоселенный	Владимирская, Калужская, Орловская, Тульская	Ивановская, Костромская, Орловская, Смоленская, Тульская
III – среднеселенный	Брянская, Рязанская	Брянская, Владимирская, Калужская, Рязанская
IV – среднекрупноселенный	Московская	Московская

Как видим, постепенно происходило смещение большинства областей в сторону увеличения доли живущих в средних и крупных поселениях. Особенно быстро этот процесс шел в мелкоселенных регионах. К 1970 г. в перечне мелкоселенных остались лишь Калининская и Ярославская области. Почти неизменную структуру людности сохранили Тульская и Орловская области. Южно-северный градиент очевидно нарушался лишь в Московской области. Величина сельских населенных пунктов на ее территории

определялась не географическими, а урбанизационными факторами. При этом сельское расселение в Московской области было сильно поляризованным: до 50% всего населения было сосредоточено в крупных селах и крайне мало — в средних¹⁶.

Исследователями обращается внимание на стабильность ареала мелкоселенных регионов. Несмотря на глобальные процессы, происходившие в селе Нечерноземья в XX столетии, положение областей в ранжированном списке людности сельских поселений изменилось мало. «За 100 лет в группу наиболее мелкоселенных территорий России никто новый не вошел и никто из нее не вышел»¹⁷.

Кроме типов населенных пунктов, при анализе сельского расселения необходимо учитывать и другую его характеристику — людность территорий. Здесь также действует тенденция большей концентрации при продвижении с севера на юг. С учетом постоянного сокращения сельского населения в Центральном Нечерноземье во второй половине XX в. эту категорию удобно рассматривать в динамике. Здесь также выделяется несколько типов территорий.

В самых мелкоселенных районах сельское население сокращалось быстрее, чем сокращение сети сельских населенных пунктов. Это было характерно для Калининской, Костромской, Смоленской и Ярославской областей.

Та же проблема, но не повсеместно и с запозданием, отмечалась в среднеселенных (по меркам Центра) Брянской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской областях.

Одновременно уменьшение численности населения и сокращение сети сельских населенных пунктов шло во Владимирской и Ивановской областях.

Наконец, в Московской области количество сельских населенных пунктов сокращалось быстрее уменьшения численности сельского населения¹⁸.

Очевидно, что система сельского расселения, а также ее эволюция находятся под влиянием как географических (степень изрезанности территории, характер сельскохозяйственных угодий и т.п.), так и урбанизационных факторов. Влияние последних возрастало по мере распространения промышленных предприятий. Как было замечено, «с переходом на индустриальную технологию урбанизация становится ведущим процессом в расселении, основным его содержанием, определяющим его... пространственные сочетания и связи, направление развития»¹⁹.

Попробуем определить характер урбанизационного воздействия. Принято считать, что влияние урбанизации на систему сельского расселения в первую очередь проявляется именно в депопуляции. Имея в виду, что урбанизационное взаимодействие города и села в Центре России ощуща-

лось со второй половины XIX в., приходится признать, что до реального обезлюдения села, проявившегося на этой территории только во второй половине XX столетия, качественных сдвигов в системе сельского расселения почти не происходило.

По классификации Ж.А.Зайончковской, начальный период урбанизации соответствовал первой стадии развития расселения. Хотя влияние города на деревню постепенно углублялось, основополагающий принцип — сплошная заселенность сельскохозяйственных угодий — продолжал действовать. В это время демографических ресурсов села было еще достаточно, чтобы обеспечить рост городов, не нарушая при этом сеть сельского расселения²⁰.

Принесшая качественные сдвиги вторая стадия обозначилась с возникновением дефицита демографических ресурсов и выразилась в концентрации сельского расселения. Население мигрировало в пригородные зоны, сеть малых населенных пунктов при этом разрушалась. Если на первой стадии система городского расселения развивалась на фоне неподвижной сети сельских населенных пунктов, то на второй устойчивость приобрела система городов, а сельское расселение постоянно деформировалось. Городское влияние проявлялось в том, что сначала росли более крупные поселения, независимо от их удаленности от города. Затем вступал в действие фактор удаленности от города, и наиболее жизнеспособными оказывались поселения, близкие к городским центрам²¹. Универсальность взаимосвязи между местоположением населенного пункта и характером его будущего развития позволяет говорить о закономерном характере процессов, происходивших в сельском расселении под влиянием урбанизации. Это, в свою очередь, заставляет по-иному оценить проблему обезлюдения села Центра, не сводя ее причины к просчетам в управлении.

В Центральном Нечерноземье интенсивная эволюция системы сельского расселения проходила именно в послевоенные десятилетия²². Вполне естественно, что прежде всего она затронула наиболее мелкоселенные области. Наиболее разрушительный период закончился здесь к концу 1980-х гг., после чего количество и численность населения крупных и средних поселений стабилизировались, и они реально стали способны играть роль опорного каркаса расселения, прежде искусственно им навязываемую. Мелкие поселения продолжали исчезать.

В среднеселенных регионах разрушение сети поселений началось позже (юг ЦЭР, а также Брянская область). В период интенсивного миграционного оттока из села центра (50-е — 60-е гг.) исчезновение поселений не приняло на этой территории массового характера, и именно среднеселенность играла амортизирующую роль. Однако позже, в 70-е — 80-е гг., расселение приобрело здесь ту же динамику, которая была характерна для бо-

лее мелкоселенных областей в 60-е гг. Стабилизирующая роль крупных и средних поселений пока проявляется слабо.

В случае с Московской областью мы имеем дело с особой ситуацией. При наличии мощного городского центра крупные поселения с развитой инфраструктурой сохраняются, средние не имеют шансов на выживание и исчезают, но зато мелкие и мельчайшие сохраняются за счет изменения специализации (вместо хозяйственной функции они начинают выполнять рекреационную). В эту же фазу поляризации вступили сильно урбанизированные и тяготеющие к Москве Ивановская и Владимирская области. При этом структурные изменения уже оказываются важнее депопуляционных процессов, и сокращение сети сельских населенных пунктов не сопровождается одновременными потерями сельского населения. По мере усиления городского влияния эти же явления будут наблюдаться сначала в мелкоселенных, а затем в среднеселенных областях.

Описанная ситуация характеризует следующую, третью стадию расселения. На этом этапе складывается *интегрированное расселение*, когда городские и сельские системы сливаются на общей основе на сравнительно небольшой (по сравнению с прошлым) территории²³. Появляются смешанные урбанистические образования — городские агломерации, мегалополисы. Они концентрируют как городское, так и сельское расселение и, по сути, формируют опорный каркас расселения²⁴.

Динамику урбанизационного развития Центра иллюстрируют данные об этапах агломерационного формирования. К 1989 г. только два областных центра — Кострома и Орел — не являлись центрами городских агломераций (ГА). Старейшие, существовавшие еще в первой половине XX в. — Московская и Ивановская агломерации. К 1959 г. к ним добавились Калининская, Тульская и Ярославская; к 1970 г. — Брянская и Рязанская; наконец, к 1979 — Владимирская, Калужская и Смоленская²⁵.

Другой важный «городской» показатель — время урбанизационного перехода, когда городское население области по численности уравнивается с сельским. Здесь наблюдается следующая картина:

— *области с ранним урбанизационным переходом (до 1941 г.):* Московская и Ивановская;

— *с относительно ранним переходом (до 1960 г.):* Тульская, Ярославская, Владимирская;

— *со средним переходом (до 1970 г.):* Калининская, Костромская, Калужская;

— *с поздним переходом (после 1970 г.):* Смоленская, Брянская, Рязанская, Орловская²⁶.

Сопоставление показателей позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, для областей с относительно ранним урбанизационным переходом обычно характерно одновременное обретение их центрами статуса центра ГА (Московская, Ивановская, Тульская, Ярославская).

Во-вторых, центр урбанизированной области далеко не всегда сразу же становится и центром ГА. Как правило, эта ситуация характерна для областей, примыкающих к Московской и подпадающих под ее влияние (Владимирская, Калужская).

В-третьих, приобретение статуса центра ГА не всегда соответствует степени урбанизированности территории (Калининская). Именно в этом, на наш взгляд, находит отражение форсированный характер советской урбанизации. Фактор форсированной урбанизации действует и в более общем случае формирования ГА на мелкоселенной территории (Смоленская), но это происходит не всегда (Костромская).

В-четвертых, в среднеселенных причерноземных областях Центра процесс складывания ГА идет с запозданием по отношению к остальной территории ЦЭР, при этом он совершается одновременно с урбанизационным переходом, и потому выглядит довольно сбалансированным (Брянская, Рязанская).

Наконец, в-пятых, более благополучная ситуация с сельскими трудовыми ресурсами тормозит процесс формирования ГА, что позволяет говорить о существовании зависимости между состоянием аграрной сферы и темпами урбанизации (Брянская, Рязанская, Орловская).

При сопоставлении темпов урбанизации в каждой конкретной области с изменением ее статуса в системе сельского расселения Центра (Табл.1) будем иметь в виду, что тенденция укрупнения среднего размера сельских населенных пунктов на раннем этапе эволюции расселения в связи с урбанизацией достаточно универсальна. Поэтому сохранение места области в той или иной группе должно говорить либо о том, что этот этап уже пройден, либо, что он еще не начинался (или пока недостаточно интенсивен). В первом случае речь идет о Московской области (сохранение места в IV группе), во втором — о причерноземных среднеселенных Брянской, Рязанской и Орловской (II и III группы).

Однако, это (в основном верное) предположение не объясняет происходившее в Калининской и Ярославской областях, а также в Тульской, хотя и находящейся на юге, но имеющей развитую промышленность. Все три территории довольно рано совершили урбанизационный переход (Калининская — несколько позже); они отличаются большим количеством городских поселений (Калининская и Тульская, наряду с Московской, удерживали по этому показателю первые места в ЦЭР²⁷). Справедливости ради заметим,

что лидерство Калининской области, в немалой степени объясняется ее большой территорией. Ярославская область (наряду с Ивановской и Тульской) — один из немногих регионов в Центре, имеющих так называемый «второй город»²⁸. Все это позволяет говорить о сильном влиянии урбанизационных факторов на развитие областей. Представляется, что сила притяжения городов в трех областях была настолько высока, что не позволяла средним и крупным сельским поселениям играть значимую роль (при этом для менее промышленно развитой Калининской области решающим фактором стало расположение между двумя мощными городскими центрами — Москвой и Ленинградом). В результате мелкоселенный статус территории сохранялся, а в процессе урбанизации мелкие сельские населенные пункты либо исчезали, либо приобретали статус несельскохозяйственных поселений.

Высказанное соображение заставляет принять во внимание еще одну важную характеристику сельского расселения — преобладающие функциональные типы сельских населенных пунктов.

По С.А.Ковалеву, выделяются 5 типов поселений:

- 1) села-райцентры (там, где «не хватает» городов для выполнения функций базовых местных центров;
- 2) села — центры крупных хозяйств;
- 3) отделения, бригады, прифермские поселки; поселки фермеров и крестьян, выделившихся для ведения индивидуального хозяйства;
- 4) прочие сельскохозяйственные СНП;
- 5) несельскохозяйственные СНП²⁹.

Относительно третьего типа сразу заметим, что с завершением ликвидации хуторов в Смоленской области в послевоенные годы поселения-центры индивидуальных хозяйств на территории Центра прекратили свое существование и стали появляться вновь лишь в 90-е гг., поэтому в применении к исследуемому периоду подразумевается колхозно-совхозная специализация такого рода населенных пунктов. Очевидно, что системообразующую роль играли сельские поселения первых трех типов; кроме того, об особенностях территории во многом говорит количество несельскохозяйственных сельских населенных пунктов.

Отметим две особенности. К концу 80-х гг. наибольшее значение в Центральном Нечерноземье имели населенные пункты второго типа. Они концентрировали до 40% сельского населения. При этом одновременно росли и их численность, и людность. Одновременно сохранялось большое количество мелких и мельчайших поселений четвертого типа, которые продолжали играть донорскую роль, причем преимущественно в регионах с поздней урбанизацией, т.е., среднеселенных. Что касается Московской области с ее завершившейся поляризацией, то там численность и людность

таких поселений стабилизировались, и они концентрировали около 25% сельского населения (в среднем по Нечерноземью — 13%)³⁰.

Первый тип — сел-райцентров — по-прежнему широко распространен на поздно урбанизовавшемся юге Центра, а также в Брянской, Калужской и Костромской областях.

С точки зрения перспектив урбанизации и с учетом происходящего в Московской области наиболее жизнеспособными представляются поселения второго, четвертого, а при определенных условиях — и третьего типов. Села-райцентры первого типа, как правило, преобразовываются в города. В условиях урбанизации статус поселения тем выше, чем разнообразнее выполняемые им функции — административные, производственные, социально-обслуживающие. Этим требованиям, помимо городских поселений, могут соответствовать поселения второго типа. Поскольку географические особенности Центрального Нечерноземья располагают к дроблению сельскохозяйственных предприятий, теоретически села третьего типа могут претендовать на роль небольших хозяйственных центров. Однако в послевоенные десятилетия этот статус плохо совмещался с реалиями колхозной системы с ее склонностью к гигантомании. В результате средние поселения становились заложниками урбанизации.

Количество несельскохозяйственных поселений имеет тенденцию к увеличению. Быстрее всего это происходит в Московской области, и может интерпретироваться как одна из черт агломерационного развития. Только в период с 1959 по 1970 гг. доля несельскохозяйственных поселений здесь выросла с 14,8 до 30,2%, или более чем в два раза (для сравнения: в слабоурбанизированной Орловской области их было только 1,8%)³¹. В то же время несельскохозяйственных *сельских* поселений гораздо меньше, их функции в Московской области традиционно берут на себя города³².

Вполне естественно, что в областях с поздним урбанизационным переходом на сельские поселения чаще перекладываются городские функции. Поэтому большее их количество свидетельствует скорее о недостаточной урбанизированности территории. Больше, чем в других регионах, несельскохозяйственных сельских поселений насчитывалось в Брянской, Орловской и Рязанской областях³³.

К концу 80-х гг. в Центральной России такого рода населенных пунктов было около 10%, и в них проживало 8% всего сельского населения. При этом большинство их относилось к промышленным и транспортным (соответственно 45 и 27%)³⁴.

Во второй половине XX в. небольшие несельскохозяйственные сельские поселения интенсивно сокращались, причем необязательно вследствие оттока населения в более крупные населенные пункты. Перестройка систе-

мы управления железными дорогами, электрификация и внедрение тепловозов сделали ненужными многие транспортные поселения. Особенно интенсивно этот процесс проходил в Центральном районе. Только в Рязанской области их число с 1959 по 1989 гг. сократилось с 390 до 53. В той же пропорции сократилось и количество лесопромышленных поселений. Одновременно шло массовое преобразование несельскохозяйственных поселений в городские³⁵. Это обстоятельство заставляет быть осторожным в интерпретации интенсивного сокращения сети сельских населенных пунктов с точки зрения обезлюдения села. Игнорирование качества сельского населения, его урбанистической составляющей, и особенно в применении к Центральной России, нередко приводят к утрированию проблемы раскрестьянивания.

Имея в виду хронологические рамки настоящей работы, упомянем об уроне, нанесенном системе сельского расселения Центрального Нечерноземья в ходе Великой Отечественной войны. В зоне военных действий, т.е. преимущественно на западе района, была уничтожена большая часть прижелезнодорожных поселений, особенно наиболее крупных, а также большое количество деревень и сел, находившихся вблизи городов и в примагистральных зонах. Были целиком или почти целиком уничтожены крупные поселения, выполнявшие роль опорных пунктов обороны, населенные пункты по берегам больших рек, вблизи аэродромов, военных городком и т.п. Остались практически не разрушенными сельские ареалы в междумагистральных пространствах, в заболоченных местностях, опольях и т.п. Даже в районах наиболее интенсивных боев разрушение сельского расселения не носило сплошного характера³⁶.

В послевоенный период потребности восстановления сети расселения стимулировали дополнительные масштабные перемещения сельского населения из глубинки к линиям и узлам каркаса расселения (сюда же направлялись и в поисках пропитания)³⁷. Это обстоятельство усугубило расселенческие деформации в сети сельских поселений на западе Центра и ускорило процесс ее разрушения.

* * *

Рассмотрение особенностей сельского расселения в Центральном Нечерноземье позволяет установить, что из всех признаков, его характеризующих, безусловно доминировавшим во второй половине XX в. являлся фактор близости к городу. Он оказывал влияние на прочие расселенческие характеристики (людность, функциональность, статусное положение населенного пункта). Степень заселенности территории в мелкоселенных регионах, хотя и сказывалась на уровне хозяйственного развития села, но не оп-

ределяла этот уровень. Значимым оказывалось только наличие либо отсутствие пригородной специализации. В среднеселенных регионах южной и западной зон до конца 1960-х гг. урбанистическое влияние проявлялось в гораздо меньшей степени, в результате чего здесь долго сохранялась прежняя структура сельского расселения. Но затем эти области также активно включились в депопуляционную фазу, подготовив переход системы сельского расселения в следующую стадию — агломерационную. Уникальность Центра России в послевоенные десятилетия в качестве объекта рассмотрения заключается в том, что исследователь имеет возможность наблюдать здесь все три этапа активного изменения сельской поселенческой структуры под влиянием урбанизации. Одновременно появляется возможность адекватного толкования происходивших здесь интенсивных демографических процессов. Однако прежде необходимо получить более полное представление об основных характеристиках сельского населения Центра.

Особенности демографического развития

Снова обратимся к теме соотношения городского и сельского населения, которая уже затрагивалась выше в связи с проблемой урбанизационного перехода. Это соотношение позволяет оценить интенсивность урбанистического развития Центра на фоне других регионов России. В течение всего послевоенного периода вне зависимости от интенсивности миграции в города доля городского населения в ЦЭР оказывалась выше, чем по России в целом:

Таблица 2.

Удельный вес городского населения (в % ко всему населению района)³⁸

	1959	1970	1979	1989
РСФСР	52	62	69	74
ЦЭР	59	71	78	83

Нетрудно заметить, что при изначально большем значении доли городского населения в ЦЭР по сравнению с остальной территорией России, этот показатель в межпереписные периоды изменялся почти синхронно, на равную величину. Это позволяет предположить, что причины изменений и для Центра, и для России в целом были общими. К 1989 г. большей, чем в ЦЭР, урбанизированностью населения отличался только Северо-Западный район (87%), доля же Центра в городском населении РСФСР составляла около 25%³⁹.

Наиболее активная стадия роста городского населения в Европейской России приходится на 20-е — 30-е гг. При этом в первую очередь ею были затронуты области, имевшие наилучшие условия для развития промышлен-

ности (Московская, Ярославская, Тульская, Ивановская). В послевоенные годы (примерно до 1958 г.) тенденция сохранялась, однако приток в основном компенсировал военные потери. Наконец, с конца 1950-х до конца 1980-х отмечается постепенное сокращение абсолютного прироста городского населения⁴⁰. На этом этапе не столько растет городское население, сколько сокращается сельское (за счет сниженного естественного прироста, дисбаланса полов и др.). Именно эти процессы отражают данные Табл. 2. Причем, если в предшествующий период росло городское население старопромышленных областей, то в послевоенные десятилетия интенсивно урбанизовались западные и южные регионы Центра. Эта тенденция хорошо прослеживается по материалам переписей (Рис.1). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что изменения темпов прироста по отдельным областям происходили на фоне общего сокращения прироста городского населения и по Центральному району, и по России в целом. В течение всего периода происходил постепенный дрейф аграрных западных областей из левой в правую часть графика, т.е. в сторону более высоких темпов прироста (Брянская и Смоленская), причем на скорость урбанизации населения очевидное влияние оказывал фактор мелкоселенности. Северо-восточные старопромышленные области (Ивановская и Ярославская) в послевоенный период уже почти прошли этот этап, что определило их место в левой части графика. Справа налево постепенно смещалась и Владимирская область. Напротив, в эти годы довольно активно шла урбанизация промышленной Тульской области. К началу 60-х гг. этот процесс завершился, и регион резко сдвинулся в левую часть графика. Однако примерно с этого времени доля городского населения наиболее интенсивно стала увеличиваться в областях, не граничащих с Московской — Орловской и, в меньшей степени, Брянской. Представляется, что на этом этапе темпы урбанизации населения также определялись поселенческим фактором, и более плотно населенные области урбанизовались быстрее. Таким образом, среднеселенность, которая ранее помогала поддерживать на приемлемом уровне местное сельское хозяйство, тормозя тем самым распространение городского влияния, теперь способствовала ускоренным темпам урбанизации.

Отметим также стабильно высокий, хотя и постепенно замедлявшийся темп урбанизации населения в Рязанской области. Изначально большая интенсивность процесса была задана близостью к Москве и давними связями местного населения со столичным регионом. Но принадлежность области к южной среднеселенной полосе в течение довольно долгого времени подпитывала резервы сельского неурбанизированного населения, которое затем приобретало статус городского. В результате некоторое замедление роста доли горожан (смещение Рязанской области ближе к середине) стало заметно

Темпы прироста городского населения по областям ЦЭР, %⁴¹

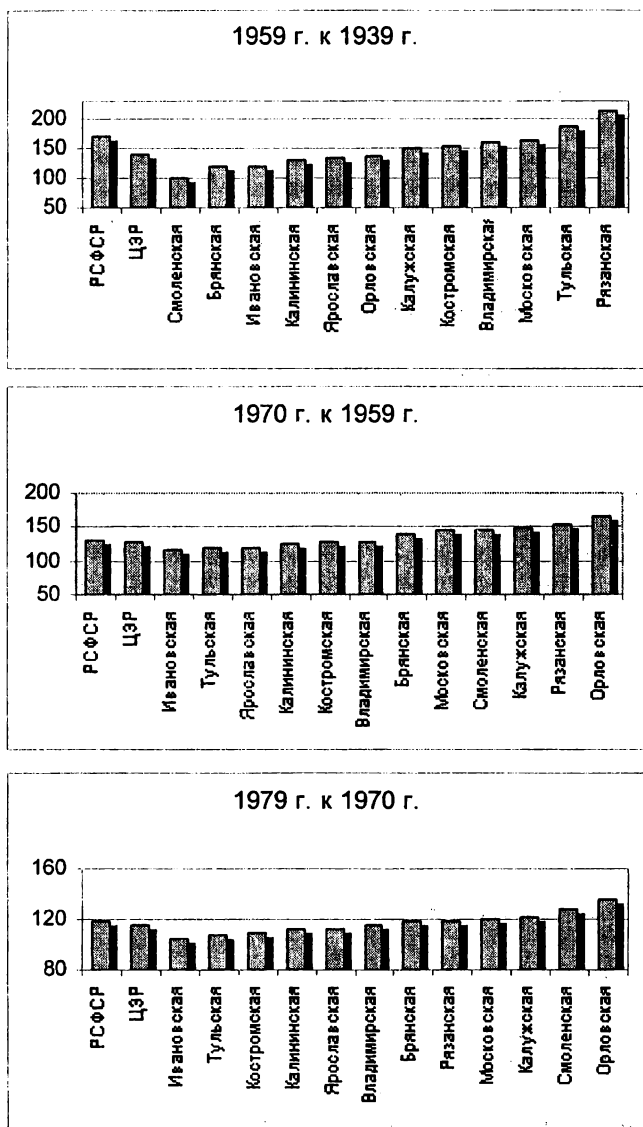

Рис. 1

только в период с 1970 по 1979 гг. Таким образом, на фоне общего сокращения темпов прироста городского населения Центра во второй половине XX в., начиная с 60-х гг. в районе довольно интенсивно шел процесс урбанизации населения аграрного среднеселенного юга. При этом фактор местоположения по отношению к Москве, как определяющий интенсивность процесса, постепенно утрачивал прежнее значение.

Кроме соотношения долей городского и сельского населения, при демографической характеристике региона следует обратить внимание на данные естественного прироста, а также возрастной и половой структуры населения.

Центральное Нечерноземье в целом отличается невысокими показателями естественного прироста населения. Причем в 60-е — 80-е гг. ЦЭР имел наименьший естественный прирост по стране в целом⁴². Поскольку суженное воспроизводство населения обычно для урбанизированных территорий, то в этом нет ничего необычного. На территории всей Центральной России издавна действовал градиент уровня воспроизводства, уменьшавшийся при продвижении с юга на север, который в основном совпадал с характером заселенности территории. На этом основании демографы выделяли «черноземный» и «нечерноземный» типы воспроизводства населения. Представляется однако, что с самого начала суженное воспроизводство «нечерноземного» типа определялось влиянием многочисленных городов этой зоны. Поэтому определения «городской» и «сельской» для типов воспроизводства представляются более отвечающими реальности. Б.Н.Мионов прослеживает трансформацию этих типов, отмечая, что «во второй трети XIX в. люди стали осознавать, что... необходимо регулировать рождаемость и уменьшить число детей до разумного числа. Это был мучительный процесс ломки старых стереотипов, традиций, поэтому он растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1960-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения⁴³.

О том, что на территории ЦЭР в послевоенные десятилетия переход еще не завершился, убедительно свидетельствуют данные динамики одной из составляющих типа воспроизводства — коэффициента детности (соотношения детей в возрасте до 9 лет и численности населения в репродуктивном возрасте — от 20 до 49 лет) по сельской местности (Рис.2)⁴⁴.

Как и следовало ожидать, более высоким этот коэффициент оказывается в областях, не граничащих с Московской (вне зависимости от характера расселения), а наименьшим — в самой урбанизированной Московской области. Причем более четко эта тенденция прослеживается в 1959 г. За 20 лет наиболее резким изменение типа воспроизводства оказалось в Калининской, Орловской и Тульской областях, где значение коэффициента умень-

шилось более, чем в 2 раза. Есть соблазн связать изменение типа воспроизводства населения с темпами его урбанизации, тем более что стремительно урбанизовавшаяся Орловская область, казалось бы, подтверждает это предположение. Но количественное сопоставление рядов данных дает спорный результат — хотя зависимость существует, но она не столь велика (коэффициент корреляции по переписям колеблется от 0,17 до 0,20). Это заставляет предположить, что изменения типа воспроизводства определялись и другими обстоятельствами, не столь очевидными. К тому же есть основания считать, что в тех случаях, где коэффициент детности изменялся скачкообразно, это было следствием прежде всего интенсивной миграции репродуктивного населения, и только потом сменившейся ориентации на количество детей в семье. Исследователями отмечается инерционность, медленное изменение региональных различий в протекании демографических процессов, формирующих режим воспроизводства населения⁴⁵.

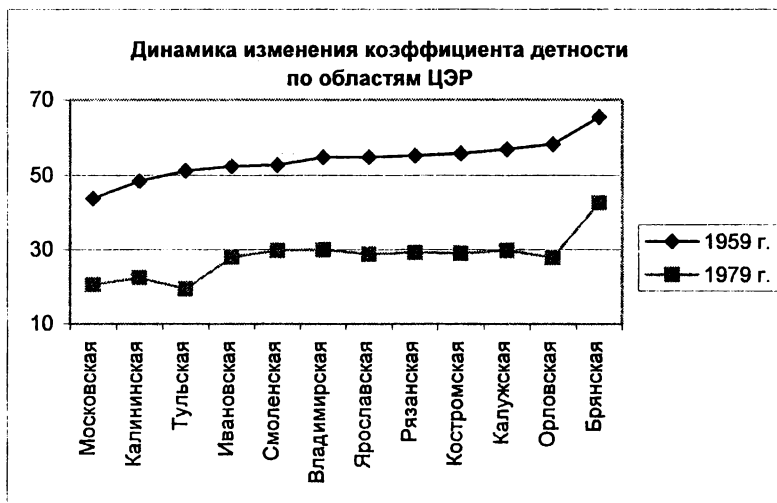

Рис. 2.

Что же касается показателей естественного прироста сельского населения, то характер произошедших здесь изменений помогает оценить приведенный ниже график⁴⁶.

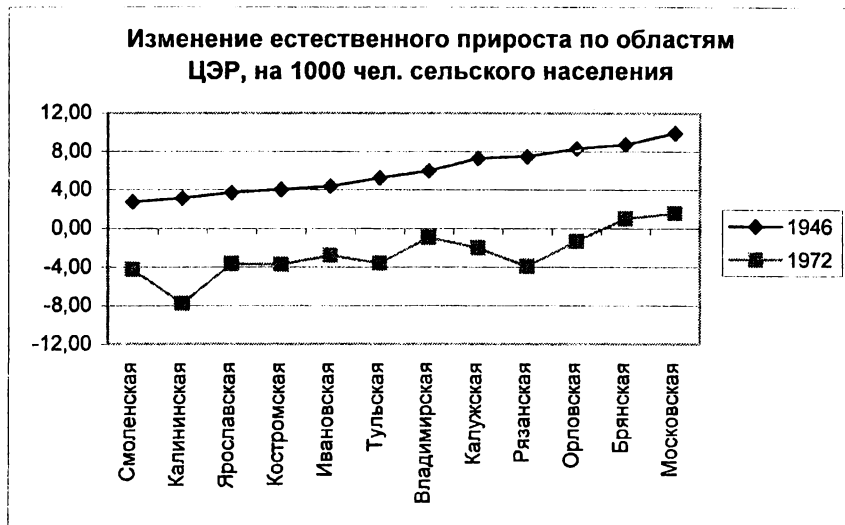

Рис. 3.

В применении к 1946 г. можно говорить об относительной равномерности в распределении данных. Влияние урбанизации проявлялось лишь в Московской области, уже тогда аккумулировавшей молодое население. Наименьшим прирост был в мелкоселенных областях. Кривая 1972 г. гораздо более выразительна. Самым разрушительным демографическим изменением к этому времени подверглись Калининская, Рязанская и Тульская области; меньше других пострадала Брянская, только вступавшая в стадию активной трансформации системы сельского расселения. Все области, кроме Брянской и Московской, к 1972 г. имели отрицательный естественный прирост.

Представляет также интерес градация областей Центра по возрасту жителей села. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что имеет место почти точное соответствие с показателями естественного прироста. Так, по состоянию на 1979 г., сельское население Московской области квалифицировалось как «несколько менее старое, чем в среднем по зоне», Брянской — как «старое, в основном близкое к среднему по зоне», Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Орловской, Тульской — как «более старое, чем в среднем по зоне населения» и, наконец, Калининской, Рязанской, Смоленской и Ярославской областей — как «очень старое население»⁴⁷.

Итак, основные демографические характеристики сельского населения Центрального Нечерноземья, подобно системе сельского расселения региона, во второй половине XX в. подверглись чрезвычайно сильным изменениям под влиянием фактора урбанизации, причем в начале периода очевидно сильным его действие было только на территории Подмосквья.

Демографические последствия войны

Здесь было бы неправильно игнорировать изменения, происшедшие в сельском населении под разрушительным воздействием Великой Отечественной войны, поскольку по отдельным территориям Центра их тяжесть была различной. Проблема военных потерь, несмотря на огромную литературу, по-прежнему видится достаточно сложной. До сих пор по-разному оцениваются прямые людские потери в результате военных действий, не говоря о косвенных. Подсчет во многом затрудняется отсутствием универсальных методик оценки численности наличного населения в первые послевоенные годы, а также тем, что очередная перепись населения была проведена лишь спустя 14 лет после окончания войны.

Еще сложнее обстоит дело с оценкой демографических последствий войны для сельской местности. Поскольку деревня была беспаспортной, исследователь вынужден опираться на весьма приблизительные данные сельсоветского учета, неполнота которых признавалась самими статистическими органами⁴⁸. При этом, разумеется, анализ последствий войны не исчерпывается подсчетом абсолютной убыли наличного населения. Помимо сокращения численности, существенное значение имеют данные об изменении рождаемости и смертности, половозрастной структуры населения. Кроме того, война повлияла на перераспределение миграционных потоков, вызвав к жизни правительственную программу первоочередного заселения новых районов в составе СССР с преобладающим нерусским населением.

Перечисленные критерии рассмотрения демографических последствий войны полностью применимы для характеристики ситуации в сельской местности российского Центра. Здесь будут рассмотрены изменения общей численности населения и соотношения полов. Специфика территории с точки зрения поставленной проблемы состоит, во-первых, в том, что часть областей Центра было оккупировано во время войны, а значит, допустимо проведение сравнительного анализа ущерба, нанесенного людским ресурсам в зависимости от фактора оккупации. Во-вторых, многочисленные города, активно предлагавшие рабочие места в промышленности, при демобилизации предоставляли возможность выбора места жительства для сельян, призванных в армию в начале войны.

То, что убыль сельского населения страны в результате войны оказалась более значительной, чем городского, хорошо видно из таблицы:

Таблица 3.

Изменение численности населения по СССР, млн. чел.⁴⁹

	Все население	Сельское население	Доля сельского населения во всем населении, %
На 1.1.1940 г.	191,7	131,1	68,4
На 1.1.1951 г.	182,9	111,5	61,0
На 1.1.1954 г.	192,3	110,3	57,4

При том, что довоенная численность населения по стране в целом была восстановлена к 1954 г., доля сельского населения к этому времени сократилась на 11%. По районам, пострадавшим в ходе военных действий, расхождение было значительно большими. В Центральном районе к таким территориям относятся западные его области. Так, согласно переписи 1959 г., в Смоленской области городское население спустя 14 лет после окончания войны составляло 81% от довоенного, а сельское — только 35%⁵⁰. Известно, что во время войны на Смоленщине было уничтожено 135 тыс. чел. мирного населения, большинство из которых проживало в деревне⁵¹.

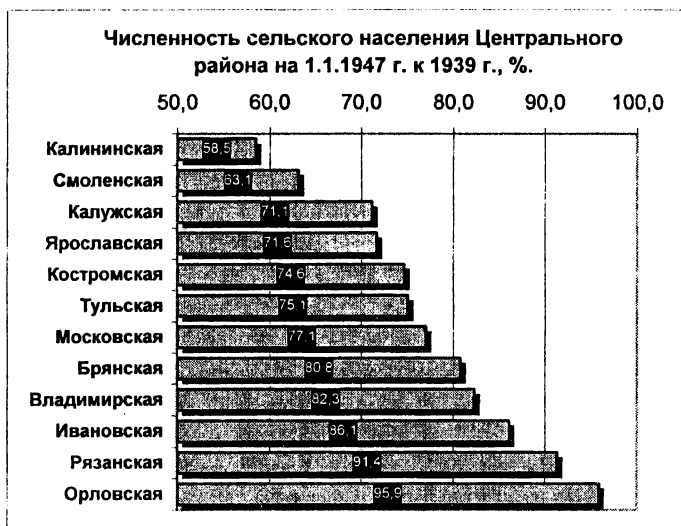

Рис. 4.

Анализируя данные людских потерь по областям Центра, можно заметить, что наиболее пострадавшими оказались территории с меньшей плотностью населения. Причем в западных областях, характеризующихся разреженным сельским расселением, именно наименее заселенные районы относились к более пострадавшим⁵².

Причина видится в ограниченном воспроизводственном потенциале населения мелкоселенных районов, а также в том, что неудовлетворительное состояние местных трудовых ресурсов, а значит, высокая трудовая нагрузка, стимулировали послевоенный отток населения. Потери сельского населения по отдельным областям Центральной России распределялись следующим образом (Рис. 4)⁵³.

Очевидно, что сам по себе фактор оккупации не был решающим в изменении численности сельского населения. Так, пережившие оккупацию Смоленская, Брянская и Орловская области абсолютно по-разному отреагировали на военные события. Не менее важную роль играли преобладающий тип воспроизводства населения и плотность сельского расселения. Людские потери в мелкоселенной, но тыловой Ярославской области оказались более значительными, чем в прифронтовых Брянской, Московской, Орловской и Тульской. Не вызывает сомнения, что неблагоприятная расселенческая ситуация в оккупированных районах многократно усиливала тяжелые демографические последствия оккупации, как это произошло в Калининской и Смоленской областях.

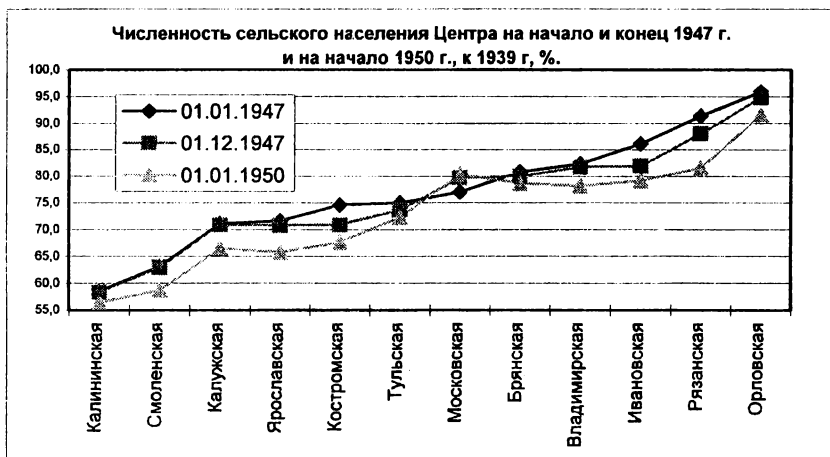

Рис. 5.

Изменения в численности сельского населения в 1947—1950 гг. позволяют оценить силу воздействия компенсаторного эффекта первых послевоенных лет по отдельным областям. В его основе — демобилизация и послевоенный взлет рождаемости (Рис. 5)⁵⁴.

Примем также во внимание, что численность населения центральных областей могла сократиться в результате голода 1946–1947 гг. Именно 1947 г. В.Ф.Зима определяет как наиболее тяжелый. Так, в Орловской области число умерших оказалось вдвое больше, чем в 1946 г., в Костромской — больше на 70–80%⁵⁵. В то же время проявления голода в Центральном Нечерноземье выразились главным образом в распространении случаев алиментарной дистрофии. Наибольшее их количество наблюдалось в Орловской, Рязанской, Брянской и Смоленской областях⁵⁶. Тяжесть последствий голода снижалась по мере продвижения от черноземных областей на север, при этом среди регионов ЦЭР наиболее пострадавшей была причерноземная Орловская область⁵⁷. На основании многочисленных статистических сведений В.П.Попов утверждает, что области Центрального Нечерноземья не относились к пострадавшим от голода⁵⁸. Этот вывод подтверждается нашими данными. Повышенная смертность непременно повлияла бы на кривую декабря 1947 г., причем уменьшение численности сельского населения по южным областям Центра было бы более значительным. Поскольку эта тенденция не просматривается, можно предположить, что гораздо более весомым было действие иных факторов.

В левой части графика наблюдается совпадение январских и декабрьских показателей 1947 г. по Калининской, Калужской и Смоленской областям. Это означает, что без сомнения активный демобилизационный приток позволял лишь фиксировать численность сельского населения на постоянном, достаточно низком уровне по сравнению с довоенным, несмотря на все усилия правительства по преимущественному заселению наиболее пострадавших областей.

Влияние демобилизации в Брянской, Владимирской и Орловской областях было немного меньшим. Отток сельского населения в течение года здесь несколько превысил демобилизационный приток. Наконец, большие расхождения кривых начала и конца 1947 г. по Ивановской, Костромской и Рязанской областям заставляют предположить, что демобилизованные ехали сюда крайне неохотно — абсолютное сокращение численности местного сельского населения было очень значительным.

Московская область оказалась единственной, где в течение 1947 г. численность сельского населения значительно выросла, что позволяет судить о ее большой привлекательности для демобилизованных военнослужащих в качестве объекта вселения.

Кривая 1950 г. демонстрирует сокращение численности сельского населения по всем областям Центра, за исключением Московской, где его численность осталась на уровне декабря 1947 г. Несмотря на активную трудовую миграцию жителей здешнего села на промышленные предприятия Москвы и области, отток немедленно восполнялся переселенцами из других областей. Также очевидно, что компенсаторная послевоенная рождаемость практически на всей территории Центра оказывалась не в силах конкурировать с миграцией из села. Несколько большим значение фактора рождаемости было в областях с «аграрным» типом воспроизводства населения — Брянской, Орловской и Рязанской, однако в последней компенсаторный эффект практически не ощущался вследствие близости к Москве, а значит, более сильного миграционного оттока. Кроме того, уменьшение численности населения в 1950 г. по сравнению с 1947 г. оказалось немного меньшим в аграрных областях со слабо выраженной урбанистической ориентацией сельского населения — Калининской и отчасти Смоленской.

Среди других демографических характеристик послевоенного сельского населения Центрального района обращает на себя внимание изменение соотношения полов в наиболее активном возрасте⁵⁹:

Таблица 4.

Соотношение женщин и мужчин в трудоспособном возрасте по районам Центра

	На 100 женщин в возрасте 16–54 лет мужчин в том же возрасте	
	по районам, подвергавшимся оккупации	по неоккупировавшимся районам
По переписи на 17.1.1939	88	94
По сельсоветским отчетам на 1.1.1945	27	37

Приведенная таблица позволяет выделить два обстоятельства. Во-первых, еще до войны половая структура сельского населения в оккупировавшихся районах была хуже, чем на территориях, избежавших оккупации, что определялось как базовыми характеристиками населения, так и хозяйственной специализацией. Во-вторых, фактор оккупации несомненно повлиял на это соотношение. При общей колоссальной диспропорции полов, сложившейся в послевоенной деревне, недостаток мужчин на территориях, подвергавшихся оккупации, ощущался значительно острее.

В ходе демобилизации диспропорция несколько сглаживалась. Согласно сведениям 1948 г., различия между двумя типами районов уже почти не ощущались, что должно было свидетельствовать об эффективности про-

водимых правительством мер по реабилитации наиболее пострадавших территорий⁶⁰:

Таблица 5.

Регион	На 100 трудоспособных женщин трудоспособных мужчин	Тип территории
Калужская область	55	Подвергавшиеся оккупации
Смоленская область	53	
Вологодская область	55	Не подвергавшиеся оккупации
Мордовская АССР	54	

В то же время Всесоюзные переписи населения 1959 и 1970 гг. зафиксировали отчетливые отклонения в соотношении полов в западных областях ЦЭР в сравнении с остальной территорией региона, что позволяет говорить о временном характере приведенных выше данных и заставляет принять мысль о более продолжительном влиянии последствий оккупации на половую структуру населения села.

Таким образом, основываясь на данных изменения базовых демографических показателей по отдельным регионам Центра, следует признать, что тяжесть военных последствий для сельского населения конкретной области определялось как оккупацией и ведением военных действий на ее территории, так и типом расселения и действием городского фактора.

¹ См.: Ткаченко А.А. Нечерноземье: состав, границы и образ региона // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С.8.

² Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С.551–553.

³ Симагин Ю.А. Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе. Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1997. С.68.

⁴ Страны и народы. Советский Союз. Общий обзор. Российская Федерация. М., 1983. С.347–364.

⁵ См.: Материалы к вопросу о районировании Западной области РСФСР. Смоленск, 1928. С.5.

⁶ Гохберг М.Я., Соловьева Н.А. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975. С.165.

⁷ Город и деревня в Европейской России. С.291.

⁸ Катровский А.П., Евдокимов М.Ю. Сельские поселения Смоленщины: проблемы сохранения и противоречия развития // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С.33.

- ⁹ Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. С.73.
- ¹⁰ Алексеев А. Нечерноземный Чернобыль//СССР: демографический диагноз. М., 1990. С.428-429.
- ¹¹ Город и деревня в Европейской России. С.252.
- ¹² Ковалев С.А. Сельское расселение в районах разного типа //Региональное расселение в СССР. М., 1984. С.125.
- ¹³ География Калужской области. Тула, 1975. С.73.
- ¹⁴ География Смоленской области. М., 1990. С.75.
- ¹⁵ Зубаревич Н.В. Эволюция сельского расселения Нечерноземья (за период с 1959 по 1989 гг.) // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С.40–41.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Город и деревня в Европейской России. С.253.
- ¹⁸ Ковалев С.А., Мигачева Л.В., Степанова Л.В. Региональные различия современного развития сельского расселения в СССР // Динамика расселения в СССР. М., 1986. С.164.
- ¹⁹ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. С.8.
- ²⁰ Там же. С.12.
- ²¹ Там же. С.13.
- ²² См.: Зубаревич Н.В. Указ. соч. С.43–45.
- ²³ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С.15.
- ²⁴ Город и деревня в Европейской России. С.62.
- ²⁵ Там же. С.140.
- ²⁶ Там же. С.162.
- ²⁷ Катровский А.П. Проблемы изучения территориальной организации профессионального образования (на примере Калининской области) // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1982. С.60.
- ²⁸ Город и деревня в Европейской России. С.154.
- ²⁹ Ковалев С.А. Эволюция сельского расселения Центральной России с 20-х гг. XX в. до наших дней // Деревня Центральной России: история и современность. М., 1993. С.139–140.
- ³⁰ Ковалев С.А. Структурные изменения в составе сельских поселений Нечерноземья и прогнозирование расселения // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С.33.
- ³¹ Бельский В.Р., Федунова Г.Ф. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С.10.
- ³² Игудина А.И. Указ. соч. С.22.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Город и деревня в Европейской России. С.276.
- ³⁵ Там же. С.274.
- ³⁶ Там же. С.237.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Сенявский А.С. Указ. соч. С.31.
- ³⁹ Там же.

- ⁴⁰ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С.21, 27.
- ⁴¹ Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1962. С.20–21; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том 1. Численность населения СССР. М., 1972. С.10–11; РГАЭ, ф.1562, оп.336-IV, д.7872, л.4, 14–15.
- ⁴² Никитасва Е.Б. Исчезающая деревня (1960 – середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С.445.
- ⁴³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 1999. С.210–211.
- ⁴⁴ Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР; РГАЭ, ф.1562, оп.336-IV, д.7872.
- ⁴⁵ Город и деревня в Европейской России. С.55.
- ⁴⁶ Рассч. по: ГАРФ, ф.А-374, оп.11, д.445; РГАЭ, ф.1562, оп.49, д.1825, л.21-22.
- ⁴⁷ Ткаченко А.А. Демографическая ситуация в сельской местности Калининской области: внутренние различия и место в Нечерноземье // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1987. С.9.
- ⁴⁸ РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.538, л.39, 45.
- ⁴⁹ Там же, л.95.
- ⁵⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. С.20–21.
- ⁵¹ Поляков Л.Е. Цена войны. М., 1985. С.43.
- ⁵² ГАКО, ф.883, оп.16, д.181, л.126; ГАСО, ф.6, оп.2, д.89, л.2.
- ⁵³ Сост. по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 44, д. 2583. С. 42–43; ГАРФ, ф. 374, оп.11, д.417, л.70.
- ⁵⁴ Сост. по: Там же; ГАРФ, ф. 374, оп.11, д.775.
- ⁵⁵ Зима В.Ф. Указ. соч. С.162.
- ⁵⁶ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни). Дисс.... докт. ист. наук. М., 1996. С.165.
- ⁵⁷ Зима В.Ф. Указ. соч. С.27.
- ⁵⁸ Попов В.П. Указ. соч. С. 165.
- ⁵⁹ РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.538, л.47.
- ⁶⁰ Там же, л.64.

Глава 3. Аграрная политика и сельское население: к вопросу о миграционных факторах

Организационные реформы и сельская миграция

При характеристике «раскрестьянивания» в перестроечной и постперестроечной исторической науке сельская миграция в города в 50-е — 80-е гг. нередко интерпретировалась как механическое следствие проводившейся аграрной политики. Многие исторические исследования восприняли обличительный публицистический тон, не замечая противоречий, возникающих при однолинейном восприятии.

Поскольку российская модернизация, хотя и с некоторыми особенностями, соответствовала общемировым тенденциям, можно предположить, что мероприятия советской политики, в том числе аграрной, подчинялись универсальным законам техногенной цивилизации. Предлагались лишь специфические формы их реализации, адекватные российскому социальному опыту. «Коммунистическая система советского образца не изменила основного вектора движения российского общества, включая и урбанизационный процесс. Главное, что система предложила в этой области — это подчинение процесса предельно жесткому государственному регулированию в определенной идеологической упаковке»¹.

Специфика политики по отношению к деревне определялась, с одной стороны, «близостью менталитета крестьянских низов и партийных верхов» (Н.Роголина), а с другой — степенью распространения традиционных отношений на селе. Коллективизация стала единственно возможной формой установления государственного контроля над общинной деревней для целей индустриального развития в условиях ее «архаизации»² в 20-е гг. и практически полном отказе от столыпинского землеустройства.

По мере развития урбанизационных процессов наблюдался отход колхозного крестьянства от традиций сельского общества с одновременным их замещением городской поведенческой ориентацией. Это сделало возможным изменение характера аграрной политики государства. Так, например, хрущевская идея агрогородов, признанная в 1950 г. ошибочной, стала реализовываться спустя десятилетие³. Основным содержанием нового этапа стало придание жителям села городского статуса, пресловутое «сближение города и деревни». В качестве конкретных проявлений аграрной политики

этого времени выступали преобразование колхозов в совхозы и сселение малых сел.

А.И.Трейвиш определяет названные нами этапы следующим образом: «В 1930-е — 1960-е гг. преобладала стратегия выжимания соков из сельского хозяйства, пустых трудодней, но с личными подворьями, оставленными для самопрокорма. В 1960-е — 1990-е гг. предпринималась попытка «подтянуть» крестьян до наемных рабочих»⁴.

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. завершается институциональное оформление колхозной системы с одновременным поиском путей повышения ее экономической эффективности. Серия мероприятий аграрной политики, подчас весьма серьезных по своим последствиям, имела следствием ускорение процессов распада традиционной крестьянской среды и изменение производящей основы сельского хозяйства.

Хотя истоки этой политики принято искать в коллективизации, следует заметить, что колхозное устройство образца второй половины 30-х гг. гораздо в большей степени опиралось на привычные крестьянские представления, нежели послевоенная его модификация. Хотя рядовой колхозник имел ограниченные возможности влияния на внутриколхозную жизнь, Уставом сельскохозяйственной артели 1935 г. были зафиксированы пределы вмешательства государства в дела колхозов. При этом, что особенно важно в применении к Центральному Нечерноземью, колхозы в предвоенные и первые послевоенные годы были довольно небольшими. Вполне допустимой была ситуация, когда на одну область приходилось до 5 тыс. колхозов⁵.

В начале своей истории колхозное строительство учитывало сложившуюся хозяйственную систему конкретного региона, зависевшую, в свою очередь, от местных систем расселения. В силу упомянутых в предыдущей главе особенностей аграрные населенные пункты в Центральной России традиционно отличались дисперсным размещением и были небольшими. До крупных размеров вырастали обычно промысловые, кустарные и фабричные села, местные торговые и транспортные центры.

Для первых послевоенных лет характерны множественные просьбы со стороны колхозников Центрального Нечерноземья о разукрупнении и так не очень больших колхозов. В основном делались попытки вернуться к положению, существовавшему до укрупнения отдельных хозяйств, проведенного в 1940—1941 гг.

Мотивировки разукрупнения весьма характерны: «В нашем колхозе введен в каждом населенном пункте правильный севооборот, для его поддержания необходимо равномерно вкладывать удобрения, что невозможно при совместной жизни» (колхоз «Ударник» Фировского района Калининской области)⁶; или: «Между деревнями колхоза — лес и речка, весной со-

общение очень затруднено» («Имени 20 Октября» Рязанцевского района Ярославской области)⁷; или так: «Колхозники из Воронцово ведут работы за деревней Хрепелёво и наоборот. В результате нельзя привлечь к работе престарелых» («Новое Устье» Кашинского района Калининской области). Заметим при этом, что в претендовавшей на выделение в отдельный колхоз деревне Воронцово насчитывалось всего 25 дворов⁸.

До 1950 г. четкие критерии оценки размера колхоза отсутствовали. Более того, в одном из писем из Наркомзема (в Угличский район Ярославской области, март 1946 г.) сообщалось, что «размер колхоза не является главным вопросом для организационно-хозяйственного укрепления колхоза»⁹. В то же время просьбы о разукрупнении нередко удовлетворялись. Например, в Брянской области в 1948 г. из 47 колхозов выделилось 79¹⁰. Весьма показательно, что в архивном фонде, содержащем материалы о слиянии и разукрупнении колхозов, сведений о *слиянии* колхозов Центрального Нечерноземья в 1946–1949 гг. практически нет¹¹.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1945–1950 гг. количество колхозов в Центральном Нечерноземье увеличивалось. В основном этот рост происходил все же за счет восстановления колхозов на оккупированной территории. Разукрупнение в больших масштабах наблюдалось в тех областях, где прежде было произведено объединение большого количества колхозов, в том числе в Калининской, Костромской и Ярославской¹².

Например, в Ярославской области, имевшей на 1 июля 1940 г. 4566 колхозов, число их уменьшилось более чем вдвое. На 1 июля 1945 в области было 2125 колхозов. Одной из основных мотивировок разукрупнения было нарушение принципа добровольности при объединении. В результате к 1 июля 1949 г. количество колхозов выросло до 3870¹³.

Поэтому постановление ЦК КПСС 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»¹⁴ явно противоречило проводившейся практике. В чем была причина его появления?

Дисперсные сельскохозяйственные структуры Центра не отличались высокой эффективностью. Колхозы первых послевоенных лет еще не окончательно утратили связи с организационными формами мелких крестьянских хозяйств, на базе которых были созданы. Рудименты крестьянской «моральной экономики» приходили в явное противоречие с целями социалистической модернизации аграрной сферы. Одно из обоснований укрупнения выглядело так: по состоянию на 1948 г., в колхозах Московской области, имевших до 100 га пашни, каждый гектар давал денежный доход в 6,5 раз меньше, чем в хозяйствах с размерами пашни в 350–400 га¹⁵. Таким образом, укрупнение было призвано облегчить одну из наиболее болезненных проблем — колоссально низкого материально-технического уровня боль-

шинства хозяйств. К примеру, в 1952 г. из 1008 колхозов Калужской области только один был миллионером¹⁶. В некоторых областях ЦЭР менее 10% колхозов было электрифицировано при том, что в среднем по стране в это время было электрифицировано 50% хозяйств¹⁷.

При этом стоит иметь в виду, что, помимо преодоления прежних хозяйственных схем, в ходе укрупнения приходилось решать и проблему, порожденную коллективизацией — избыточной бюрократизации колхозов. Повышение эффективности колхозного производства в ходе укрупнения производилось в том числе и за счет сокращения числа управленцев. Главная же ставка делалась на использование тяжелой сельскохозяйственной техники (в частности, тракторов С-80) на больших полях укрупненных хозяйств. Из-за большой изрезанности местности теоретически возможный эффект, однако, не достигался. Особенно это было заметно в наиболее мелкоселенных районах Калининской, Смоленской и других центральных областей.

Высказывается предположение, что «проблема укрупнения была связана не только и не столько с экономикой колхозов, сколько с корректировкой методов управления деревней со стороны правительства и местных органов власти»¹⁸. По всей видимости, тенденция огосударствления колхозов действительно имела место. Проводимые мероприятия сопровождались усилением централизации управления и неизбежной при этом потерей самостоятельности на местах, что в целом отвечало необходимости координации действий для восстановления экономики. Однако в будущем государство не было намерено отказываться от новой схемы управления. Даже после того, как чрезвычайные условия отошли в прошлое, эти своеобразные отношения между государством и колхозами остались и воспринимались впоследствии как единственно возможные¹⁹. Впечатление пренебрежения экономикой колхозов в ходе проводившихся мероприятий складывалось именно под влиянием ситуации в мелкоселенном Нечерноземном Центре, где они имели выраженный отрицательный результат²⁰. С точки зрения организации производства и состояния трудовых ресурсов из всех территорий Центра укрупнение было способно дать значительный экономический эффект лишь в Московской области. На ее территории уже формировался пригородный тип аграрного производства, постепенно нивелировавший воздействие фактора первоначального сельского расселения.

Высказывалось мнение, что именно укрупнение хозяйств положило начало практике создания агрогородов²¹. Думается, что по причинам, названным выше, а именно вследствие недостаточной зрелости послевоенной деревни для масштабных урбанизационных мероприятий, прямой связи между этими явлениями не было.

Слишком категоричным выглядит и утверждение, что в укрупнении была не экономическая необходимость, а социальная, т.е. вся кампания велась в контексте антикрестьянской политики²². По всей видимости, в первые послевоенные годы задача скорейшего экономического роста стояла гораздо более остро, нежели проблема преодоления социальных различий. Известно, в частности, что постановление об укрупнении 1950 г. сопровождалось установкой из центра, в соответствии с которой слияние колхозов не должно было вызывать изменения размеров ЛПХ²³. Другое дело, что социальные последствия укрупнения действительно оказались очень серьезными²⁴. Множественные вынужденные нарушения демократии в укрупненных колхозах были вызваны тем, что созвать общие собрания колхозников не удавалось «из-за большой разбросанности населенных пунктов и отсутствия помещения, вмещающего хотя бы половину членов колхозов». Фактически проводились не общие, а бригадные собрания²⁵. Результатом укрупнения были «отчуждение от своего труда, потеря чувства хозяина»²⁶. В итоге не только не появилось значимых улучшений в уровне жизни работников колхозов, но и были разрушены привычные формы организации труда (здесь уместно вспомнить о цитированных выше мотивировках разукрупнения колхозов, сохранившихся в письмах колхозников).

Принцип добровольности при организации новых колхозов формально соблюдался, но фактически игнорировался. Например, колхозникам Ржевского района Калининской области было объявлено, что если они откажутся от укрупнения, то колхозу будет установлена не седьмая, а тринадцатая группа по урожайности с соответствующим увеличением размеров обязательных госпоставок. Фамилии проголосовавших против объединения хозяйств были записаны²⁷.

Судя по некоторым данным, в ходе кампании укрупнения колхозники Центра в очередной раз переживали ощущение рушащегося уклада. Так, в Подольском районе Московской области перед объединением колхозов скот забивался, а мясо распределялось по трудодням²⁸. Подобные факты отмечались и на Смоленщине²⁹. По мнению В.П.Попова, укрупнение колхозов по своему разрушительному эффекту было сравнимо только с коллективизацией³⁰.

Поскольку в ЦЭР количество мелких колхозов было наибольшим, то именно здесь кампания укрупнения проходила особенно интенсивно. При этом в первую очередь ею были охвачены мелкоселенные области, где в предыдущее пятилетие шел процесс разукрупнения — Ярославская и Калининская. В Ярославской области количество колхозов уменьшилось в 4 раза, во Владимирской, Калининской, Костромской, Московской, Тульской — в 3 раза, в Смоленской, Калужской, Орловской, Рязанской, Ивановской — в 2 раза³¹. При проведении кампании экономическое положение конкретно-

го района, равно как и территорий в его составе, в расчет не принималось. Это говорило не столько об отсутствии экономических ориентиров в реформе, сколько отражало практику хозяйственного управления, не допускавшую отклонений от магистральной линии. Так, сокращение посевных площадей за годы войны в целом по стране составило 24,5%, в оккупированных областях — 50%, а в Ярославской и Ивановской областях они были близки к довоенному уровню³². Однако интенсивность кампании укрупнения колхозов в Ярославской области ничуть не уступала западной Калининской и определялась мелкоселенностью, а не нанесенным войной уроном.

В мелкоселенных регионах чаще всего четыре колхоза объединяли в один. Количество колхозов в результате укрупнения изменилось следующим образом³³:

Таблица 6.

Области	Количество колхозов	
	до укрупнения	после укрупнения
Калининская	7507	2137
Московская	6078	1520
Тульская	3396	1211
Ярославская	3893	1301

Одновременно значительно увеличивалось количество приходившихся на один колхоз хозяйств колхозников³⁴:

Таблица 7.

Регион	Дворов на колхоз	
	до укрупнения	после укрупнения
Нечерноземье в целом	48	134
Калининская	35	127
Костромская	39	118
Московская	42	152

Об изменении средних размеров колхозов по областям ЦЭР дает представление Рис.6³⁵.

Нижняя часть графика (данные 1940 г.) хорошо иллюстрирует зависимость тогдашних размеров колхозов от поселенческой структуры — наибольшим размер хозяйств был в южных и прилегающих к ним западных областях ЦЭР. В результате укрупнения к 1952 г. сохранилось лидирующее положение аграрных Брянской и Рязанской областей, что свидетельствовало о прежней значимости типа сельского расселения, однако на размер колхо-

зов все большее влияние начинали оказывать и другие факторы, в том числе характер индустриального развития региона, близость городов (пригородные хозяйства укрупнялись быстрее). Представляется, что именно это определяло размер хозяйств в Ярославской, Московской и Владимирской областях. Невысокое место Ивановской области объясняется относительной многочисленностью сельских семей, не вполне типичной для Северо-Востока. Сопоставление средних размеров колхозов по числу наличного населения по состоянию на 1952 г. выводит Ивановскую область на прочное третье место после тех же Брянской и Рязанской³⁶.

Рис. 6.

В результате реорганизации прежняя схема «одна деревня — один колхоз» трансформировалась в кустовую структуру, объединявшую в Центре 2–3 поселения (при продвижении на север количество населенных пунктов в составе одного колхоза возрастало и могло достигать до 10–15). По функциональной значимости выделились типы поселений: центральный поселок, поселок отделения, рядовые поселения. При этом чем более высокую ступень занимало поселение в новой иерархии, тем жизнеспособнее оно было³⁷. Таким образом, в ходе укрупнения колхозов разрушалась ранее однородная сельская поселенческая сеть; что же касается социальных приоритетов властей, то они не менялись. Прямых попыток «городского давления» на село еще не было, поскольку колхозное крестьянство едва ли рас-

смаatrивалось в то время в контексте его будущего слияния с рабочим классом. Однако при выстраивании новой сельской поселенческой иерархии даже в отдаленных от городов местностях реально моделировалась урбанистическая система расселения с ее градиентом освоенности территории от центра к периферии. Рядовые поселения теряли привлекательность в глазах местных жителей; люди оказывались отлучены от колхозных дел, теряли перспективу улучшения трудовых и бытовых условий. Это стало одной из основных причин отмеченной исследователями волны стихийной миграции 1949–51 гг.³⁸ Вот фрагмент письма колхозника, написанного по поводу укрупнения хозяйств, хотя и несколько позже: «Объединение сильно повлияло на общую психологию людей. Они это восприняли как унижение, как обиду. И это вызвало большой отток. Казалось бы, что произошло? Просто объединились. Все те же поля, все то же животноводство... Нет, человека это сильно обидело!»³⁹

В течение 1950-х гг. укрупнения колхозов продолжались. Очередная большая реорганизация проходила с 1957 по 1959 гг. в ходе реформы МТС, когда средние размеры колхозов по числу дворов выросли до 343⁴⁰ (ср. с данными Табл. 7). В последующие десятилетия идея укрупнения отошла на второй план и размеры колхозов почти не менялись. Одновременно распространялась новая практика — преобразования колхозов в совхозы.

К началу 50-х гг. доля совхозов во всей продукции сельского хозяйства составляла лишь 10%⁴¹. Количество их было незначительным. В Смоленской области в 1951 г. насчитывалось 1625 колхозов и всего 47 совхозов, в Брянской — соответственно 975 и 25⁴². По размеру совхозы существенно не отличались от колхозов. На хозяйство приходилось от 500 до 1000 га, редко больше, что примерно соответствовало характеристикам колхозов⁴³.

Преобразование колхозов в совхозы началось в середине 50-х гг. и проводилось тогда часто параллельно с укрупнением колхозов. Постановлениями Совета Министров СССР, вышедшими в октябре–ноябре 1954 г., был организован 81 совхоз на базе колхозных земель Калужской, Ленинградской, Новгородской и Смоленской областей⁴⁴. Новая волна последовала вскоре после декабря 1957 г., когда Н.С.Хрущев выдвинул тезис о том, что продукция колхозов в два раза дороже, чем совхозная⁴⁵. По данным О.М.Вербицкой, только за 1957–1958 гг. в Северо-Западном и Центральном районах из колхозов в совхозы перешло не менее 1 млн. колхозников⁴⁶. С разной степенью интенсивности процесс появления совхозов взамен колхозов продолжался вплоть до 1966 г., после чего размах совхозного строительства уменьшился, и новые совхозы появлялись в основном за счет укрупнения старых⁴⁷.

Создание совхозов в Центре России проводилось вслед появлению их на целине и отражало, таким образом, общесоюзную практику. Последнее обстоятельство не позволило избежать кампанейщины и часто рождало перегибы. Преимущества совхозной формы ведения хозяйства абсолютизировались, часто преобразование колхозов в совхозы служило ширмой нежеланию заниматься вопросами экономики отсталых хозяйств. Создание совхозов по целинному образцу в Нечерноземье заранее было обречено на неудачу, так как, в отличие от североказахстанских, организация центрально-русских совхозов не финансировалась. Разница между ожидаемым и достигнутым при проведении совхозной политики оказалась слишком велика, и задним числом высказывались соображения, что поскольку совхозы — это новый, высший этап в развитии колхозного производства (в соответствии с ленинским определением), то и переходить к этой форме должны не слабые и отсталые колхозы, а наиболее сильные и передовые⁴⁸.

При создании совхозов прослеживались две тенденции. Первая — появление совхозов взамен депрессивных колхозов. Именно такая реорганизация поначалу была преобладающей, в ЦЭР она проходила по преимуществу в мелкоселенных областях, и успеха не имела. Государство стремилось путем смены формы собственности поправить ситуацию в отстающих колхозах, одновременно пытаясь установить полный контроль за положением дел в льноводческой отрасли (лен является стратегическим сырьем), а удобнее это было сделать через совхозы. Вторая тенденция, чуть более поздняя, проявлялась в создании совхозов в пригородных районах, поскольку пригородный тип сельскохозяйственной экономики лучше реализовывался через совхозы.

Совхозная форма не абсолютизировалась: постановление Калужского обкома и облисполкома 1959 г., в котором записывалось, что они считают создание новых совхозов «одним из важнейших средств подъема сельского хозяйства» было подвергнуто критике сверху⁴⁹. Поэтому неожиданным выглядит преобразование в специализированные совхозы многих экономически сильных пригородных колхозов. В качестве объяснения высказывается предположение, что «государство не питало особых иллюзий относительно способности колхозов к быстрой переориентировке и смене специализации, а также их потенциал в обеспечении экономического процветания»⁵⁰. Если это было так, то следовало ожидать массовых преобразований колхозов в совхозы независимо от хозяйственной специализации, чего не случилось.

Причина скорее всего в том, что новое качество урбанизации, достигнутое к началу 60-х гг., делало невозможным сохранение прежней относительной замкнутости сельского мира. Преобразования колхозов в совхозы с их индустриальной системой организации производства представляли собой попытку насильственной интеграции села в городскую среду. Как раз на

этом этапе стали воплощать в жизнь идею «сближения города и деревни», была реанимирована идея «аггородов». Не случайно именно пригородные совхозы оказались более успешными, чем отдаленные. Весьма характерно, что экономические показатели совхозов Смоленской области, очень низкие в начале 60-х гг., существенно улучшились к концу десятилетия, в ходе интенсивной послевоенной индустриализации региона⁵¹. Заметим также, что в Московской области, имевшей в 1956 г. всего 110 совхозов при 1190 колхозах, через десять лет их насчитывалось 2262 и осталось только 70 колхозов⁵² — рекорд, ни в одном другом регионе не отмечавшийся.

Следует ли понимать, что с распространением городских форм жизни на селе совхозы оказывались в лучшем положении по сравнению с колхозами? Это верно, но лишь постольку, поскольку деятельность совхозов стимулировала дальнейшее раскрестьянивание. Еще большее снижение хозяйственной самостоятельности в совхозах по сравнению с укрупненными колхозами позволяло гораздо полнее применять директивные меры и ограничивать свободу производителя.

Создание совхозов было также призвано смягчить последствия неудачных хозяйственных экспериментов второй половины 50-х — начала 60-х гг. Именно в это время впервые была осознана проблема возрастающего оттока сельского населения в города, и рычаги управления благосостоянием сельского труженика передавались от председателей колхозов в руки руководителей министерств. Хозяйственная неэффективность преобразования колхозов в совхозы отчасти оправдывалась тем, что потенциальных мигрантов в города теперь можно было удержать введением фиксированной заработной платы, тогда как раньше обходились лишь административными ограничениями на выезд.

Тенденция «совхозизации» по мере урбанизации носила универсальный характер. В последующие годы волна появлений совхозов на месте старых колхозов двигалась с севера на юг, от малоселенных территорий к крупноселенным, почти повторяя маршрут урбанизационного перехода. В начале 60-х гг. населенные пункты большинства областей ЦЭР выполняли производственные функции в старом качестве, т.е. в составе колхозов. Но миграция неумолимо оголяла село, трудовые ресурсы сокращались, и руководители более южных областей Центра поневоле начинали больше рассчитывать на развитие совхозной формы производства.

Таким образом, в течение короткого времени произошло резкое изменение роли совхозов в хозяйственной жизни страны. Еще в начале 50-х гг. совхозы не могли быть серьезно противопоставлены колхозам по условиям жизни работников. В ряде случаев специализация хозяйств, особенно животноводческая, ставила рабочих совхозов в более выигрышное положение

по сравнению с колхозниками при фиксированной оплате труда, но трудности восстановительного периода служили мощным уравнивающим фактором для разных типов общественного производства. Во второй половине десятилетия, одновременно с ростом удельного веса совхозов в общем числе хозяйств, они стали выполнять определенную стабилизирующую функцию по отношению к сельскому населению. Специфика жизни и работы в совхозе отвечала появившейся ориентации на городские ценности.

Что касается степени разрушительного воздействия совхозов на сельскую среду, то оно видится гораздо меньшим, нежели укрупнение колхозов именно потому, что распространение совхозов представляло собой своеобразную реакцию на урбанистический вызов, когда процесс раскрестьянивания уже набрал обороты и было решено улучшить ситуацию с трудовыми ресурсами на селе. Можно оспорить утверждение, согласно которому «политика совхозизации колхозов... привела к разрушению традиционного уклада жизни колхозника и превратила его в наемного сельскохозяйственного рабочего»⁵³.

Поскольку колхозная форма производства в условиях разрушения традиционного крестьянского быта явно уступала совхозной, дальнейшее изменение колхозной системы было неизбежным. Рассчитывать на воспроизводственный потенциал крестьянского двора в условиях хозяйственной централизации было невозможно, равно как и игнорировать недопустимо низкий уровень жизни колхозников, особенно в сопоставлении с доходами горожан и работников совхозов. Единственным возможным выходом виделось распространение порядка централизованного распределения на членов колхозов. В результате в 1966 г. была введена помесечная гарантированная оплата труда колхозников. В последующем колхозы постепенно восстанавливали хозяйство и скоро смогли составить конкуренцию совхозам. В то же время население совхозов сильно поредело и постарело из-за более интенсивного, чем в колхозах, отъезда людей в город (в совхозах городская ориентация была выражена сильнее). Производительность труда в совхозах в 1970 г. по РСФСР составляла 152% к уровню 1960 г., а в колхозах — 175%⁵⁴. Последующий упадок экономики совхозов, особенно осязаемый в годы 9-й пятилетки, почти до конца стер границы между коллективной и государственной формами организации общественного производства, заодно отняв у крестьянина возможность внутрисельского выбора места лучшего трудоустройства. При последующем анализе двух форм общественного сельскохозяйственного производства исследователями был сделан вывод о том, что преимущества совхозов так и не проявились⁵⁵.

Последствия упадка совхозов в Центральном Нечерноземье проявились по-разному. В ряде районов Калининской, Костромской, Смоленской

областей, где раскрестьянивание зашло слишком далеко и привычка к домашнему сельскохозяйственному труду была утрачена, с упадком совхозов рвались последние нити, удерживавшие людей на селе. Имел место и обратный процесс. В первую очередь он был характерен для территорий с сохранившимися крестьянскими традициями и наиболее ярко проявился в Брянской и Орловской областях, где даже был отмечен обратный отток из совхозов в колхозы.

В конце 60-х — 70-е гг. развернулась кампания сселения «неперспективных» деревень. Сселение проводилось и раньше, в ходе укрупнения колхозов (так, в октябре 1950 г. была поставлена задача срочного сселения мелких поселков в основном в западных областях Центра — Смоленской и Калининской⁵⁶). Поскольку именно в те годы сформировалась хозяйственная поселенческая иерархия, совершенно справедливым видится вывод о том, что именно укрупнение хозяйств стало первопричиной последнего сселения⁵⁷. Отличие кампании сселения образца 70-х гг. от послевоенной состояло в том, что она была подчеркнута урбанистически ориентированной. Одновременно со сселением мелких населенных пунктов проводился курс на развитие промышленных производств на селе. В условиях массовой миграции признавалась невозможность аграрных структур удержать рабочую силу в «опорных центрах расселения» и потому приходилось думать об индустриализации деревни.

Программа эта была запоздалой. Теоретически возможный стабилизирующий эффект в результате индустриализации села сводился на нет практикой ликвидации мелких поселений. Целью программы была оптимизация условий жизни на селе с точки зрения городского человека. За эталон при этом брались, как правило, совхозы, имевшие сеть промышленных предприятий. Жителям села предлагался некий промежуточный вариант между городом и селом, который должен был соединить преимущества городского и сельского типов. На деле этот вариант соединял в себе недостатки обоих — отсутствие возможности вести свое хозяйство (или большое ограничение этой возможности), характерное для города, и сохранявшуюся недоступность городских благ, извечную сельскую проблему с момента установления контакта между сельской и городской цивилизациями. Достигавшаяся в результате маргинализация сельского населения только стимулировала отток в города.

Впервые выражение «неперспективная деревня» было использовано в изданных НИИ Сельхозстроя СССР «Правилах застройки сельских населенных пунктов РСФСР», одобренных ЦК КПСС 1 сентября 1968 г.⁵⁸ В известном мартовском 1974 г. постановлении ЦК и Совета Министров, касавшемся стратегии развития Нечерноземной зоны РСФСР, сселению был при-

дан характер государственной программы. В течение 1974–1975 гг. предполагалось «селить 170 тыс. семей из мелких населенных пунктов в благоустроенные колхозные и совхозные поселения»⁵⁹.

Очень много сказано об уроне, нанесенном селу Нечерноземья политикой сселения. В то же время стоит обратить внимание на то, что государство к началу 70-х гг. уже не могло серьезно влиять на изменение демографических тенденций в сельской местности. С одной стороны, к этому времени набрали инерцию процессы стихийной миграции в города, с другой — на амбициозную нечерноземную программу элементарно не хватало денег. К примеру, в Ярославской области в результате укрупнения намечалось снизить число сельских населенных пунктов на 6 тыс., но за 1965–1975 гг. их число сократилось только на 533 «вследствие недостаточных капиталовложений и возможностей сельского строительства»⁶⁰. Во Владимирской области план сселения на 1976–1980 гг. был выполнен только на 38%⁶¹. В Калининской области наиболее сильно сселение шло в 1976–1977 гг., когда ежегодно ликвидировалось чуть более тысячи дворов в мелких поселениях. План сселения при этом выполнялся примерно на 70%. В прочие годы план выполнялся едва наполовину, а к 1980 г. — только на 19%⁶². В то же время незапланированное сокращение сети сельских населенных пунктов шло очень быстро, и к началу 1985 г. в области оказалось на 500 с лишним поселений меньше, чем было предусмотрено схемой районной планировки⁶³.

Уже в середине 70-х начали высказываться сомнения в целесообразности проводимой политики, хотя и довольно робкие. Одновременно с констатацией полезности совершенствования системы расселения отмечалось, что «многократная трансформация сети сельских населенных пунктов с периодическим сселением жителей и ликвидацией части селений требует больших затрат и практически нереальна». В качестве выхода предлагалось прийти к сочетанию концентрации в поселениях с концентрацией в *сети* сельских населенных пунктов⁶⁴. Т.е., проводилась мысль, что в качестве центров расселения могут выступать не только отдельные поселения, но и целые территории. Именно такая модель была впоследствии признана единственно возможной, чему способствовали не только осознание нежизненности прежнего пути, но и активное формирование городских агломераций в Центральном Нечерноземье. Таким образом, к началу 80-х гг. политика сселения «неперспективных» деревень стала вытесняться концепцией агломерационного развития. В урбанизированных районах малые населенные пункты стали рассматриваться как центры «агрорекреационного использования»⁶⁵.

Как видим, хозяйственные структуры села Центра и пути их управленческой реорганизации во второй половине 1940-х — 1970-е гг. в очень

большой степени зависели от степени и характера урбанизированности территории. Структурные преобразования 40-х — 50-х гг. в основном исходили из возможности сохранения сельского социума при игнорировании существенной социальной дифференциации между городом и деревней. В укрупнении колхозов нашло отражение стремление распространить на аграрную сферу опыт руководства крупными промышленными предприятиями. Воспроизводственная основа традиционного крестьянского хозяйства оказалась при этом существенно подорвана, а трудовые ресурсы села стали стремительно таять. Неэффективность колхозного производства оказывалась все более очевидной, и потому в 60-е — 70-е гг. происходила дальнейшая эволюция аграрного сектора в сторону опробованных промышленных схем: началось преобразование колхозов в совхозы. С одной стороны, тем самым признавалась сложившаяся к тому времени урбанистическая ориентация большей части сельского населения, скептически относившейся к колхозному быту. С другой, эти мероприятия стимулировали дальнейшую интенсивную урбанизацию сознания деревенских жителей и потому ускоряли миграцию в города. Кампания сселения «неперспективных» населенных пунктов проводилась в контексте хозяйственных решений и постепенно сошла на нет с наступлением следующего, агломерационного этапа урбанизации. Эпоха волюнтаристских решений завершалась, уступая место осознанию универсальных закономерностей развития пространственной среды. Пристрастие советского руководства к упрощенным экономическим схемам повлияло на характер урбанизации, придав ей весьма специфический характер, но не могло отменить основных стадий и последствий процесса.

Изменение роли личных подворий

Коллективизация не смогла отменить личные хозяйства колхозников. После неудавшейся кавалерийской атаки на мелкое крестьянское хозяйство в первые колхозные годы эти действия были признаны поспешными — колхозная экономика была слишком слаба для самостоятельного выживания. В результате в 1933 г. «был выработан компромисс: колхозникам разрешалось иметь близ дома личный участок размером с футбольное поле»⁶⁶.

Был принят термин «личное подсобное хозяйство», но существовал он только на официальном уровне, причем не только до войны, но и после. М.А.Безнин отмечает, что в послевоенной советской деревне крестьянская самооценка своего хозяйства как подсобного отсутствовала («в своем хозяйстве», «на дворе»)⁶⁷. Наличие этого хозяйства оставалось важной принадлежностью крестьянского мира. Не случайно в числе наиболее разрушительных событий в деревне, помимо коллективизации, крестьянское сознание зафиксировало гонения на личные хозяйства во второй половине 50-х гг.⁶⁸

Послевоенные десятилетия отмечены постоянной борьбой тенденций сокращения размеров личных хозяйств с их поощрением. При этом в сознании колхозников общественная и личная формы ведения хозяйства существовали вместе. Поначалу это являлось своеобразным выражением принципов общинной демократии, а по мере распространения методов прямого администрирования, роста колхозов и отлучения их членов от результатов своего труда все больше напоминало схему отношений «помещик – крестьянин» с «барщиной» и «оброком» в виде колхозного труда и госпоставок. С точки же зрения государства крестьянская «мелкобуржуазность» по-прежнему виделась более серьезной угрозой, нежели его «традиционная» составляющая. Представляется, что продолжавшаяся модернизация подталкивала эволюцию крестьянских хозяйств даже в условиях колхозной экономики; при этом в специфической советской ситуации изменения выразились не столько в технических усовершенствованиях, сколько в возросшей ориентации на рынок. Вряд ли стоит вслед за А.Г.Вишневским преувеличивать значение денежного фактора для безденежной советской деревни⁶⁹, однако властью он воспринимался как серьезный идеологический вызов.

При обострениях кризиса колхозно-совхозной экономики восполнить недостаток продукции были призваны крестьянские хозяйства, и нажим на них смягчался, а в периоды улучшений наступление на ЛПХ возобновлялось с новой силой. Значит, чем лучше чувствовал себя общественный сектор, тем тяжелее приходилось личному. Тем не менее, в какие-то (очень недолгие) промежутки времени власть была настроена на удовлетворение традиционалистских ожиданий крестьян. Е.Ю.Зубкова обращает внимание, что в проекте Конституции 1946 г. допускалось существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, «основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда»⁷⁰. В том же 1946 г. В.М.Молотов направил предложения И.В.Сталину по расширению приусадебных хозяйств рабочих и служащих совхозов. Планировалось взамен 0,15 га, определенных положением 1939 г., выделять от 0,2 до 0,5 га земли на двор; вместо 1 коровы, 1 теленка (до 4-х мес.), 1 свиньи и до 10 голов птицы предполагалось разрешить содержать 1 корову, 1 теленка (до 2-х лет), 1 свинью, 3 овцы, неограниченное количество птицы (сколько сможет *сам* содержать) и до 10 ульев пчел. Планировалось также помогать кредитами, материалами и транспортом, причем специалистам, инвалидам и семьям погибших — за счет совхозов⁷¹. Предложение не прошло, а среди немногих реальных поощрительных мер по отношению к личным хозяйствам жителей села в послевоенный период было решение о предоставлении кредита бескоровным, изданное в августе 1947 г.⁷² Предусматривалось закупить в 1947 г. у колхозников и служащих 1 млн. телок для продажи бескоровным. Сумма кредита

определялась в 200,5 млн. руб. Помимо того, что выплачивалась стоимость скота по государственным закупочным ценам, выдавались также зерно и грубые корма на каждый килограмм живого веса. Срок кредита устанавливался в 2–3 года⁷³.

Постановление, направленное в первую очередь на подъем экономики в перенесших оккупацию районах, должно было сыграть известную положительную роль, но в целом выполнено не было. Причина видится в том, что поощрение приусадебного скотоводства противоречило другой, более определенно выраженной линии борьбы «с раздуванием личного хозяйства в ущерб общественному», как было сказано в Постановлении ЦК ВКП(б) и Совета Министров от 19 сентября 1946 г.⁷⁴ Развернулась многолетняя борьба с «захватами» колхозных земель. «Захваченной» земли больше всего оказалось на бывшей оккупированной территории, в условиях дезорганизации колхозного производства. В 1950 г. в Калужской области было установлено 17112 случаев нарушения землепользования на площади 810 га, охвативших 12% крестьянских дворов⁷⁵. В 1953 г. в Брянской области было проверено 62214 хозяйств, выявлено 2383 случая захвата (3,8% проверенных дворов), в том числе 1667 случаев — колхозниками, на общей площади 76 га⁷⁶. В 1946 г. большие объемы самозахватов фиксировались в Рязанской и Ярославской областях, при этом отмечалось, что «благодаря равнодушно-примиренческому отношению к захватчикам колхозных земель имеют место факты раздувания личного хозяйства колхозников до таких размеров, что оно теряет характер подсобного хозяйства и превращается в основной источник дохода двора в ущерб обобществленному хозяйству колхозов»⁷⁷.

Множественность захватов не позволяет предположить наличия у крестьян в тех условиях антиколхозной позиции. «Захватывались» заведомо неиспользуемые земли, главным образом из «запасного» приусадебного фонда, либо, гораздо реже, сенокосы⁷⁸. Из-за массового характера нарушений наказание было сравнительно мягким. Как правило, это были штрафы и лишь особо злостные нарушители подлежали уголовному преследованию. Такие случаи отмечены, например, в Калужской и Смоленской областях в 1950 г.⁷⁹

Обычный размер приусадебного надела составлял 0,25 га, но иногда доходил и до 0,5 га. В письме из Луховицкого района Московской области читаем: «Работали вдвоем (в колхозе), дают 50 соток приусадебной земли, заболела жена — 25 соток отобрали. И чего с них (25 соток) взять?»⁸⁰ Размер участка не зависел от количества едоков в семье, в результате самые многочисленные семьи оказывались и самыми бедными⁸¹. В.П.Попов приводит письмо инвалида войны Ф.В.Михайлова из Высоковского района Калининской области (1947 г.), в котором описывается бедственное положе-

ние семьи из 9 человек, имеющей такую же площадь усадьбы (25 соток), «как и все дворы колхозников при одном, двух, трех, четырех едоках в семьях»⁸². Колхозники, по всей вероятности, были искренне убеждены, что увеличение размеров личных участков не только не способно нанести ущерба интересам государства, но будет только ему на пользу. «Необъятность пахотных просторов в колхозе (пожалуй, и в областном масштабе) вполне позволит наделить хоть каждую душу 25 сотками земли, лишь бы это крепило фундамент Родины и ускоряло бег восстановительной сталинской пятилетки!». А вот каким видится минимум для выживания: «Моя семья была бы удовлетворена, если бы она могла получить хоть семь соток приусадебной земли на едока, чтобы иметь картошку, овощи, мясо, яйца и молочишко для детей»⁸³.

Бывало и так, что вслед за исключением одного из членов семьи из колхоза приусадебный участок отбирали. На этот случай в 1951 г. вышло специальное разъяснение, в соответствии с которым «правом на приусадебный участок пользуется не глава двора, а двор в целом. Значит, если один из членов двора исключен из колхоза, участок сохраняется»⁸⁴.

Иногда больший в сравнении с обычным участок можно было получить в порядке поощрения, либо в результате семейного раздела. Из колхоза «14 годовщины Октября» Рославльского района Смоленской области была направлена характерная жалоба: «бывшие единоличники до оккупации фашистской каковы имели от 15 с. до 25 с. га, но теперь... награждены совместно со старыми нашими колхозниками по 50 с. га... Член партии Попкова Мария Павловна разделена с одного семейства с сестрой и награждена двумя усадьбами»⁸⁵. В этом документе обращает на себя внимание восприятие прирезки участка как *награды*. Также обращает на себя внимание сходство послевоенной практики с ситуацией в доколхозной деревне с особым местом в ней старейшин и распространением семейных переделов.

О подсобном характере крестьянского хозяйства речи в ту пору еще не велось ни применительно к благосостоянию крестьянской семьи, ни в контексте сельской экономики в целом. Доля ЛПХ в валовой продукции сельского хозяйства была чрезвычайно высока, особенно в западных и южных районах. По состоянию на 1950 г. личные хозяйства производили 61% всей сельскохозяйственной продукции в Смоленской области, 62% в Калужской, 57 и 58% соответственно в Рязанской и Орловской. Еще более значительной доля ЛПХ была в производстве животноводческой продукции, доходя до 76% в Брянской и 72% в Калужской областях⁸⁶.

Важнейшей проблемой, с которой ежедневно сталкивалось послевоенное крестьянство, были налоги. Е.Ю.Зубкова, анализирувшая письма

«во власть» этого периода, отмечает, что именно вопросы налогообложения занимали колхозников в наибольшей степени⁸⁷.

Здесь необходимо принять во внимание, что тягловые обязанности крестьян по отношению к государству не были чем-то новым и являлись частью традиционного мировосприятия. Поэтому налоги сами по себе вряд ли могли способствовать разрушению крестьянского мира. Главное заключалось в мере изъятия. По мнению Дж. Скотта, «крестьян при этом особенно беспокоило не сколько у них изымают, а сколько им остается, иначе говоря, сохранится ли их жизнеспособность, возможность воспроизводства семьи и хозяйства»⁸⁸. Опираясь на многочисленные свидетельства, с большой долей уверенности можно предположить, что предел выживаемости в эти годы был достигнут, а сама налоговая система, жесткость которой диктовалась нежизнеспособностью послевоенного колхозного производства, являлась для жителей села мощным выталкивающим фактором, побуждая их переезжать в город.

Механизм выталкивания был прост: налоги исчислялись от количества трудоспособных. В письме И.П.Рохмановой из Хвастовичского района Калужской области, написанном в 1950 г., читаем: «Госналоги все больше — если в 1949 г. я уплатила 375 руб. и сдала 40 кг мяса, то в 1950 — 550 руб. и 44 кг мяса... Денег не видим... Живем лишь на своей картошке вдвоем с дочерью, а у кого семья большая, дети пухнут с голода» (выделено нами — О.Г.)⁸⁹.

А вот фрагмент из большого письма колхозника И.В.Веселова из Межевского района Костромской области в редакцию газеты «Социалистическое земледелие» (1948 г.): «Нечего греха таить, подчастую сами родители своих детей на жительство силком провожают. Бывает и рады бы молодые люди в колхозе жить и землепашеством заниматься, да родители им воли не дают. Такие явления в большинстве случаев происходят в таких семьях, где отец и мать являются престарелыми и считаются нетрудоспособными по возрасту. Согласно закона хозяйству следовало бы пользоваться льготами по всем видам обязательных поставок. Но у них в семье имеется трудоспособный сын или дочь, за которых, как они сами откровенно признаются, им приходится платить все обязательные поставки. В этих случаях добрые папаши и мамы ежедневно пичужат своих деточек — "учат" их уму-разуму. Стараются честным и нечестным путем добыть документы и поскорее отправить своего милого чада в город на производство»⁹⁰.

Ругая нерадивых родителей и выступая поборником колхозного строя, автор, тем не менее, вскрывает один из существенных его недостатков. Производящий потенциал индивидуального крестьянского хозяйства всегда зависел от количества работников. С переходом ведущей производственной

функции от единоличных крестьянских хозяйств к колхозам и совхозам количество трудоспособных работников в семье теперь было не принципиально. Скорее появлялась обратная зависимость — чем их было меньше, тем лучше для семьи.

Принцип наделения колхозников приусадебными участками порождал и другие явления, особенно характерные для урбанизированных районов, где многие члены семьи уходили на промышленные предприятия. Уже в 1947 г. колхозники Московской области задавали вопрос: «Считается ли усадьба за колхозной семьей, где 4 человека работают на производстве, а только 1 человек состоит в колхозе и вырабатывает минимум трудодней?»⁹¹ Совершенно очевидно, что в этом случае членство в колхозе было необходимо только для сохранения за семьей подсобного хозяйства. Само же хозяйство двора постепенно утрачивало роль основного источника доходов. По мере расширения урбанизированных зон в границах ЦЭР все большие масштабы приобретал и этот процесс.

И все же отсутствие приусадебного участка в послевоенные годы было для жителя деревни делом совершенно невозможным: «Брат в Барнауле, он в колхоз не пошел, у него землю по закалитку отрезали и через это он отсюда уехал» (Луховицкий район Московской области)⁹². В укрупнении колхозов, сопровождавшемся сселением колхозников, разрушительный эффект наиболее сильно проявлялся именно по отношению к ЛПХ. Предложенные государством меры могли лишь немного смягчить негативный эффект сселения, не отменяя его главных последствий, а нужды крестьян удовлетворялись лишь постольку, поскольку это не противоречило интересам общественного хозяйства. Сселяемым колхозникам разрешалось «убирать в год сселения урожай на приусадебных участках в сселяемых поселках, а также переносить многолетние насаждения на новое место жительства, если таковой перенос технически осуществим, *и если по плану колхоза оставление насаждения на старом месте не предполагается*» (выделено нами — О.Г.). О компенсации потерь речи не шло, в 1951–1955 гг. через колхозы выделялись лишь ссуды в связи со сселением: на перенос дома — до 3 тыс. руб. и от 6 до 10 тыс. руб. на постройку нового дома⁹³.

В конце концов экономические причины вынудили советское руководство на время отступить от социалистических принципов, и 1953 г. ознаменовался началом политики укрепления ЛПХ. Во-первых, разрешалось огородничество, т.е. свои хозяйства было позволено иметь рабочим и служащим; во-вторых, предоставлялись сенокосные угодья для содержания личного скота, и в-третьих, кардинально снижались налоги с ЛПХ. Одновременно повышался контроль за работой в общественном секторе, так как высказывалось опасение, что снижение сельхозналога с колхозников повы-

сит интерес последних к улучшению личного земельного участка, что может нанести вред общественному хозяйству⁹⁴. Вскоре последовало новое ограничение ЛПХ — постановление Совета Министров СССР, изданное в марте 1954 г., предусматривало урезание приусадебных хозяйств «по просьбам трудящихся»⁹⁵. Помимо идеологических предпочтений руководства страны, следует принять во внимание закономерности урбанистического освоения территории в пригородных зонах Центрального Нечерноземья; впрочем, идеология подкреплялась индустриальными нуждами. Количество земель сельскохозяйственного назначения постепенно сокращалось, что сказывалось на площади личных участков. Например, в аграрной Смоленской области в 1955 г. посевная площадь в среднем на хозяйство колхозника составляла 30 соток, а в более урбанизированных Калининской и Московской — 19–23 сотки⁹⁶.

В 1956 г. правительство разрешило колхозам самим определять «размеры приусадебных участков, а также количество домашних животных в личном пользовании с учетом трудового вклада семьи колхозника в общественное хозяйство»⁹⁷. Тем самым снималась необходимость реагировать на многочисленные нарушения в этой сфере. Это повлекло за собой прирезки приусадебной земли во многих колхозах и увеличение поголовья личного скота⁹⁸. В Рязанской области недовольство проверяющих вызвало решение одного из колхозов, в соответствии с которым каждый колхозный двор может иметь в личном пользовании «корову, 2 головы молодняка рогатого скота, 2 свиноматки с приплодом, 10 овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов и по 20 ульев»⁹⁹.

Руководство колхозов ориентировали на то, что «следует не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению, поскольку использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большого количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее и колхозники в конечном счете получат доход значительно больше». Подчеркивалась также ответственность «с партийных, советских и хозяйственных органов за дела в колхозах»¹⁰⁰. Представляется, что к середине 50-х гг., когда хрущевские реформы принесли первые плоды и положение колхозов улучшилось, в политике по отношению к ЛПХ установилось некоторое равновесие между поощрительными и репрессивными мерами.

Об общих принципах правительственного подхода в отношении ЛПХ в середине десятилетия дает представление ответ на письмо колхозников Московской области (1955 г.). «Предложение об увеличении размеров приусадебных участков неправильно. Основной доход колхозный двор получает от работы его членов в общественном хозяйстве. Ваше же предложение

направлено на раздувание личного хозяйства колхозника и превращение его из подсобного в основное, что противоречит Уставу сельскохозяйственной артели. Кроме того, установление размеров приусадебных участков в зависимости от числа членов колхозного двора повело бы к ежегодному пересмотру этих размеров и переделу участков, что явно нецелесообразно»¹⁰¹.

Расширение полномочий колхозов в отношении приусадебных хозяйств колхозников не только сопровождалось прирезками, но и вызвало целый поток жалоб на злоупотребления на местах. Уменьшались участки престарелым¹⁰² (массовой эта практика станет в середине 60-х гг., после введения пенсий для колхозников), а также работающим на стороне. В Уставе колхоза им. Ворошилова Сараевского района Рязанской области было записано, что если в хозяйстве один трудоспособный член семьи не принимает участие в работе колхоза, то приусадебный участок следует уменьшить на 40% и установить оплату за выпас скота в размере 200 руб. Если же в семье колхозника в колхозе не работали 2 человека, то приусадебный участок уменьшали на 80%, а за выпас брали 300 руб.¹⁰³ В решениях колхозных собраний прослеживается явная неприязнь к работающим на стороне, а также к пришлым «чужакам». В сельхозартели им. Молотова Шиловского района Рязанской области в 1956 г. действовало положение, по которому «отдельные колхозники, уезжающие в зимнее время из пределов колхоза, а весной приезжающие и засевающие приусадебный участок, снимают урожай и снова уезжают — лишаются приусадебного участка, выпасов и всех льгот колхозника». Сельским специалистам — учителям, медработникам, агрономам — выделялось по 0,25 га, а при наличии иждивенцев участок уменьшался наполовину¹⁰⁴. Сказывалась и извечная тяга крестьян к уравнительности. В той же артели было принято более жесткое решение, чем даже во время знаменитой кампании борьбы с нарушениями 1946 г.: при самовольном увеличении приусадебного участка он отбирался. Такое же наказание предусматривалось за невыработку минимума трудодней¹⁰⁵. Подобные правила воспринимались как перегибы, поскольку власть не была заинтересована в сокращении численности колхозников.

Несмотря на некоторые послабления, производственный потенциал ЛПХ по-прежнему искусственно сдерживался запрещением иметь в хозяйстве рабочий скот. Предложение одного из колхозников разрешить иметь в хозяйстве рабочую лошадь, так как уровень механизации в колхозах повышается (письмо 1958 г.) было расценено как «неправильное»¹⁰⁶. Кстати говоря, еще во время кампании борьбы с нарушениями в колхозах во второй половине 1940-х гг. отмечалось большое количество отобранных у крестьян колхозных лошадей¹⁰⁷. Нежелание усиления приусадебных хозяйств за счет приобретения рабочего скота прикрывалось сетованиями по поводу бедст-

венного положения колхозов. Не мудрено, что по мере механизации общественного производства колхозники стали считать себя вправе рассчитывать в своем хозяйстве хотя бы на лошадь.

Последним проявлением либерализма по отношению к личным хозяйствам колхозников в хрущевскую эпоху стала полная отмена с них сельхозналога в начале 1958 г.¹⁰⁸ По всей вероятности, с исчерпанием положительного заряда реформы аграрной сферы 1953 г. делалась попытка улучшить положение с использованием прежних рецептов. Ожидаемого улучшения не наступило: принятые меры были паллиативными, а поступиться идеологическими принципами и допустить дальнейшее расширение рыночного производства для Н.С.Хрущева было невозможно. Предпочтение окончательно было отдано общественному сектору. Гонения на личные хозяйства колхозников исключили возможность их дальнейшей естественной эволюции в условиях растущего городского окружения. Жителей села равно не удовлетворяли ни колхозный вариант, консервировавший осознанную «ущербность» по отношению к горожанину, ни полугородской совхозный. В обоих случаях утрачивалась самодостаточность сельского быта с одновременной потерей крестьянской идентичности.

Конец 1958 г. ознаменовался началом похода на личные хозяйства. Сначала на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК, а затем на XXI съезде КПСС был сделан вывод, что «ЛПХ колхозников постепенно будет утрачивать свое значение». В августе 1959 г. вышел Указ Президиума ВС РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»¹⁰⁹. На личные хозяйства была возложена ответственность за отставание общественного сектора.

Выбор в качестве объекта для атаки участков горожан и работников совхозов симптоматичен, поскольку подчеркивал субъективность в принятии решений. Личные хозяйства рабочих промышленности и полугородского сельского хозяйства, воспринимавшиеся в качестве атавизмов уходящего крестьянского быта, более других раздражали взгляд бескомпромиссных поборников социалистического градообразования. Всячески открещиваясь от общинного начала, власть тем не менее постоянно проявляла себя в рамках полюсного традиционалистского мировосприятия («мы–они»). Наступление на подсобные участки горожан знаменовало начало нового этапа насильственной урбанизации, искусственно расширявшего границы городского влияния.

О значении ЛПХ для жителей поселков городского типа и степени урбанизированности многих пригородных зон может дать представление брянский пример. Речь идет о поселке, обслуживавшем промышленное производство. Радице-Крыловский поселковый совет после запрещающего

решения облисполкома о содержании скота в поселениях городского типа ходатайствовал о разрешении населению держать в поселке коров. Прилагалась подробная справка, из которой становилось ясно, что иного источника получения молокопродуктов, кроме личных хозяйств, у жителей не существовало. Говорилось о катастрофическом состоянии дорог, отсутствии магазинов, количестве детей, лишенных молока. Ответом был краткий отказ со ссылкой на известное постановление правительства¹¹⁰.

Анализируя последствия наступления на личные хозяйства в пригородных зонах, можно прийти к выводу, что противопоставление города и села, заметное в правительственной политике предшествующих десятилетий, к концу 50-х гг. сошло на нет. Практически сразу ограничительные меры рикошетом ударили и по членам колхозов. После примера, приведенного Н.С.Хрушевым в одном из выступлений о продаже колхозу коров в его родной деревне (д. Калиновка Курской области) кампания по ликвидации ЛПХ на местах началась настолько рьяно, что пришлось окрикнуть из центра¹¹¹. И.Е.Зеленин отмечает в этой связи: «Реализация партийных директив на местах началась немедленно, еще до принятия соответствующих законодательных актов, причем с грубейшими нарушениями. "Закупки" личного скота производились и у колхозников; фактически скот изымался за бесценок и сдавался в счет выполнения обязательств колхозов по мясозаготовкам; от рабочих совхозов требовали сдать скот в течение нескольких месяцев, угрожая в случае отказа лишить их выпасов. От работников совхозов, колхозников, горожан пошел поток писем с жалобами на самоуправство местных властей и руководителей хозяйств, некоторые в этой связи использовали даже термин "раскулачивание"»¹¹². В одном из писем читаем: «Колхоз вышел в передовые и приусадебные участки не были тормозом, а когда развалили колхоз — можно вину переложить на колхозников»¹¹³. Массовые нарушения затронули в числе прочих Калининскую, Калужскую, Московскую области¹¹⁴. Из Костромской области сообщали, что на мясозаготовки сдавались коровы «высокой удойности и замечательной упитанности»¹¹⁵.

О реальной роли личного сектора бытовало искаженное представление, а статистика ЛПХ горожан и работников совхозов и вовсе не велась. По данным М.А.Безнина, на начало 1950-х гг. на их долю приходилось около 13% валовой продукции сельского хозяйства (ЛПХ колхозников — 38%)¹¹⁶. В течение 50-х гг. доля общественного хозяйства колхозов повысилась незначительно (всего на 2–5% с 1953 по 1959 гг.), и к 1959 г. ЛПХ колхозников производили от половины до 80% валовой продукции молока, мяса, картофеля, овощей и яиц колхозного сектора¹¹⁷.

С 1 июля 1963 г. были введены в действие новые ограничительные нормы скота, «находящегося в личной собственности граждан», теперь

прямо относившиеся к ЛПХ колхозников. Не разрешалось одновременно держать корову, поросенка и трех овец, как прежде, надо было сдать овец или поросенка¹¹⁸.

В ходе кампании ограничения ЛПХ на местах отмечались случаи, когда руководители отдавали распоряжения о полном изъятии приусадебных участков и ликвидации личного скота. О подобной практике сообщали из Скопинского района Рязанской области (только некоторым рабочим совхоза оставили наделы 0,15 га¹¹⁹). Новые размеры личных участков в совхозах варьировались в зависимости от близости к городу, хотя общего подхода не существовало. Жители Вязниковского района Владимирской области недоумевали, по какому принципу выделялись сельская и пригородная зоны. При этом в совхозах сельской зоны норма ЛПХ составляла 0,25 га, а в пригородной — 0,20 га¹²⁰.

Мероприятия 1958–1963 гг. по отношению к приусадебным хозяйствам имели тяжелые последствия. Количество пахотной земли в пользовании граждан по Российской Федерации сократилось на 600 тыс. га, или 19%. Средние размеры приусадебных участков уменьшились у колхозников с 0,33 до 0,29 га, а у рабочих и служащих — с 0,25 до 0,18 га. К 1964 г. на российских городских рынках продажа молока снизилась на 32%, мяса — на 16% (к уровню 1958 г.)¹²¹. Довольно красноречивы воспоминания людей о том времени. «Хрущев говорил — не нужно трудиться около своего скота. Плакали у весовой, целовали коров, трудно крестьянину расставаться со скотиной, молодежь кинулась в город...». «Все время держали корову, а потом Хрущев нас "раскрепостил", чтобы было полегче. Когда хозяйство свое было, легче жилось. А потом стали, как городские, в магазин ходить»¹²². По состоянию на начало 1962 г. в колхозах Калининской области насчитывалось около трети бескоровных хозяйств. В отчете статистических органов отмечалось, что «текучесть сельского населения идет в основном за счет колхозников, которые не имеют скота в личном пользовании или не в состоянии обеспечить его кормами»¹²³.

Не будем забывать, что в эти же годы происходило интенсивное преобразование колхозов в совхозы, в ходе которого также уменьшались размеры личных участков. К числу наиболее пострадавших относились люди старших возрастов. В совхозах они становились пенсионерами, и потому не могли претендовать на обычные по размеру приусадебные участки. Так, в 1964 г. в Медынском районе Калужской области при преобразовании колхоза в совхоз пенсионерам урезали усадьбы с 0,40 до 0,15 га¹²⁴. В Шуйском районе Ивановской области престарелых колхозников при преобразовании не только не обеспечили совхозной пенсией, но и сократили размер участка¹²⁵.

Одним из первых мероприятий брежневского правления стало возвращение жителям села многочисленных отрезков, образовавшихся в результате предшествующей ограничительной политики. В ноябре 1964 г. было издано постановление Бюро ЦК КПСС и СМ РСФСР «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих»¹²⁶. После октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС были отменены ограничения ЛПХ и на содержание скота. Считалось, что внеэкономические меры по отношению к подсобным хозяйствам бесперспективны, и по мере дальнейшего роста общественного сектора они окончательно утратят свою прежнюю роль¹²⁷.

Такая терпимость объяснялась несколькими причинами. Во-первых, считалось, что ЛПХ носят в основном потребительский характер, а потому не представляют более угрозы общественному сектору. Во-вторых, молчаливо признавалась неспособность колхозно-совхозной экономики обеспечить население всеми видами сельскохозяйственной продукции. Наконец, в-третьих, продолжался курс на стирание социальных различий, начатый в хрущевские годы уравниванием размеров заработной платы разным категориям промышленных рабочих. Личные хозяйства в этих условиях выполняли компенсирующую функцию, так как благодаря им совокупный доход колхозников был примерно равен совокупному доходу работника совхоза. Доход от ЛПХ у колхозников был примерно в 1,5 раза выше, чем у работника совхоза. В свою очередь, ЛПХ работников совхозов способствовали сглаживанию отставания от промышленности. Средний размер ЛПХ в колхозах сложился на уровне 0,31 га, в совхозах — 0,2 га, у рабочих и служащих (вне сельского хозяйства) — 0,11 га¹²⁸.

Естественно, что появление источника дополнительных доходов в таких условиях влекло за собой сокращение, либо ликвидацию ЛПХ. Одной из наиболее пострадавших категорий населения были сельские пенсионеры. С учетом того, что в архивных фондах имеется большое количество жалоб на местных управленцев в центральные органы власти, можно предположить (исходя именно из множественности обращений), что такая практика негласно поощрялась сверху. Письмо из Рязанской области (1968 г.) сообщало, что у двух одиноких пенсионеров с начала организации колхоза было 32 сотки. «И работали мы всю жизнь за эти сотки. А теперь отняли 7 соток. Есть правило, по которому у одиноких нетрудоспособных пенсионеров участки не сокращать. Но сократили»¹²⁹. В Брянской области дело едва не дошло до вооруженного противостояния (совхоз «Синезерки» Навлинского района). «По всему совхозу без согласия народа ведется ликвидация приусадебных участков у рабочих и служащих, пенсионеров, вдов-пенсионеров и инвалидов войны. Приусадебные участки по команде директора вспаханы

и засеяны коноплей и свеклой. А людям выделяют огороды за км и более от дома, в поле. Некоторые пенсионеры живут одни (60–70 лет)... У всех обрезаются сотки по самый угол. ...В связи с произволом рабочие совхоза не выходят на работу, они не хотят пользоваться наделами в поле». В деревнях Лбы и Кольцовка «люди вышли с вилами и топорами против тракториста, приехавшего засеивать приусадебные участки. О произволе знают сельсовет, парторг и районные организации, но люди оказались без защиты»¹³⁰.

Другим проявлением дискриминации стало выборочное наделение работников кормами для личного скота. Из села Холуй Ивановской области в 1969 г. сообщали, что «пенсионерам и работникам на окладе в колхозе не дают сена. Приходится покупать сено на рынке, ведь корову держим для детей»¹³¹. Похожая жалоба из Вышневолоцкого района Калининской области завершалась словами: «А в деревне без малого скота и то жить нельзя»¹³². Колхозник из Угодско-Заводского района Калужской области, жалуясь, что ему не выделяют покосов, писал: «Корова является основным источником моей жизни, так как мы с женой колхозные пенсионеры»¹³³. Из Ельнинского района Смоленской области сообщали, что «без коровы на расстоянии 22 км от райцентра прожить нельзя, а колхоз выделяет корма только тем, кто кошит и убирает сено. Мы пенсионеры, работать не можем»¹³⁴.

Недостаток кормов оказался очень серьезной проблемой, причем не только для пенсионеров, и по этой причине в 1969 г. произошло новое сокращение поголовья крупного рогатого скота в ЛПХ. С годами эта проблема только обострялась. Отмечалось, что если в 1965 г. население скормило скоту 1,6 млн. т печеного хлеба, то в 1970 — уже 2,4 млн.т¹³⁵. В конце 1970-х гг. свои наблюдения в Орехово-Зуевском районе в письме в газету изложила возмущенная москвичка: «В деревне покупают по 12–18 буханок каждый. Узнала, что для скота. И все это происходит летом, когда на лугах сочная трава! А что же будет зимой? Не пора ли прекратить это варварское отношение к хлебу?»¹³⁶ Жительнице города было невдомек, что сочная трава не предназначалась для личного скота. Сами колхозники воспринимали ситуацию несколько иначе (Суражский район Брянской области): «Нет коров. Берем хлеба каждый день на 1 руб. Это 6 буханок. Надо дать булку поросятам, телят, курам. В месяц 30 руб. на один хлеб, а пенсия — 50 руб. В этом году надо сдать корову государству, больше ее держать невозможно»¹³⁷.

Как видим, в создавшихся условиях лишённые производственной функции личные подсобные хозяйства неминуемо приобретали иждивенческий характер. Эта тенденция ощущалась тем отчетливее, чем сильнее было городское влияние. Не случайно одним из мотивов запрещения содержания

скота в поселках городского типа и городах явились факты скармливания скоту печеного хлеба¹³⁸.

Относительно благополучные 60-е годы дают почву для комплиментарных отзывов в адрес тогдашней аграрной политики. «С середины 60-х до конца 80-х гг., может быть впервые в своей истории, российская власть (при всех ограничениях и оговорках), ...начала нащупывать верную тональность в характере взаимодействия с крестьянством. ...Это была по существу новая постколлективизационная политика. И именно от нее, а не от "колхозного рабства" и "агроГУЛАГа", не хотело отказываться крестьянство после объявления «деколлективизации» в конце декабря 1991 г.»¹³⁹. Такая оценка, на наш взгляд, не вполне верна. Из высказывания следует логический вывод, что власть поняла крестьянскую природу и стала действовать оптимальным для селян образом, что звучит не очень убедительно. Скорее всего, дело в другом. Нетрудно заметить, что в брежневские годы реформаторский пыл стихает. Энергии снова разрушать ЛПХ, сселять крестьян уже не было. Поэтому если что и приветствовалось крестьянами, то не действие, а бездействие. Что касается попыток повышения эффективности сельского хозяйства, то их последствия известны.

Уровень благосостояния как фактор миграционной активности

В течение всего рассматриваемого периода существенные различия в благосостоянии жителей города и села были одной из серьезных причин, побуждавших к перемене места жительства. Постараемся не ограничиться общеизвестной констатацией низкого уровня доходов селян и попробуем выяснить, от чего они зависели в разных областях Центра. Для определения внутризональных различий по источникам и уровню доходов сельского населения стоит вновь обратиться к критериям выделения отдельных территорий в составе ЦЭР. Первой по значимости будет *степень близости к центру*. Вполне резонно предположить, что традиции отходничества, бытующие среди сельских жителей ближних к Москве областей, вносят серьезные коррективы в структуру их бюджета. И, напротив, по мере удаления от центра района аграрная составляющая доходов возрастает. По этому признаку, например, в западной зоне различаются ближняя Калужская и отдаленная Брянская, в северо-восточной — Ярославская и Костромская области.

Следующая причина различий видится в *наличии, либо отсутствии развитой промышленной инфраструктуры*. В условиях развитой промышленности аграрная сфера местной экономики не может не принимать вспомогательного характера. С точки зрения быта конкретной сельской семьи это выражается в том же отходничестве (здесь более уместен более широкий по смыслу термин «маятниковая миграция»), появляется возможность

работать в многопрофильном пригородном общественном хозяйстве, а не в монокультурном с ограниченным выбором специальностей; часть доходов образуется за счет продажи в городе продукции, полученной от своего хозяйства, либо (реже) от колхоза. По этому признаку вполне себя оправдывает традиционный принцип зонального деления: промышленные северо-восточные области Центра существенно отличаются от аграрных западных.

Наконец, третьим фактором, который необходимо принять во внимание, являются *особенности сельского расселения*. Поскольку плотность населения и людность сельских поселений убывают с юга на север, в схожих условиях оказываются принадлежащие к разным зонам Рязанская и Брянская, Калининская и Костромская области. Напротив, находящиеся в одной зоне Брянская и Смоленская области существенно различаются по условиям труда и источникам дохода сельских жителей. Для мелкоселенных областей характерна большая трудовая нагрузка в сельскохозяйственном производстве. Действует этот фактор по-разному. В рассматриваемый период в Калининской области наличие сильной монокультурной специализации (выращивание льна) определяло преимущественно аграрный характер доходов сельского населения (расценки за работу в этом секторе были довольно высокими). В то же время ограниченность трудовых ресурсов повышала трудовую нагрузку, а впоследствии, со снижением в середине 1950-х гг. расценок в льняном производстве, обусловила отток сельских жителей в города, так как возможностей альтернативного заработка почти не было. В Костромской области со схожим характером расселения техническая специализация сельского хозяйства выражена менее отчетливо. С другой стороны, здесь существовали сильные традиции отходничества и, по сравнению с другими областями северо-восточной зоны, менее развитая промышленность. В совокупности с недостатком рабочих рук это предопределило депрессивный характер сельского хозяйства, не имевший стимулов к пригородной переориентации, и последующий интенсивный отток населения за пределы области.

В южных и юго-западных областях Центрального района более плотное сельское расселение создавало в 1950-е гг. даже некоторую трудоизбыточность. Трудовая нагрузка на одного работающего в общественном производстве здесь была существенно меньшей, чем на севере района, что определяло более низкий размер доходов от колхозов. По мере урбанизации сельского населения и его оттока в города эта тенденция утрачивалась. Как и в других регионах Центра, чрезвычайно большое влияние на структуру доходов сельских жителей имела близость к Москве. По этому признаку выделилась Рязанская область с ее традиционно сильными отходническими традициями. Деградация местных черноземов в совокупности с отсутствием

адекватного индустриального предложения заставили местных сельских жителей ориентироваться на недалекие Москву и Подмоскowie в поиске источников заработка.

В соседней Тульской области возможность альтернативного заработка жителям села предоставляла более развитая промышленность, в том числе угледобывающая. Что касается Брянской и Орловской областей, то их развитие в течение долгого времени определяла преимущественно аграрная специализация экономики. Влияние города здесь было весьма ограниченным, в результате главными составляющими бюджета сельских жителей были доходы от общественного производства и от личного хозяйства.

Необходимо обратить внимание на то, что различие в уровнях доходов жителей села различных регионов не может служить автоматическим обоснованием наличия, либо отсутствия у них намерения улучшить свое материальное положение. Чрезвычайно важную роль здесь играет степень урбанизированности территории. Осознание неудовлетворенности уровнем доходов напрямую зависит от степени устойчивости связей с городом — информационных, транспортных и т.п. По нашим данным, в 1950-е — первой половине 1960-х гг. все еще значительная часть сельского населения различных областей Центра жила в условиях прежней изолированности сельского мира от городского. Урбанизация сознания, затронувшая в первую очередь сельское население территорий с развитой промышленностью, либо близких к Москве, значительно позже коснулась жителей областей с выраженной аграрной специализацией, расположенных на юго-западе ЦЭР. Если судить по уровню миграции из села, массовая урбанизация сознания сельского населения этих территорий произошла только во второй половине 1960-х гг. До этого времени определяющими критериями в восприятии уровня своего достатка у большей части крестьян юго-западных областей оставалось традиционное крестьянское мироощущение, ориентирующее скорее на выживание, нежели на накопление.

Несколько особняком в Центральном районе стоит Смоленская область. Ее развитие определялось мелкоселенностью, преимущественно аграрной специализацией, а также фактором тяжелых военных последствий. Экономическая неэффективность сельскохозяйственного сектора обусловила широкое применение административных мер, среди которых интенсивное промышленное строительство в восточных районах области, массовая практика внутриобластных переселений и, наконец, наиболее значительное среди всех областей Центра преобразование колхозов в совхозы. Эти мероприятия ускорили процессы урбанизации сельского населения. Минимальные доходы от общественного сектора, ограниченная возможность альтернативного заработка (особенно в наиболее пострадавших западных районах) стали

причиной массового, относительно раннего, оттока сельского населения. При этом в северных льносеющих районах, так же как и в Калининской области, некоторое время действовала относительно благоприятная тенденция сравнительно высоких доходов от общественного производства, затем утратившая свою роль.

Зональное выделение Московского региона справедливо не только с макроэкономической точки зрения. Влияние мегаполиса предопределило специфический характер доходов сельских жителей. В послевоенные десятилетия он характеризовался, во-первых, высоким уровнем поступлений от работы в государственных предприятиях, а во-вторых, прогрессирующим снижением доли поступлений от колхозов в структуре доходов. Пригородный характер сельского хозяйства обусловил раннее преобразование колхозов в совхозы, в результате чего доля колхозников в сельском населении неуклонно сокращалась, составив к середине 1960-х гг. только 3%. В то же время уровень доходов колхозного населения Московской области был весьма высок как в силу лучшей технической оснащенности хозяйств, так и из-за повышенной мобильности населения и возможности альтернативного заработка. Необходимо заметить, что территория Подмосковья уже в 1950-е гг. была сплошь паспортизированной, а это значит, что маятниковые перемещения местного сельского населения административно почти не регистрировались.

С учетом того, что в первые послевоенные годы в сельском населении Центра преобладали колхозники, обратимся к сравнительной характеристике доходов от колхоза в это время. По данным О.М.Вербицкой, наименьшими не только в пределах ЦЭР, но и по Нечерноземью в целом были выплаты от колхозов в Брянской области¹⁴⁰, что увеличивало роль ЛПХ. Напротив, в Московской области показатели превышали средние по РСФСР¹⁴¹. Довольно красноречиво сопоставление числа выработанных трудодней в расчете на одного трудоспособного колхозника для Калужской области и Краснодарского края — 180 против 443 в 1946 г.¹⁴² В Смоленской области в 1946 г. на одного работающего приходилось 272 трудодня¹⁴³. Это сравнительно высокий для региона показатель, но достигался он за счет того, что в общественном производстве участвовало лишь 57,2% трудоспособных¹⁴⁴.

Вместе с тем, количество выработанных трудодней не было прямо связано с реальными доходами колхозников. Так, во многих колхозах Калининской области, выполнившей план хлебосдачи и полностью рассчитавшейся с государством, для оплаты трудодней не было зерна. Выдача хлеба производилась только в половине колхозов Орловской области. Похожая ситуация наблюдалась и в ряде других областей¹⁴⁵.

Изменение количества выработанных трудодней в расчете на одного работающего в сторону уменьшения в последующие годы свидетельствовало не столько о падении трудовой активности, сколько о медленном росте числа работавших вследствие демобилизации из армии. Например, на Смоленщине в 1947 г. в среднем одним работавшим вырабатывался 251 трудодень, в 1949 — 253¹⁴⁶.

Низкие показатели трудового участия объяснялись необходимостью работы в личном подсобном хозяйстве как чуть ли не единственном средстве выживания в тех условиях, и отходничеством. Крайне низкие урожаи зерна в 1948 г. в Центральной России привели к тому, что в Брянской, Московской, Рязанской и некоторых других областях количество хозяйств, не выдававших зерна на трудодни, было наибольшим по стране¹⁴⁷. И.М.Волков указывает, что в 1949 г. в Калужской и Смоленской областях колхозники работали практически только в личных подсобных хозяйствах, так как ничего не получали на трудодни, выработанное количество которых было поэтому минимальным¹⁴⁸.

Было бы логично предположить, что вследствие льноводческого характера хозяйства северных областей Центра, а также Смоленской области трудовые затраты были здесь выше, а значит, больше количество выработанных трудодней. Но прямая зависимость между затраченным трудом и размерами выплат отсутствовала. В 1950 г. руководители Смоленской области в письме к Г.М.Маленкову сообщали, что нагрузка на одного трудоспособного очень высока, она возросла с 2,54 га в 1949 г. до 3,06 га в 1950 г., а в некоторых районах — до 5 га и более¹⁴⁹. Для сравнения — в соседней Брянской области нагрузка посевной площади на одного трудоспособного в 1949 г. в основном (в 75 % случаев) составляла от 1,4 до 2,6 га, хотя и варьировалась по районам от 0,5 до 15,0 (!) га¹⁵⁰.

Поэтому вполне объясним тот факт, что только за два года, с 1948 по 1950 гг., количество колхозного населения Смоленщины уменьшилось на 70,9 тыс. чел., в том числе трудоспособных — на 37,1 тыс. чел¹⁵¹. Обнаружившийся уже в те годы недостаток рабочих рук поставил Смоленскую область в тяжелое положение и сильно повлиял на характер последующего ее развития.

Одно из многих подобных ему в то время хозяйств — колхоз «Новый путь» Ярцевского района. Он имел 23 крестьянских двора, 26 трудоспособных, из них 16 женщин. У трети трудоспособных не было в 1948 г. ни одного заработанного трудодня — ко всему прочему сказывалось отсутствие детских дошкольных учреждений. В колхозе было 3 лошади, 6 коров,

19 голов молодняка и 18 овец. Только 10 крестьянских хозяйств имели коров. На трудодни здесь выдавалось в 1946 г. 62 г зерна, в 1947 г. — 200 г. Большинство молодежи подали заявления об уходе из колхоза, правда, безрезультатно. Был случай самовольного ухода в МТС¹⁵².

В ряду правительственных декретов тех лет находилось постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», датированное 19 апреля 1948 г.¹⁵³ Оно устанавливало дополнительную оплату труда в экономически сильных хозяйствах. В Центре им было охвачено 15–25% колхозов. Для сравнения: в Сибири и на Ставрополье таких колхозов было 60–75 %¹⁵⁴.

Постараемся определить сравнительную значимость поступлений от колхоза в различных областях Центра на начало 1950-х гг. Ниже приводится таблица, иллюстрирующая размер поступлений от колхозов в 1953 г. в рублях¹⁵⁵:

Таблица 8.

Регион	На трудодень	На трудоспособного	На 1 двор
Центральная Россия	0,72	230	280
ЦЭР	0,60	197	236
Брянская	0,50	142	194
Владимирская	0,49	148	153
Ивановская	0,81	326	365
Калининская	1,15	518	536
Калужская	0,29	119	134
Костромская	0,46	174	202
Московская	0,99	342	302
Орловская	0,97	291	356
Рязанская	0,39	88	106
Смоленская	0,64	183	189
Тульская	0,26	78	93
Ярославская	0,52	208	237

Представим в виде графика данные доходов колхозников различных областей в 1953 г. на 1 трудодень в денежном выражении (руб.) (Рис.7). Обращает на себя внимание то, что только в нескольких областях ЦЭР показатели выдач превышали среднерегинальные. На первом месте с существенным отрывом оказалась Калининская область за счет доходов, полученных в производстве льна. На втором месте хорошо технически оснащенная

Московская область. А непосредственно вслед за ней шли Орловская и Ивановская области. Если высокие поступления от колхозов в аграрной Орловской области понятны, то по отношению к Ивановской приходится учитывать традиционную специализацию на выращивании технических культур. Отсутствие среди лидеров аграрной Брянской области объясняется как слабой механизацией местного колхозного производства, так и относитель-

Рис. 7.

ной трудоизбыточностью. Смоленская область занимает довольно высокое место, во-первых, вследствие доходности работ по выращиванию льна, а во-вторых, из-за высокой трудовой нагрузки в условиях недостатка населения. Замыкают список три близких к Москве области с быстро урбанизовавшимся сельским населением. Доходы от общественного производства на этих территориях по значимости уступают место заработкам, полученным от работы вне колхоза.

Теперь сравним данные доходов, полученных колхозниками различных областей в 1953 г. в расчете на один колхозный двор (руб.) (Рис.8). Эти показатели позволяют судить о степени привлекательности работы в колхозе, характеризуя уровень урбанизированности населения. Сразу обращает на себя внимание, что при сохраняющемся лидерстве Калининской области Московская переместилась сразу на четвертое место. Это означает, что большинство трудоспособных членов колхозной семьи здесь работало вне колхоза. Нечто похожее происходило и в Смоленской области (восьмое ме-

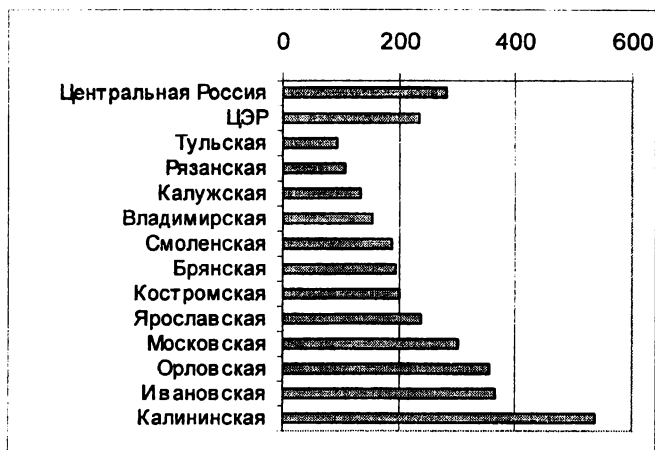

Рис. 8.

сто вместо пятого). И в том, и в другом работа в колхозе постепенно превращалась лишь в средство сохранения за собой приусадебного надела при том, что основные доходы семья получала вне колхоза.

Обратимся к характеристике занятости колхозников вне колхоза (Рис.9)¹⁵⁶. Очевидна высокая степень урбанизированности сельского населения Московской области, а последнее место Калининской подтверждает исключительно аграрный характер получаемых доходов. Вполне объяснимо и второе место индустриальной Владимирской области. Непосредственно вслед за ней идут среднеурбанизированные, но зато близкие к Москве Тульская, Рязанская и Калужская области.

Данные бюджетных обследований хозяйств колхозников свидетельствуют о том, что в течение 1950-х — начале 1960-х гг. происходил постоянный рост доли доходов от общественного производства в структуре дохода колхозной семьи. Например, в Рязанской области в 1963 г. по сравнению с 1953 г. доля колхозных поступлений увеличилась с 5 до 22,8%¹⁵⁷, в Смоленской — с 7,7 до 53,8%¹⁵⁸ и т.д. На наш взгляд, здесь действовали две тенденции. С одной стороны, за годы хрущевских реформ действительно улучшилось положение дел в колхозах. Но одного этого объяснения недостаточно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на удельном весе доходов от колхозов практически не отразился упадок колхозной экономики на рубеже 1950-х — 1960-х гг. Это заставляет предположить, что имел место и другой процесс. Сокращение доли поступлений от работы вне колхоза в бюджете колхозной семьи происходило также вследствие стихийного оттока наиболее

мобильной части сельского населения в города и в результате преобразования наиболее депрессивных хозяйств в совхозы.

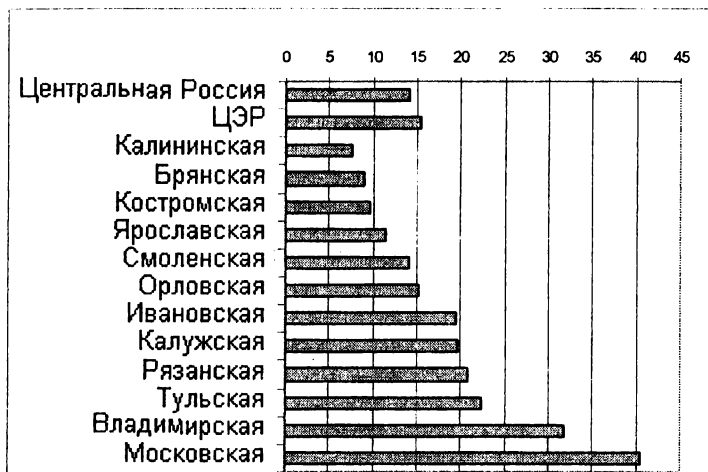

Рис. 9. Доля колхозников, работающих в промышленности и на транспорте, но проживающих в колхозе, к числу наличного трудоспособного населения, %, на 1.1.1954 г.

Размер доходов колхозной семьи в немалой степени зависел также от типа хозяйства. Бюджетное обследование, проведенное в Ивановской области в 1953 г.¹⁵⁹, обнаружило существенные различия в источниках поступления средств и абсолютных размерах полученных доходов в колхозах животноводческого, зернового и технического направлений. Так, было отмечено, что в животноводческих и зерновых колхозах значительную долю от общего дохода колхозной семьи составлял доход от заработков на промышленных предприятиях, а также доходы от продажи продукции, произведенной в приусадебном хозяйстве. Дело в том, что колхозы этих направлений находились на близком расстоянии от города. Напротив, в колхозах направления технических культур реализация собственной продукции наталкивалась на серьезные трудности. Большинство колхозов этого направления находились на расстоянии 15–30 км от райцентров, в которых, в свою очередь, была слабо развита промышленность, что влияло на количество потенциальных покупателей. Доходы колхозников животноводческого и зернового направлений от продажи собственной продукции составляли 23% от общего дохода, в то время как в технических колхозах — 15%.

Наибольший совокупный доход имели работники животноводческих колхозов. Однако основную его долю составлял заработок от работы в госу-

дарственных и кооперативных организациях (45% всего дохода, в колхозах других направлений эта статья составляла всего 24%). Как и следовало ожидать, в хозяйствах технического направления наибольшее значение имели поступления от колхоза.

При анализе структуры доходов колхозной семьи необходимо также учитывать большую дифференциацию в уровне благосостояния даже в рамках хозяйств одного направления. Как и в других случаях, чаще всего определяющим фактором была близость колхоза к городу. При этом вполне реальной была ситуация, когда работники отстающего колхоза за счет более удачного расположения по отношению к городу имели больший совокупный доход, нежели колхозники передового хозяйства. В той же Ивановской области в 1953 г. средняя колхозная семья передового колхоза имени XVII партсъезда заработала 7276 руб., а отстающего «Путь к коммунизму» — 10203 руб., при этом в последнем хозяйстве от колхоза было получено только 0,45% всех доходов¹⁶⁰.

Мы попытались выяснить, в какой степени экономическое состояние колхозов Центрального Нечерноземья определяло миграционное поведение их работников. Для анализа привлекались материалы годовых отчетов колхозов за 1953 год. В качестве сведений, косвенно свидетельствующих о миграционных намерениях, взяты данные о количестве трудоспособных, проживающих в колхозе, но работающих вне него — в промышленности или на транспорте. В результате расчетов установлена положительная корреляционная зависимость между численностью этой группы населения в областях Центра и количеством колхозов, не выдававших на трудодни ни продуктов, ни денег (коэффициент корреляции 0,78)¹⁶¹. Также значимой оказывается корреляция численности этой группы с количеством электрифицированных колхозов, т.е., с уровнем механизации производства (коэффициент 0,72)¹⁶². Что касается величины трудовой нагрузки, то обнаружилось, что чем она меньше (т.е. количество выработанных трудодней на 1 колхозника), тем меньше намерение искать работу вне колхоза (коэффициент -0,36)¹⁶³. В этой связи приходится признать, что резкий разрыв между количеством выработанных трудодней у колхозников Центра и других регионов России (например, в Центре вырабатывалось примерно в 2,5 раза трудодней меньше, чем на юге¹⁶⁴) не оказывал прямого стимулирующего воздействия на миграционные намерения сельских жителей.

В последующие годы, сначала с улучшением экономического положения колхозов в середине 50-х гг., а затем в результате кампании ограничения ЛПХ экономическая зависимость колхозных семей от состояния общественного сектора продолжала расти.

По мере повышения эффективности общественного производства коллективные хозяйства приобретали социальные функции. Государство в

основном взяло на себя обеспечение продуктового минимума. Значительным был и рост денежных выплат от колхозов. В 1958 г. колхозники ЦЭР получали 3,08 руб. на трудодень против 0,60 руб. в 1953 г.¹⁶⁵ Еще одним серьезным источником дохода крестьянской семьи часто становилась работа одного из ее членов в МТС. Оплата труда на машинно-тракторных станциях была существенно увеличена. М.А.Вылцан указывает, что только в период с сентября 1953 по март 1954 гг. в МТС возвратилось 50 тыс. механизаторов¹⁶⁶. Наконец, довольно большое количество перерабатывающих предприятий в сельской местности Центра давали еще одну возможность получения внеколхозного заработка.

Все это привело к тому, что к середине 1950-х гг. функция приусадебного хозяйства изменилась. Из единственного средства выживания семьи колхозника оно постепенно превращалось в альтернативный, хотя и очень важный источник дохода, доля которого составляла от 40 до 50% семейного бюджета. С увеличением доли зерновых выплат по трудодням посевные площади, занимаемые ранее в личных хозяйствах зерновыми культурами, теперь отводились под овощи. Главное место в хозяйстве двора колхозника Центральной России занял картофель. Большая часть выращенного, особенно в пригородных районах, предназначалась для продажи на рынке¹⁶⁷.

Существенную роль в изменении структуры доходов жителей села стало играть снижение (иногда — утрата) сельской семьей прежней системообразующей функции в связи с падением значения ЛПХ. Государственная политика предполагала вовлечение женщин в сферу общественного производства, что повлияло на уровень рождаемости; с другой стороны, низкая заработная плата в колхозе не позволяла содержать многодетную семью. Такая ситуация способствовала ускорению перехода от сельского к городскому (суженному) типу воспроизводства населения. Бюджетное обследование села 1960 г. выявило наличие обратной связи между размером семьи и уровнем ее доходов. Максимальные доходы были у бездетных супругов или одиночек, а крупные семьи, как правило, имели минимальные показатели материальной обеспеченности¹⁶⁸.

В слабоурбанизированных южных и юго-западных областях Центрального Нечерноземья, т.е. там, где наступление на семейное производство в меньшей степени подкреплялась городским влиянием, сокращение размеров сельских семей шло медленнее, что сказывалось на их бюджетах. К началу 70-х гг. среди областей ЦЭР по-прежнему наименьшими были доходы колхозников Брянской и Орловской областей¹⁶⁹. Они определялись не только отмеченной относительной трудоизбыточностью и слабой механизацией. В этих областях при сохранении сравнительно высокой рождаемости довольно большим был удельный вес иждивенцев, и соответственно низ-

ким — число работающего населения. Небольшие доходы работающих, таким образом, особенно сильно здесь уменьшались при расчете на душу населения. При этом необходимо отметить, что из-за высокого коэффициента детности наибольшее число иждивенцев было в младших возрастах¹⁷⁰.

К середине 60-х гг. структура бюджета колхозной семьи претерпела очень большие изменения в сравнении с предшествующим десятилетием. На качественно иной уровень вышли доходы от общественного сектора. В статотчете за 1965 г. по Калининской области отмечалось, что «впервые доля доходов от общественного хозяйства намного превысила долю поступлений от ЛПХ». Снижение доли ЛПХ произошло за счет сокращения валового сбора картофеля, овощей и других видов продукции. При этом темпы роста доходов у колхозников были выше, чем у рабочих, т.е., происходило сближение уровней доходов городского и сельского населения. Среднемесячный доход рабочего определялся в 64,6 руб., а колхозника — в 55,4 руб. Доходы колхозников в сравнении с рабочими отличались большей неравномерностью, и варьировались от 40 до 100 руб.¹⁷¹

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров от 16 мая 1966 г. вводилась гарантированная оплата труда колхозников на уровне тарифных ставок совхозов. Колхозам, не имевшим денег на эти выплаты, государство предоставляло долгосрочные кредиты на 5 лет. В 1969 г. гарантированную оплату применяли около 90% колхозов, а к 1973 г. на нее перешли все хозяйства¹⁷².

Вопреки устоявшемуся мнению, далеко не всем колхозникам введение гарантированной оплаты казалось благом. Отмечены многочисленные жалобы на сокращение ставок оплаты труда в результате этой меры. «Во многих колхозах так завысили нормы и занизили расценки, что люди не хотят переходить на такую систему оплаты труда»¹⁷³. Из Хиславичского района Смоленской области сообщали, что новая норма оплаты труда на току составила всего 20–25 руб. в месяц¹⁷⁴. Животноводы Тульской области сравнивали: «Раньше, когда нам начисляли трудодни, мы получали наполовину больше, чем сейчас»¹⁷⁵. Не хотели гарантированной оплаты колхозники Дмитровского района Московской области¹⁷⁶. В то же время для работников отстающих колхозов введение системы гарантированной оплаты труда в большинстве случаев было выгодно.

На размеры бюджетов сельских семей существенно повлияло введение пенсий колхозникам. Окончательно различия в порядке начисления пенсий колхозникам и рабочим были ликвидированы в 1971 г., с выходом Указа Президиума ВС СССР «О мерах по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения колхозников»¹⁷⁷. Удельный вес пенсионных поступлений в бюджете колхозника в среднем вырос с 9 до 12%¹⁷⁸.

Все эти меры почти ликвидировали различия в уровнях доходов между городским и сельским населением, на что и рассчитывала власть. Соответственно снижалась значимость худшего материального положения сельской семьи в сравнении с городской как одного из основных миграционных факторов, столь существенная в 1950-е гг. В то же время абсолютные показатели уровня доходов не позволяли судить о реальном уровне благосостояния крестьянства. Значительная часть денежных средств сельского населения не участвовала в обороте и оседала на руках у людей. Причины были просты — хронический товарный дефицит, ограниченное жилищное строительство в сельской местности, низкий уровень бытового обслуживания. Характерно, в Брянской области по состоянию на 1 января 1973 г. наибольшая эмиссия денег (70 из 82,8 млн. руб.) падала на удаленные от областного центра сельские районы¹⁷⁹. Таким образом, на первый план в качестве основной побудительной причины для переезда постепенно выдвигались различия в качестве жизни между городом и селом, вызванные состоянием сельской социально-бытовой сферы.

Развитие социально-бытовой сферы и миграционная мотивация

Анализируя состояние сельской инфраструктуры с точки зрения формирования миграционных намерений у сельских жителей, необходимо учитывать специфику проявления этой зависимости. Замечено, что наибольшая удовлетворенность бытовыми услугами обычно присутствует у жителей центральных урбанизированных поселений и у жителей периферийных неурбанизированных. В первом случае это происходит в результате лучшего удовлетворения потребностей, а во втором — в результате их неразвитости¹⁸⁰. Таким образом, значимость социально-бытовой сферы села с точки зрения подвижности сельского населения повышается по мере распространения урбанизации во времени и пространстве. Не случайно химчистки, прачечные и пункты проката воспринимаются в качестве своеобразного индикатора урбанизации деревни¹⁸¹. Вполне естественно, что население будет наиболее подвижно там, где наблюдается наибольший разрыв между потребностями и степенью их удовлетворения, т.е. «в поселениях, стоящих на промежуточном этапе, в которых потребности достигли уровня наиболее развитых населенных пунктов, а сфера обслуживания хоть и более развита, чем на периферии, но не на уровне центра»¹⁸².

Архивные материалы позволяют судить о неравнозначности отдельных компонентов сельской инфраструктуры с точки зрения потребности деревенского жителя. В 40-е — 50-е гг. наиболее обсуждаемыми темами были торговля и сезонные детские учреждения. Эти приоритеты понятны, так как прямо зависели от содержания государственной политики в деревне.

Значение государственной торговли возрастало по мере утраты роли личных хозяйств и увеличения доли денежных поступлений от общественного сектора. Наличие либо отсутствие сезонных детских садов и яслей прямо влияло на количество выработанных в колхозе трудодней.

Сельская торговля была призвана расширить скудный ассортимент продуктов, доступных жителям села. Рыночная переориентация личных хозяйств колхозников вкупе с административными ограничениями на посев зерновых сопровождалась увеличением посевной площади под картофелем, а снабжение населения хлебом перелagалось на колхозы и сельпо, которые с этой задачей справлялись плохо. Перебои в торговле хлебом были хроническими. Из Калининской области в 1953 г. сообщали: «В связи со слабой экономикой колхозов и незначительными выплатами зерна на трудодни наблюдается большой спрос на хлеб. Местные сельпо или совершенно не имеют хлеба и муки для продажи колхозникам, или, если и имеют, то в очень небольшом количестве. Поэтому колхозники выезжают за хлебом в райцентр, а в случае перебоя с продажей хлеба в райцентре, едут за ним в г. Калинин, а из районов, расположенных ближе к Москве, в Москву»¹⁸³. Проблему не удалось решить и впоследствии. Она даже усугубилась из-за отсутствия кормов для личных хозяйств и массового скормливания печеного хлеба домашнему скоту. Колхозники Юрьев-Польского района Владимирской области в 1971 г. жаловались: «Хлеб возят 2 раза в неделю, похож на оконную замазку или пластилин... От автобусной остановки до деревни 10 км»¹⁸⁴. В Сокольском районе Ивановской области выдавали «1 кг черного хлеба в сутки, за ним приходится стоять четыре, а то и шесть часов»¹⁸⁵.

Немногом лучше обстояло дело и с другими товарами. Расширение товарного дефицита в масштабах страны на селе сказывалось особенно сильно. «Чтобы купить предметы домашнего обихода, надо ехать в Москву, Иваново и другие города Советского Союза. А сейчас негде купить даже товары первой необходимости — закрыли магазин. Ездим за хлебом, солью, папиросами, спичками за 6–25 км» (Роджиковский район Ивановской области, 1969 г.). В письме из Калужской области (где расположены три спичечные фабрики) в связи с отсутствием в продаже спичек колхозники спрашивали: «Неужели в стране, строящей коммунизм, разговор должен идти о предметах первой необходимости?»¹⁸⁶

В сфере дошкольного и школьного образования в 40-е — 80-е гг. по характеру проблем четко выделяются два периода. Проблема сезонных детских садов и яслей прослеживается до середины 60-х гг., т.е. до распространения на село городской системы оплаты труда. Таким образом, меньшее количество упоминаний в архивных материалах вовсе не означало, что яслей и

детсадов стало больше, просто невыходы на работу по уходу за детьми теперь не влияли на доходы ни отдельного работника, ни хозяйства в целом.

С середины 60-х гг., в результате закрытия малокомплектных школ в обезлюдевших поселениях очень остро стало восприниматься отсутствие транспортной доступности образовательных учреждений. Вот типичная ситуация (Верховский район Орловской области, 1966 г.): «Если хочешь учиться, то иди за 14 км, нет — сиди дома»¹⁸⁷. Соответственно большее значение приобретала транспортная проблема в целом. «Село всего в 10 км от Владимира и 2 км от большака, но нет дороги. Рядом — асфальтированная дорога в с. Сновицы. Там магазин, дом культуры, правление, медпункт, телефон, и *даже* (выделено нами — О.Г.) детясли, хорошая школа (с. Горичы Суздальского района Владимирской области, 1970)¹⁸⁸.

А вот каким виделось светлое будущее жителю Воскресенского района Московской области: «Надеемся, что когда-нибудь наши деревни будут совсем близкими к городу, и будут построены дороги, пойдут автобусы, и наши молодые пары не будут ходить, цепляясь за изгородь, прыгая с камушка на камушек, а будут идти свободно по широкой сухой дороге»¹⁸⁹. Реальность была несколько иной. «Иногда машину с хлебом подтащит трактор, а чаще хлебом торгуют на асфальте, куда не каждый может пройти» (Солнечногорский район Московской области, 1966 г.); или: «Если кто заболел, больного несут целый километр на носилках до скорой помощи (Подольский район Московской области, 1966 г.)¹⁹⁰. «Приехал я в эту больницу (за 30 км), а там столько больных, что мне даже и в дверь не удалось войти... Так и уехал ни с чем домой» (ст. Болдино Владимирской области, 1963 г.)¹⁹¹.

Эти примеры убеждают, что отсутствие транспортного сообщения в период интенсивного распространения городского влияния на сельскую местность Центра (60-е — 70-е гг.) во многом определяло состояние остальных элементов местной инфраструктуры. В 1980 г. проводился опрос сельских жителей Рязанской области о причинах их неудовлетворенности качеством бытовых услуг (Табл. 9)¹⁹². Как видим, абсолютное большинство отмечало удаленность предприятий службы быта.

В первые послевоенные годы довольно остро ощущалась жилищная проблема, главным образом в районах, пострадавших от оккупации. Примерно к 1948 г. переселить людей из землянок удалось в Калининской и Московской областях, несколько позже — в Брянской, Орловской и Смоленской¹⁹³. В целом же тема жилищного строительства на селе с точки зрения миграции в города актуальна, главным образом в свете устройства быта городских специалистов (врачей, учителей, агрономов), а также в связи с массовым строительством городских домов, сопровождавшимся отлучени-

ем сельских жителей от приусадебных участков (с конца 50-х до середины 80-х гг.¹⁹⁴). При этом немаловажно отметить, что фактор неудовлетворенности жилищными условиями был особенно значимым в полуурбанизированной сельской среде, подобно тому, как это было со службой быта. Поэтому большее количество жалоб по поводу жилья относится к довольно позднему времени — 70-м годам. Тракторист из Малоархангельского района Орловской области в 1970 г. собирался «бежать в город, там дают жилье бесплатно, а мне за свои деньги не добиться»¹⁹⁵. В Ярославской, Ивановской областях в 1971 г. колхозы не помогали в строительстве жилья, а в Некоузском районе Ярославской области строить дома колхозникам даже помогала церковь¹⁹⁶ и т.п.

Таблица 9.

Виды услуг	Характер претензий				
	Далеко	Плохое качество	Большие сроки выполнения заказа	Дорого	Неудобный график работы
Пошив и ремонт одежды	48	5	19	28	—
Пошив и ремонт обуви	100	—	—	—	—
Культурно-бытовые услуги	100	—	—	—	—
Строительство и ремонт	71	—	—	—	29

К теме состояния социально-бытовой сферы села тесно примыкает проблема миграционной мотивации, не в последнюю очередь потому, что существует некий стереотип восприятия проблемы, базирующийся на мнении недавних мигрантов и не опровергаемый социологами и историками советской деревни. Из вида упускается то, что мигранты 70-х — 80-х гг. — это, как правило, люди со сложившимся урбанистическим сознанием, и в более ранние периоды мотивация переезда могла быть иной. Приходится признать, что динамика миграционных приоритетов сельских жителей изучена недостаточно, а причины изменения миграционных факторов в массовом сознании сельских жителей практически не рассмотрены. По всей видимости, отсутствие сопоставимых данных по миграционному оттоку по 1940–1950-м и 1960–1970-м годам из-за разных методик учета миграции, либо практического отсутствия такого учета в послевоенные годы направляют усилия исследователей к анализу более поздних сведений.

Мы предприняли попытку проследить динамику изменения миграционной мотивации по письмам сельских жителей Центрального экономиче-

ского района в органы центральной печати — газеты «Социалистическое земледелие»¹⁹⁷ и «Сельская жизнь»¹⁹⁸. Материалы эти, в том числе уже приводившиеся выше, достаточно специфичны, поскольку в большинстве случаев представляют собой просьбы о помощи, а потому отражают жизнь села несколько односторонне. О значимости поднятой авторами писем проблемы как миграционного фактора, а также о степени ее распространенности можно судить по количеству однотипных обращений. К сожалению, писем за 1940–50-е гг. гораздо меньше, чем за последующие годы, поэтому для анализа настроений сельских жителей использовались также содержащиеся в фондах РГАСПИ подборки вопросов, наиболее часто задаваемых населением на встречах с представителями власти, и обнаруженные в ГАРФ данные опросов уезжающих из деревни.

Практически невозможно пытаться определить основной мотив, побуждающий людей переселиться в город. Как правило, причин переселения несколько. Редко бывает так, что одна причина доминирует настолько, чтобы мигранты могли четко ее сформулировать, даже если хотят¹⁹⁹. Поэтому представляется корректным вести разговор лишь о преобладающих тенденциях в мотивации мигрантов.

В первую очередь отметим то обстоятельство, что правительство, обратив внимание на сельскую миграцию в города в 60-е гг., зафиксировало уже позднюю стадию процесса. Несмотря на административные ограничения, в конце 1940-х — начале 50-х гг. отъезд был уже достаточно массовым. Например, в письме из Костромской области, датированным 1948 годом, говорилось, что «почти из каждого хозяйства, оставшегося в колхозе, по 2–3 чел. молодых парней проживают в городской местности»²⁰⁰. Во-вторых, не вызывает сомнения сходный характер проблем, с которыми сталкивались жители села в 1940–50-е и 1960–70-е гг. И в том, и в другом случае констатируются отсутствие материальной заинтересованности в работе в колхозе, низкая оплата труда, отсутствие организованного досуга, преимущества жизни в городе по сравнению с деревней²⁰¹. В то же время главным в документах 40-х — 50-х гг. является мотив трудовых отношений.

В большинстве свидетельств из послевоенной эпохи — неудовлетворенность низким уровнем жизни на селе, малой доходностью колхозного производства. В рассказе колхозника из Калининской области о своем сыне читаем: «Если бы демобилизовался домой, то его запрягли бы в колхоз, обязательно. А за что в колхозе работать, за палочку? И он удрал, без паспорта. А как съехал, там паспорт сразу получил, на месте»²⁰². В 1947 г. жителями села Калужской и Ярославской области задавались вопросы: «Знает ли тов. Сталин о продовольственных затруднениях наших колхозников? Почему

продали хлеб за границу, а сами голодаем? Почему Советский Союз не закупает хлеб и другие продукты в Америке?»²⁰³

И в 40-е, и в 60-е гг. авторы писем нередко сравнивали условия жизни в городе и селе. Это заставляет считаться с влиянием фактора урбанизации уже в первые послевоенные десятилетия, хотя его разрушающая роль по отношению к сельской, во многом еще традиционной, среде проявлялась тогда явно слабее. Так, в письмах и обращениях 40-х — 50-х гг. почти не встречаем жалоб на тяжелые условия труда, в то время как в 60-е — 70-е гг. они принимают массовый характер. В переписке 40-х — 50-х гг. по сравнению с последующим периодом существенно меньше сетований на состояние социально-бытовой сферы. Причиной тому не отсутствие недостатков — например, колхозники Брянской области в 1946 г. интересовались, когда будут бесперебойно работать бани, жаловались на плохое качество хлеба, отсутствие в продаже соли, спичек и керосина²⁰⁴. Скорее, есть смысл говорить о характерной для традиционного сознания привычке мириться с этими проблемами.

Настроения негородского населения в 40-е гг. в большей степени соответствовали приоритетам власти, что актуализирует тезис о традиционалистской опоре большевистского руководства. Уже цитировавшийся выше колхозник И.В.Веселов из Костромской области с сожалением пишет: «в городах большое скопление населения, куда ежедневно прибывают десятки, сотни, тысячи новых жителей, а контроль за деятельностью каждого человека поставлен хуже, чем в колхозе» (последняя фраза подчеркнута читателем письма в редакции — О.Г.)²⁰⁵.

Обильная переписка 60–70-х гг. смущает множественностью объяснений причин оттока молодежи. Среди прочего здесь низкий размер пенсий в колхозах (Ивановская, 1967)²⁰⁶, «руководители не обращают внимания на бытовые условия колхозников» (Рязанская, 1966)²⁰⁷, отсутствие организованного досуга (Брянская, 1967)²⁰⁸ и т.п. По тому, насколько часто фигурирует последний мотив, можно говорить о формировании устойчивой ассоциации в массовом сознании: «отсутствие клуба — молодежь едет из села». Поскольку клубная форма проведения досуга имеет отчетливое городское происхождение, а еще в 50-е гг. жалоб на отсутствие клубов почти не было, можно в очередной раз говорить о происшедшем примерно в первой половине 1960-х гг. переломе в сознании молодых сельских жителей Центра — урбанистическая ориентация стала преобладающей. В почте 60-х — 70-х гг. содержится чрезвычайно много претензий к местным хозяйственным руководителям — осуждается их некомпетентность, грубость, низкий образовательный уровень, невнимание к молодым специалистам. В предшествующие десятилетия подобные жалобы отсутствовали (за исключением случаев

откровенной уголовщины), и поэтому можно предположить, что в такой форме проявился конфликт поколений — носителей нового «модернизированного» сознания с высоким уровнем запросов со старым, отягощенным остатками традиционализма.

Множественность версий причин миграционного оттока в письмах сельских жителей в 60-е — 70-е гг., в отличие от менее разнообразных причин переезда в 40-е — 50-е, заставляет искать универсальное объяснение. Очевидно, что перечень претензий потенциальных мигрантов сформирован влиянием городской среды, даже в неявных случаях, вроде конфликтов с сельским руководством. При этом неудовлетворительным, на наш взгляд, является устоявшееся в литературе толкование, в соответствии с которым ответственность на обезлюдение села возлагается исключительно на политику советских лидеров. Возврат к тезису об универсальном характере урбанизации позволяет рассматривать советскую аграрную политику в качестве специфического проявления процесса урбанизации с предсказуемыми результатами. Многочисленные свидетельства сельских жителей, объясняющие причины их переезда в город, подтверждают тезис о завершении формирования в селе Центра в рассматриваемый период устойчивой городской альтернативы. На этом фоне неудовлетворительное в сравнении с городом состояние социально-бытовой инфраструктуры села выступало в качестве одного из проявлений конфликта укладов, не приобретаая самодовлеющего характера.

---

¹ Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. С. 159.

² Термин М.Левина (См.: Данилов В.П. О характере аграрной эволюции России после 1861 г. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.1. — Вологда, 1992. С.63).

³ «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». Письмо ЦК ВКП(б). — История КПСС, т.5, кн.2. М., 1980. С.340. Это письмо было отменено в 1958 г. (Никонов В.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С.320).

⁴ Тревиш А.И. География российского кризиса // Известия РАН. Серия География. 1999. №2. С.7–16.

⁵ РГАЭ, ф.9476, оп.1, д.766, л.22; ГАБО, ф.1649, оп.1, д.371, л.148.

⁶ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.400, л.84.

⁷ Там же, л.54.

⁸ Там же, л.99.

⁹ Там же, л.74.

¹⁰ ГАБО, ф.6, оп.3, д.247, л.10.

¹¹ РГАЭ, ф.7486, оп.7.

¹² Там же, ф.1562, оп.7, д.1057, л.14.

- ¹³ Там же, л.15.
- ¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1985–1989. Т.8. С.233–241.
- ¹⁵ Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. М., 1978. С.304–305.
- ¹⁶ ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.1051, л.200.
- ¹⁷ Там же; Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. М., 1960. С. 300.
- ¹⁸ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С.11.
- ¹⁹ См.: Волков И.М. Некоторые вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства в послевоенные годы // История СССР. 1973. №1. С.8.
- ²⁰ «При руководстве из отдаленного центра колхоза резко понижалась управляемость, и это несомненно влияло на экономическую эффективность укрупнения» (Алексеев А.И., Ткаченко А.А. Из истории территориальной организации сельской местности Нечерноземья// Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С.4).
- ²¹ Зима В.Ф. Указ. соч. С.203.
- ²² Попов В.П. Указ. соч. С.227.
- ²³ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1045, л.136.
- ²⁴ О.М.Вербицкая замечает, что отрицательные последствия укрупнения «касались главным образом социальной сферы внутриколхозных отношений», подразумевая потери выплат по трудодням, сужение колхозной демократии и т.д. (Вербицкая О.М. Указ соч. С.29).
- ²⁵ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1045, л.185.
- ²⁶ Алексеев А.И., Ткаченко А.А. Указ. соч. С.4.
- ²⁷ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1055, л.25, 173.
- ²⁸ Там же, ф.9476, оп.1, д.271, л.79.
- ²⁹ Советская деревня в первые послевоенные годы. С.309.
- ³⁰ Попов В.П. Указ. соч. С.222.
- ³¹ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1057, л.126.
- ³² Денисова Л.Н. Указ. соч. С.15.
- ³³ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1055, л.15.
- ³⁴ Там же, л.16, 17, 111; д.1057, л.126.
- ³⁵ Сост. по: РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.1257, л.96.
- ³⁶ Там же, л.97.
- ³⁷ Город и деревня в Европейской России. С.235.
- ³⁸ См.: Вербицкая О.М. Указ. соч. С.84; Попов В.П. Указ. соч. С.237.
- ³⁹ Виноградский В.Г. Указ. соч. С. 449–451.
- ⁴⁰ Данилов В.П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.) // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976. С.264–265.
- ⁴¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С.83.
- ⁴² ГАРФ, ф.А-374, оп.30, д.887, л.1; ГАСО, ф.6, оп.3, д.1326, л.28; ГАБО, ф.1649, оп.1, д.1429, л.75.

- ⁴³ ГАБО, там же, л.8.
- ⁴⁴ Болтушкин В.В. Развитие совхозов РСФСР в 1954–1958 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. С.102.
- ⁴⁵ Никонов В.А. Указ. соч. С.316.
- ⁴⁶ Вербицкая О.М. Указ. соч. С.89.
- ⁴⁷ Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951–1958. М., 1971. С.260.
- ⁴⁸ См.: Тарасов А.Ф. Развитие колхозной собственности в общенародную. Ростов-на-Дону, 1967. С.192.
- ⁴⁹ ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.1980, л.11.
- ⁵⁰ Вербицкая О.М. Указ. соч. С.30.
- ⁵¹ ГАСО, ф.2440, оп.5, д.234, л.94, 96, 97.
- ⁵² ГАРФ, ф.А-374, оп.30, д. 8770, л.50; оп.36, д.827, л.1, 26.
- ⁵³ Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х – 50-е гг.) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 419.
- ⁵⁴ Труд в СССР. М., 1973. С.265.
- ⁵⁵ См.: Данилов В.П. Социальная структура советской деревни. С. 268; Тарасов А.Ф. Указ. соч. С.173; Тюрина А.П. Основные направления и этапы развития сельского хозяйства СССР в 50-х — 70-х гг. // Материалы VI сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып.3. Вологда, 1977. С. 46.
- ⁵⁶ РГАЭ, ф. 7486, оп. 7, д. 1032, л. 78.
- ⁵⁷ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). С.10; Денисова Л.Н. Указ. соч. С.59.
- ⁵⁸ Никитаева Е.Б. Указ. соч. С. 441.
- ⁵⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, М., 1983, т.11. С.485-496.
- ⁶⁰ Гохберг М.Я., Соловьева Н.А. Указ. соч. С. 56.
- ⁶¹ РГАСПИ, ф.17, оп.148, д.177, л.145.
- ⁶² Ткаченко А.А. О сокращении числа сельских поселений // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения седьмой российской научно-практической конференции (Тула, ноябрь 1999 г.). М., 1999. С.85.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Бельский В.Р., Федунова Г.Ф. Сельское расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975. С.16.
- ⁶⁵ См. напр.: Фомин А.А., Сорокина М.В. Эволюционные концепции сельского расселения // Деревня Центральной России: история и современность. М., 1993. С.143.
- ⁶⁶ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. №6. С.147.
- ⁶⁷ Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. 1950–1965. М.–Вологда, 1990. С.12.
- ⁶⁸ Попов В.П. Влияние государственной политики на крестьянское сознание и хозяйство в колхозный период // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.1. С.151; Тж. у И.Е.Козновой: «Крестьянство прежде всего вспоминает те времена, когда наносился удар по его индивидуальному семейному хозяйству» (Менталитет и аграрное развитие России. С.397).

- ⁶⁹ «Вирс денег, проникнув в деревню, лишил ее векового иммунитета, втянул ее в модернизационный процесс, которому она прежде противостояла как чему-то чуждому, наносному» (Вишневский А.Г. Указ. соч. С.26).
- ⁷⁰ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 154.
- ⁷¹ РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.651, л.88.
- ⁷² РГАЭ, ф.1562, оп.327, д.305, л.52.
- ⁷³ ГАСО, ф.2440, оп.3, д.25, л.35.
- ⁷⁴ КПСС в резолюциях..., т.8. С.177.
- ⁷⁵ РГАЭ, ф.7486, оп.10, д.3146, л. 42–43.
- ⁷⁶ Там же, д.36, л.25.
- ⁷⁷ Там же, оп.7, д.395, л.140.
- ⁷⁸ Безнин М.А. Землепользование крестьянского двора... С.34.
- ⁷⁹ РГАЭ, ф.7486, оп.10, д.3140, л.43; д.3173, л.25.
- ⁸⁰ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С.465.
- ⁸¹ См.: Вербицкая О.М. Значение демографического фактора в материальной обеспеченности крестьянской семьи // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. М., 2000. С. 222.
- ⁸² Попов В.П. Российская деревня после войны. С.185-187.
- ⁸³ Там же. С.187.
- ⁸⁴ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1143, л.60.
- ⁸⁵ Там же, д.397, л.352.
- ⁸⁶ См.: Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье... С.8.
- ⁸⁷ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С.175.
- ⁸⁸ Цит. по: Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России. С.62.
- ⁸⁹ Зима В.Ф. Указ. соч. С.199.
- ⁹⁰ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.533, л.23.
- ⁹¹ РГАСПИ, ф.17, оп.88, д.704, л.281.
- ⁹² Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг.. С.465.
- ⁹³ РГАЭ, ф.1562, оп.7, д.1057, л.120.
- ⁹⁴ Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. – Пермь, 1993. С.139-140.
- ⁹⁵ См.: Безнин М.А. Землепользование крестьянского двора...
- ⁹⁶ Безнин М.А. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989. С.50.
- ⁹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. М., 1968. С.290-297.
- ⁹⁸ Безнин М.А. Указ. соч. С.50.
- ⁹⁹ ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.6743, л.321.
- ¹⁰⁰ КПСС в резолюциях... т.9. С.95-96.
- ¹⁰¹ ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.6620, л.313.
- ¹⁰² Там же, д.6743, л.316.

- ¹⁰³ Там же, л.320.
- ¹⁰⁴ Там же, л.324.
- ¹⁰⁵ Там же, л.323.
- ¹⁰⁶ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.1609, л.15.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ, ф.17, оп.88, д.704, л.132.
- ¹⁰⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. С.349-351.
- ¹⁰⁹ Лейбович О. Указ. соч. С.153.
- ¹¹⁰ ГАБО, ф.6, оп.3, д.61, л.121; оп.4, д.400, л.86.
- ¹¹¹ Магомедов А.К., Полищук В.Д. Диалог об актуальном: Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е гг. Саратов, 1992. С.75.
- ¹¹² Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. №1. С.81.
- ¹¹³ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.1609, л.148.
- ¹¹⁴ Зеленин И.Е. Указ. соч. С.81.
- ¹¹⁵ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.160, л.163.
- ¹¹⁶ Безнин М.А. Указ. соч. С.50.
- ¹¹⁷ Зеленин И.Е. Указ. соч. С.81.
- ¹¹⁸ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.160, л.165.
- ¹¹⁹ Там же, л.174.
- ¹²⁰ Там же, д.164, л.91.
- ¹²¹ Воронов С.Н. Политика принудительного раскрестьянивания 1950-х – 1960-х гг. и личное хозяйство колхозников РСФСР // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.2. Вологда, 1992. С.61.
- ¹²² Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С.380.
- ¹²³ ГАРФ, ф.А-374, оп.32, д.3092, л.43-44.
- ¹²⁴ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.164, л.98.
- ¹²⁵ Там же, л.97.
- ¹²⁶ Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. С.7.
- ¹²⁷ Игнатовский П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С.383-384.
- ¹²⁸ Советское крестьянство и село на этапе развитого социализма. М., 1985. С.90, 92.
- ¹²⁹ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.50, л.27.
- ¹³⁰ Там же, д.51, л.1-2.
- ¹³¹ Там же, д.62, л.6.
- ¹³² Там же, л.8.
- ¹³³ Там же, л.9.
- ¹³⁴ Там же, д.50, л.28.
- ¹³⁵ Воронов С.Н. Указ. соч. С.62.
- ¹³⁶ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.245, л.52.
- ¹³⁷ Там же, л.5.
- ¹³⁸ Игнатовский П.А. Указ. соч. С.384.

- ¹³⁹ Никольский С.А. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С.231.
- ¹⁴⁰ Вербицкая О.М. Колхозное крестьянство РСФСР в 1946–1958 гг. С.177.
- ¹⁴¹ Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1959–1965 гг.) // История СССР, 1989, №1. С.53.
- ¹⁴² Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства. М., 1972. – С. 150.
- ¹⁴³ ГАСО, ф.6, оп.2, д.5893, л.201.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Советская деревня в первые послевоенные годы. С.274; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С.137.
- ¹⁴⁶ Там же; ГАСО, ф.2440, оп.5, д.60, л.167а.
- ¹⁴⁷ Вербицкая О.М. Указ. соч. С.138.
- ¹⁴⁸ Волков И.М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. С.509; см. также: РГАЭ, ф.9476, оп.1, д.369, л.50.
- ¹⁴⁹ ГАСО, ф.6, оп.2, д.1079, л.6.
- ¹⁵⁰ ГАБО, ф.1649, оп.1, д.8063, л.8.
- ¹⁵¹ ГАСО, ф.6, оп.2, д.1079, л.7.
- ¹⁵² Там же, д.195, л.132–134.
- ¹⁵³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. С.474.
- ¹⁵⁴ РГАЭ, ф.7486, оп. 7, д.1019а, л.100.
- ¹⁵⁵ ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.6438, л.93-94.
- ¹⁵⁶ Рассч. по: ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.6438, л.9-10.
- ¹⁵⁷ Там же, ф.А-374, оп.32, д.11697, л.149.
- ¹⁵⁸ Там же, л.192.
- ¹⁵⁹ Там же, оп.30, д.3998.
- ¹⁶⁰ Там же, л.97.
- ¹⁶¹ Рассч. по: ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.6438, л.9-10, 109-110.
- ¹⁶² Рассч. по: там же, д.6438, л.9-10; д.6464.
- ¹⁶³ Рассч. по: там же, л.9-10, 29-30.
- ¹⁶⁴ Волков И.М. Указ. соч. С. 150.
- ¹⁶⁵ ГАРФ, ф.310, оп.1, д.6924, л.212.
- ¹⁶⁶ Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976. С.172.
- ¹⁶⁷ Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. С.20-23.
- ¹⁶⁸ Вербицкая О.М. Значение демографического фактора в материальной обеспеченности крестьянской семьи // Житочное крестьянство России в исторической ретроспективе. М., 2000. С.221.
- ¹⁶⁹ ГАРФ, ф.374, оп.31, д.5499, л.138.
- ¹⁷⁰ Рылкова И., Большакова Е. Демографическая ситуация в Нечерноземной зоне РСФСР и ее перспективы // Нечерноземье: демографические процессы. М., 1977. С.15.
- ¹⁷¹ ГАРФ, ф.А-374, оп.35, д.7896, л.248.
- ¹⁷² Тюрина А.П. Сельское хозяйство СССР на пути ускоренного подъема // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976. С.203.

- ¹⁷³ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.174, л.60.
- ¹⁷⁴ Там же, л.68.
- ¹⁷⁵ Там же, л.145.
- ¹⁷⁶ Там же, л.149.
- ¹⁷⁷ Тюрина А.П. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁷⁸ ГАРФ (Архив Госкомстата), ф.374, оп.39, д.4008, л.15.
- ¹⁷⁹ ГАБО, ф.6, оп. 6, д.264, л.104.
- ¹⁸⁰ См.: Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Влияние процесса урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972.
- ¹⁸¹ Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Территориальная организация сферы обслуживания и образ жизни населения в сельском районе Нечерноземья // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1987. С.35.
- ¹⁸² Алексеев А.И. Опыт конкретного социально-географического исследования культурного обслуживания населения // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, 1982. С.78.
- ¹⁸³ ГАРФ, ф.А-374, оп.30, д.4000, л.137.
- ¹⁸⁴ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.101, л.35.
- ¹⁸⁵ Там же. С.36.
- ¹⁸⁶ Там же, д.58, л.33.
- ¹⁸⁷ Там же, д.127, л.92.
- ¹⁸⁸ Там же, д.111, л.103-104.
- ¹⁸⁹ Там же, л.101.
- ¹⁹⁰ Там же, д.127, л.66-67.
- ¹⁹¹ Там же, д.160, л.81.
- ¹⁹² ГАРФ (Архив Госкомстата), ф.374, оп.39, д.6452, л.51.
- ¹⁹³ РГАСПИ, ф.17, оп.88, д.907, л.63-64.
- ¹⁹⁴ Яковлева С.И. Формы и проблемы развития приусадебного хозяйства на селе // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. М., 1991. С.98.
- ¹⁹⁵ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.111, л.5.
- ¹⁹⁶ Там же, д.102, л.70-71.
- ¹⁹⁷ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.533.
- ¹⁹⁸ РГАСПИ, ф.591, оп.1.
- ¹⁹⁹ См.: Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах. М., 1972. С.128.
- ²⁰⁰ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.533, л.18.
- ²⁰¹ ГАРФ, ф.А-374, оп.30, д.4000, л.116; РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.164, л.174.
- ²⁰² Голоса крестьян: сельская Россия в крестьянских мемуарах. М., 1996. С.73.
- ²⁰³ РГАСПИ, ф.17, оп.88, д.810, л.70.
- ²⁰⁴ РГАСПИ, там же, д.693, л.12.
- ²⁰⁵ РГАЭ, ф.7486, оп.7, д.533, л.24.
- ²⁰⁶ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.34, л.77.
- ²⁰⁷ Там же, д.172, л.7
- ²⁰⁸ Там же, д.33, л.23.

Глава 4. Миграционный отток из села Центра: основные характеристики

В предыдущих частях работы были обозначены основные причины, формировавшие миграционный отток из села Центрального Нечерноземья во второй половине XX в., определена специфика демографического, экономического и социального развития областей ЦЭР в контексте урбанизационных процессов. Теперь настало время обратиться к характеристике самой сельской миграции. Нас будут интересовать временные и территориальные различия в динамике миграционного оттока, качественные характеристики мигрантов — по полу, возрасту, социальному положению, профессии, уровню образования. Поскольку намерение мигрировать непосредственно связано с возможностью осуществления акта миграции, следует установить, как на протяжении послевоенных десятилетий менялось соотношение между организованной и стихийной формами миграции в границах ЦЭР.

Наконец, необходимо выяснить, каковы были основные направления переселений в ходе стихийной миграции: населенным пунктам какого типа мигранты оказывали предпочтение; замыкалось ли большинство переселений в пределах отдельной области, либо преобладали межобластные миграции; какую роль играли возвратные миграции в село в общей картине переселений и как они соотносились с потоком город–село. Предполагается также затронуть проблему маятниковой миграции с целью определения ее влияния на отток сельских жителей в города.

Ответы на эти вопросы, довольно многочисленные, должны дать достаточно детальную картину состояния миграции сельского населения в регионе в исследуемый период.

Интенсивность миграции

При попытке определения динамики миграционного оттока из села Центральной России в послевоенные десятилетия исследователю приходится сталкиваться с многократно обсуждавшейся проблемой источников. По причинам скорее политического свойства первая послевоенная перепись населения состоялась только в 1959 г., собственно же информация о миграции была отражена лишь в переписи 1970 г. Таким образом, «сопоставимая информация отсутствует за весь период с 1926 по 1970 гг., т.е. именно за то время, когда урбанизация проходила наиболее интенсивно и сельское насе-

ление в массовом порядке переселялось в города»¹. Приемлемым выходом видится сочетание данных переписей со сведениями текущего сельсоветского учета, правда, с серьезными оговорками: переписи и текущий учет отслеживали в миграциях разные аспекты². Поскольку переписи 1979 и 1989 гг. с точки зрения исследования миграций явно неудовлетворительны, основная нагрузка ложится именно на данные текущего учета и неминуемо встает вопрос об их репрезентативности.

С одной стороны, отмечается бóльшая точность данных текущего учета в сравнении с переписями³. С другой — предъявляются претензии к сельсоветским данным в части полноты выписки, особенно в конце 40-х — начале 50-х гг. В применении к этому периоду В.П.Попов определяет недоучет в пределах 17%, объясняя его тем, что «правильность и регулярность заполнения книг в большинстве случаев не проверялась и не контролировалась», а «в условиях массового уклонения крестьян от колхозных работ и их бегства из деревни одному, даже ретивому секретарю исполкома было трудно уследить за всеми изменениями в составе сельской семьи»⁴. В результате видится возможным вести разговор лишь о тенденциях, но отнюдь не точных цифрах⁵. По состоянию на середину 1950-х гг. сами статистические органы определяли погрешность сельсоветского учета примерно в 5%⁶.

По мнению А.С.Сенявского, проблема не так остра, так как важнейшие показатели миграции устойчивы во времени. «По данным отдельных лет можно достаточно точно судить о миграции значительных периодов... Поэтому данные и опирающиеся на них выводы можно с достаточным основанием экстраполировать на ряд ближайших лет»⁷. Тем не менее, Ж.А.Зайончковская, проанализировав состояние доступных данных, делает довольно пессимистичный вывод: «Мы можем лишь зафиксировать уровни мобильности населения страны в определенных точках эволюционной траектории, вместо того, чтобы проследить сами миграционные процессы»⁸.

Обратившись к региональным особенностям учета движения населения, отметим, что на территории ЦЭР в 40-е — 60-е гг. он был налажен лишь в сельской местности Московской и части Владимирской и Тульской областей, т.е. в паспортизированных районах. На остальной территории Центра вплоть до 1974 г., когда все сельские жители получили паспорта, возможности местной статистики были существенно ограничены.

Используя данные Всесоюзных переписей населения, проследим интенсивность сокращения численности сельского населения в период с 1939 по 1979 гг. (Рис.10)⁹. Не будем забывать при этом, что совокупное изменение численности складывалось из показателей естественного и механического прироста. Выше (Глава 2) отмечалось, что наиболее сильным сокращение естественного прироста в послевоенные десятилетия оказалось в Ка-

лининской, Рязанской, Смоленской и Тульской областях. Совпадение тенденций очевидно: снижение общей численности сельского населения происходило параллельно с изменением естественного прироста. Кроме отмеченного большого сокращения сельского населения по мелкоселенным регионам в послевоенные годы, обратим также внимание на период между 1959 и 1970 гг., который считается временем особенно интенсивной миграции в города. По степени расхождения кривых 1959 и 1970 гг. сделаем вывод, что потери населения Смоленской области становятся менее значительными, в то же время они оставались большими в Калининской, Рязанской и Тульской областях. Создается также впечатление, что к 1959 г. пик миграционных потерь прошли области северо-востока (позже других — Ярославская): расхождение кривых относительно небольшое. Разрыв между данными 1970 и 1979 гг. наиболее очевиден в Брянской области, находившейся в стадии интенсивной урбанизации, совершенно отсутствует в старопромышленной Ивановской и почти не заметен в Калужской (не столько из-за сократившегося оттока, сколько вследствие небольших размеров области).

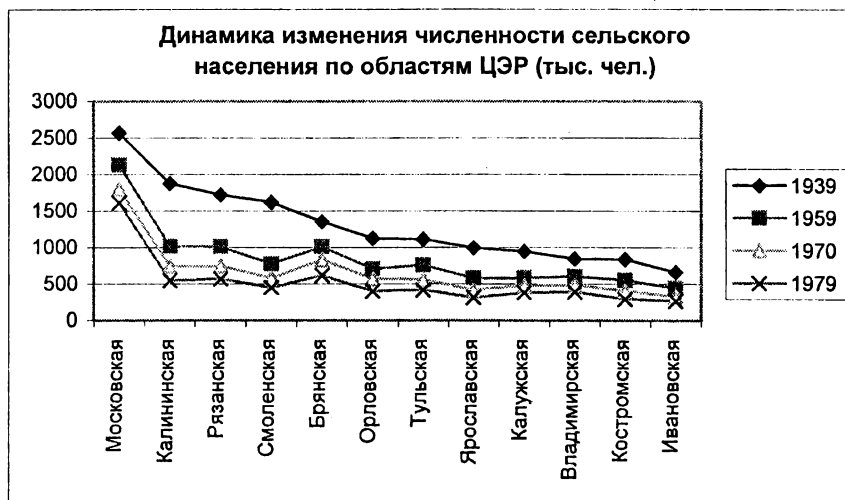

Рис. 10.

Невозможность вычлнить механический прирост, а также отсутствие сведений по первым послевоенным годам заставляют от данных переписей обратиться к сведениям сельсоветского учета. В 1945–1947 гг. отмечается прирост колхозного населения по стране в целом (последствия демобилизации и компенсаторная волна рождаемости), при этом в ЦЭР он оказался менее значительным¹⁰. В числе областей, где сельское население сокраща-

лось, В.Ф.Зима называет Московскую, Орловскую, Рязанскую и Ярославскую¹¹. Представляется, что сельское население Орловской области в большей степени, нежели другие территории Центра, страдало от последствий голода 1947–1948 гг., а в трех остальных отток колхозников в близлежащие города в поисках пропитания стимулировался еще и сильными традициями отходничества. Впрочем, сведения по 1946 г. позволяют судить о довольно интенсивном оттоке и из других областей Центра (Рис. 11)¹².

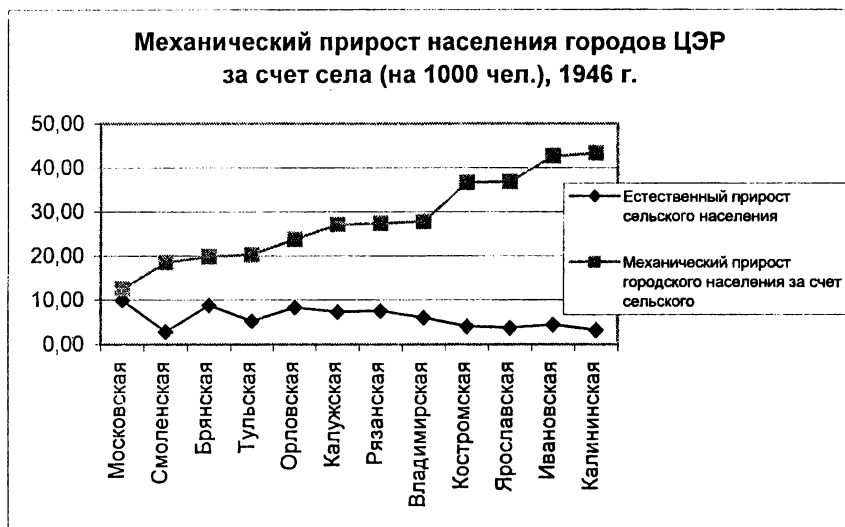

Рис. 11.

Очевидна обратная зависимость между интенсивностью миграции в города и величиной естественного прироста сельского населения. В основе наших расчетов лежит предположение, что в первые послевоенные годы основными центрами притяжения для сельских мигрантов выступали близлежащие города «своих» областей. Сведения по Московской области приводятся без учета миграции в Москву, что объясняет невысокие показатели оттока. Не учитывается также фактор организованных перемещений, о которых речь ниже.

График позволяет сделать вывод, что в наибольшей степени (почти наполовину) естественный прирост компенсировал стихийный отток из села в Брянской области, в наименьшей — в Калининской, Смоленской, а также в областях северо-востока. В целом же приходится признать, что возможность скомпенсировать отток в города за счет естественного прироста уже в

те годы была крайне невелика. С учетом того, что впоследствии показатели естественного прироста продолжали снижаться, роль миграции в качестве главной причины обезлюдения села Центра (даже в благополучных областях) несомненна.

Вслед за кратковременной стабилизацией в 1948 г. началось сокращение сельского населения практически на всей территории России¹³. Его интенсивность несколько снизилась в середине 50-х гг. в связи с достигнутой экономической стабилизацией в деревне. Отмечался даже общий рост численности сельского населения по РСФСР (например, за 1956 г. — на 0,3 млн. чел.), преимущественно за счет увеличения числа рабочих и служащих¹⁴. В Центральном Нечерноземье эта тенденция проявилась лишь в стабилизации оттока и некотором его сокращении (рис. 12)¹⁵.

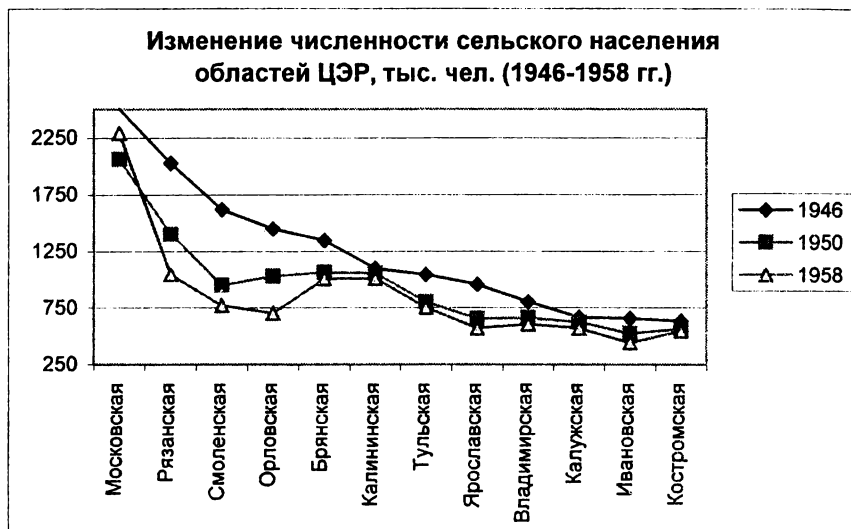

Рис. 12.

Как видим, в результате экономических мероприятий Н.С.Хрущева повысилась привлекательность села Московской области, северо-восточных областей и отчасти Калужской. Подмосковье оказалось единственной территорией, где сельское население в 1958 г. выросло по сравнению с 1950 г. В целом же менее значительным сокращение населения оказалось в урбанизированных областях. Минимальное уменьшение численности сельского населения в Калининской области, где удобный для колхозников пригородный тип хозяйства был менее распространен, чем на северо-востоке, позво-

ляет судить о выгодах, получаемых в то время от работы в льноводческой отрасли. Во всех названных областях недавние мигранты в города, не вполне адаптировавшиеся на новом месте, возвращались в деревню. Таким образом, фактор городского притяжения, несмотря на интенсивную урбанизацию, на непродолжительное время уступил влиянию села. Это позволяет оценить период середины — второй половины 50-х гг. как переломный, когда городская ориентация сельских жителей еще не стала определяющим мотивом миграционного поведения.

Судя по графику, в аграрных областях юго-запада и юга экономический эффект от реформ ощущался слабее. Наиболее значительными потери населения в период с 1950 по 1958 гг. оказались в Рязанской и Орловской областях. Здесь следует принять во внимание возможные последствия аграрных переселений, преимущественно организованных, практиковавшихся в южных «трудоемких» областях.

Замедление оттока сельского населения отмечалось до 1958 г., а затем его интенсивность вновь возросла, что прямо было связано с дискриминационной политикой по отношению к хозяйству крестьянского двора и общим упадком сельской экономики.

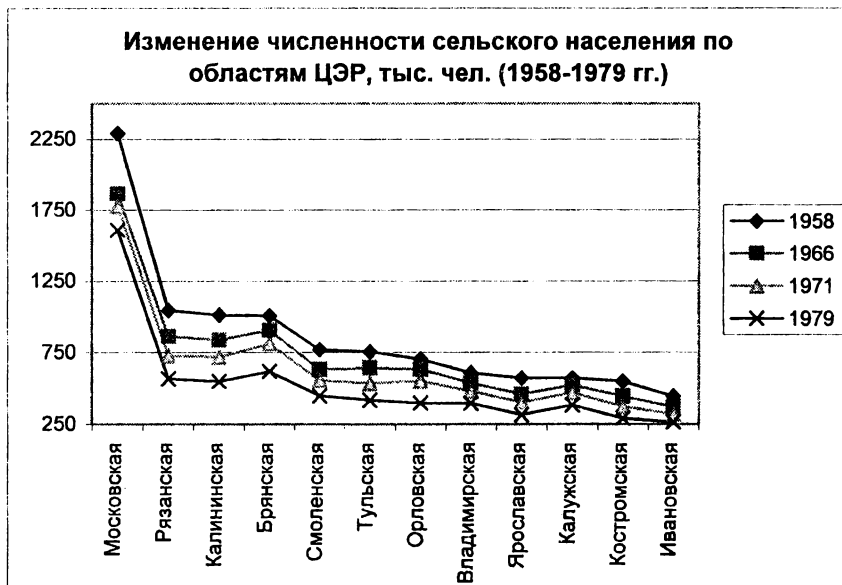

Рис. 13.

Следующая диаграмма (Рис.13)¹⁶ позволяет судить о характере изменения численности жителей села в пределах ЦЭР в годы наиболее интенсивного миграционного оттока. В целом в 60-е — 70-е гг. наблюдается некоторая инерционность в протекании миграционных процессов. В то же время представляется возможным выделить периоды наибольших потерь для отдельных областей. Очевидно, что в Московской области таким было этап с 1958 по 1966 гг. Напомним, что в эти годы происходило активное преобразование колхозов в совхозы, что, без сомнения, усиливало отток. Кроме того, потребности агломерированной территории вызвали к жизни интенсивную административную реорганизацию сельских поселенческих структур.

В этот же период более интенсивной стала миграция сельского населения в города Калининской области. Причинами ее усиления стали постепенное повышение трудовой нагрузки в льноводческой отрасли (по мере сокращения трудовых ресурсов), наступление на личные подсобные хозяйства, особенно болезненное в условиях монокультурного общественного производства, а также уменьшение расценок оплаты труда в льноводстве. Похожие процессы наблюдались в Смоленской, Ярославской и Костромской областях.

В 1971–1979 гг. наиболее серьезные сокращения сельского населения происходили в Брянской и Орловской областях. Калужская область также вступила в стадию интенсивных миграционных потерь, но благодаря близости к Москве эта тенденция была менее заметна, и отток по отдельным периодам отличался большей равномерностью. Наиболее отчетливо влияние урбанизационного фактора проявилось в Рязанской области. Одинаковая интенсивность сокращения сельского населения сохранялась в течение всего двадцатилетия. В отличие от малоселенных северо-восточных территорий, московское притяжение компенсировалось здесь большим количеством людских ресурсов в районах слабого городского освоения. Поэтому рязанское село сумело дольше выполнять донорскую функцию по отношению к городу в сравнении с более северными областями.

Состав мигрантов

1. Мигранты по возрасту

Общеизвестно, что село нечерноземных областей покидала наиболее активная часть населения. Как правило, это были люди в трудоспособном возрасте. Легко предположить, что переезд проще давался людям, не обремененным семьей (не успевшим ею обзавестись) и не привязанным многолетней привычкой к своему месту работы. Речь, таким образом, идет о лицах вступающих, либо недавно вступивших в трудоспособный возраст.

И.Е.Зеленин отмечает, что из 7 млн. выбывших из села в первой половине 60-х гг. 6 млн., или более 85%, составляла молодежь в возрасте от 17 до 29 лет¹⁷. Эта тенденция отмечалась и раньше. Еще в 1950 г. 72,6% мигрантов из Владимирской области составляли молодые люди в возрасте от 16 до 34 лет. В то же время самыми стабильными возрастными категориями были дети до 8 лет (5,2% мигрантов) и люди старше 50 лет (5,6%)¹⁸.

Исследование миграции в города, проведенное в Калининской области в 1962, зафиксировало различия между возрастными группами в городе и селе¹⁹:

Таблица 10.

Возрастные группы	На 1000 чел. населения приходится данного возраста	
	городского	сельского
До 14 лет	280	268
15-19	35	33
20-29	113	103
30-39	153	139
40-49	109	107
50-54	67	73
55-59	63	70
60 лет и старше	180	207
Итого	1000	1000

Различия в возрастной структуре наиболее сильно проявлялись в то время в группе пенсионного и предпенсионного возраста — в селе проживало на 64,9% больше людей в возрасте старше 50 лет. Что же касается населения в трудоспособном возрасте, то разница была не слишком заметной. В то же время отмечалось, что в городе число родившихся на 1000 человек было больше, чем в селе. Таким образом, последствия преимущественного оттока трудоспособного населения в наибольшей степени проявлялись тогда именно во влиянии на рождаемость. Как видим, пониженная рождаемость в селе по сравнению с городом стала отмечаться с 1955 г.²⁰:

Таблица 11.

	1950	1955	1960	1961
Всего по области	22	20	17	17
Город	22	21	18	18
Село	22	19	17	15

Проследим динамику изменения удельного веса возрастных групп в сельском населении областей Центрального Нечерноземья с 1939 по 1970 гг. (Рис. 14)²¹.

Рис. 14.

Наибольшее количество детей в возрасте до 14 лет в течение всего периода отмечалось в аграрных областях запада и юга ЦЭР — Брянской, Орловской и Калужской — в соответствии с отмеченной выше относительно высокой рождаемостью на этих территориях. Попутно заметим, что в 1939 г. та же особенность отмечалась и в остальных областях юга — Рязанской и Тульской, но в послевоенный период уже не прослеживалось. Сокращение доли детей с 1959 по 1970 гг. в Рязанской и Тульской областях продолжалось довольно интенсивно, что объясняется выраженной миграционной ориентацией местного населения. Напротив, наиболее медленно уменьшение числа детей шло в Брянской и Орловской областях, где интенсивная урбанизация началась позже. С 1959 по 1970 гг. очень значительно уменьшилось количество детей в сельском населении Московской области (в отличие от предшествующего периода). Это объясняется ростом количества пришлого населения (как правило, малолетнего либо бездетного) в период интенсивной миграции 60-х гг.

При анализе изменения доли наиболее активного населения — 15–29 лет — обращает на себя внимание особое положение Смоленской области. Только здесь в 1959 г. удельный вес активной группы существенно снизился по сравнению с 1939 г. (то же произошло и в Калининской области, но в меньших масштабах). Как представляется, в западных областях таким образом проявлялся фактор военного ущерба. Наибольший рост числа молодежи отмечался в селе Подмосковья, что вполне естественно. В 1970 г. по сравнению с 1959 г. особенно интенсивно доля сельской молодежи сокращалась в западных и южных областях на фоне более спокойной ситуации на северо-востоке, уже прошедшем фазу наибольшего оттока.

Доля старого населения с 1939 по 1959 гг. наиболее сильно росла в Калининской, Смоленской и Костромской областях. В следующий межпереписной период самые существенные изменения происходили в сельском населении Владимирской области, а также Рязанской и Тульской областей. В северной части ЦЭР старение также продолжалось, но темпы его были несколько меньшими. Самые низкие темпы старения сельского населения отмечены в Брянской, Орловской, Калужской и Московской областях; в последней — за счет постоянного притока молодого населения.

К 1970 г. возрастной состав сельского населения ЦЭР выглядел следующим образом (Рис.15)²². Ближе всех к среднерегиональному уровню находилась возрастная структура сельского населения Костромской области. Брянская область по-прежнему имела самое молодое население, несколько превысив по этому показателю даже средние данные по РСФСР. К слову, только в двух областях Центра — Брянской и Калужской — отмечались процессы, связанные с превышением удельного веса детей в ранних

возрастах²³. Будучи в целом явлением положительным, оно заключает в себе и некоторые осложнения, связанные с необходимостью материального обеспечения несовершеннолетних со стороны семьи. В условиях низких заработков это приводит к негативным социальным результатам: большому числу малообеспеченных семей, ограниченным материальным возможностями, с трудом позволяющим дать детям полноценное пропитание, достаточное образование и т.п. В том же ряду и проблема детских дошкольных учреждений, которая, как мы видели, стояла очень остро.

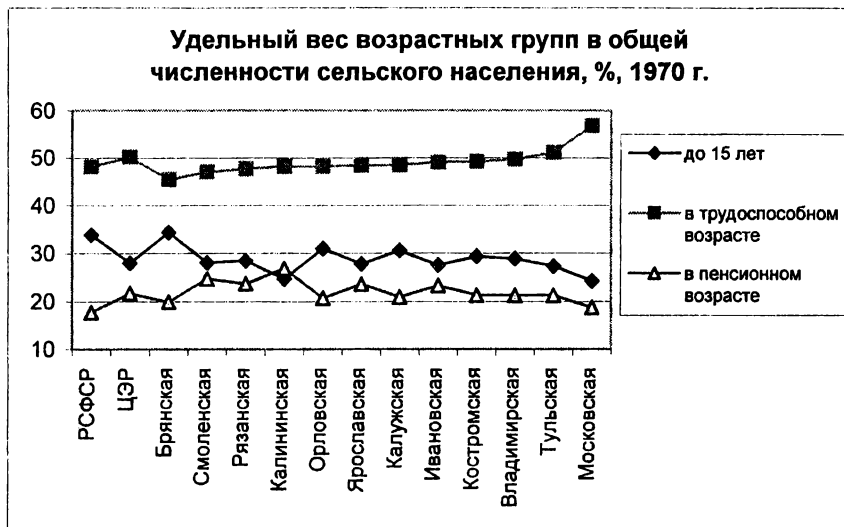

Рис. 15.

Сразу же вслед за Брянской по удельному весу детей располагались соседние Орловская и Калужская области. Самым старым к 1970 г. было население Калининской области — единственной в то время, где пенсионеров было больше, чем детей. Меньше всего пенсионеров (и немногим больше детей) оказалось в Московской области, зато там доля трудоспособных была наивысшей. Отчетливо видно, что сельское население Брянской области вступало в депрессивную фазу — доля трудоспособных в ней была наименьшей по региону. Правда, в идущей следом за ней Смоленской существенно большим было количество пенсионеров, а потому положение Брянской области выглядело все же более предпочтительным.

С большой долей уверенности можно утверждать, что преобладание детей в ранних возрастах стимулировало сельскую миграцию. К 1970 г. ста-

ли заметны признаки выравнивания показателей по ряду областей. Изначальные региональные особенности все меньше влияли на возрастные характеристики населения. А к середине 1980-х гг. деревня почти перешла к городскому типу воспроизводства населения.

Возвращаясь к теме миграции молодежи, отметим исключительную роль возрастной категории 16–19-летних в сельской миграции первого послевоенного десятилетия (даже с учетом бесспорного лидерства этой группы в последующие годы). В самом деле, административные ограничения второй половины 40-х — начала 50-х гг. закрывали обычный впоследствии путь для переезда в город. Оставалось несколько возможностей: призыв в армию с последующим невозвращением в село, санкционированный отъезд на учебу, работа по комсомольскому призыву, оргнабор, и наконец, плановое переселение. Все эти формы, хотя и в разной степени были характерны для областей Центра. В дальнейшем увидим, что при всей значимости в отдельные годы оргнабор и переселение не играли решающей роли в статистике выбытий. Таким образом, центр тяжести сельской миграции автоматически переносился на оставшиеся формы выезда. Очевидно, что и служба в армии, и комсомольский набор, и учеба, и замужество в городе относились к побудительным причинам именно молодежной миграции.

В качестве иллюстрации приведем данные за 1952 г. по Калужской области. За год в города области прибыло из сельской местности 4522 чел. в возрасте от 16 до 19 лет, 2585 в возрасте от 20 до 24 лет и 2167 в возрасте от 25 до 29 лет. Следующая возрастная категория — 30–34 года — дает цифру 878 чел., а предшествующая, 10–15 лет — только 363 чел.²⁴ Обратный поток в село в итоге еще более усиливает возрастные диспропорции. Только 773 переселенца из города в село было в группе 16–19 лет, но уже 1651 в возрасте от 20 до 24 лет и 1306 в возрасте от 25 до 29 лет²⁵. Эта тенденция сохранялась и впоследствии. По данным исследований 1967 г., средний возраст прибывших в село ЦЭР был существенно выше, чем возраст выбывших. Для первых он составил 25,3 года, для вторых — 20,7 года²⁶. Необходимо учитывать при этом, что среди выбывших было большое количество детей (как правило, временно приехавших к бабушкам или дедушкам, пока родители, сами в прошлом выходцы из села, не улучшат свои жизненные условия).

Несмотря на высокую степень готовности к переезду, молодежь отличалась меньшей адаптивностью. Данные по сельским мигрантам Брянской области за 1968 г. показывают, что обратный поток молодых людей в возрасте от 16 до 21 года из города в село составлял примерно половину первичного их оттока в город. В то же время общий обратный поток в село был в три с лишним раза меньше миграции в город²⁷. Пониженная возмож-

ность адаптации для молодежи вовсе не означала, что мигранты-неудачники со временем не предпримут нового переезда. Так зачастую и происходило.

2. Особенности распределения мигрантов по полу

Благополучие демографической ситуации во многом зависит от соотношения женщин и мужчин в конкретном регионе. Как отмечалось ранее, в Центральном районе России это соотношение долгое время определялось последствиями войны. Обе послевоенные переписи — и 1959, и 1970 гг. продемонстрировали количественный перевес женщин в сельском населении ЦЭР (Рис.16)²⁸. При этом среди областей, где в 1959 г. отмечались наибольшие диспропорции, четыре из пяти находились на западе района, т.е., в зоне интенсивных военных действий.

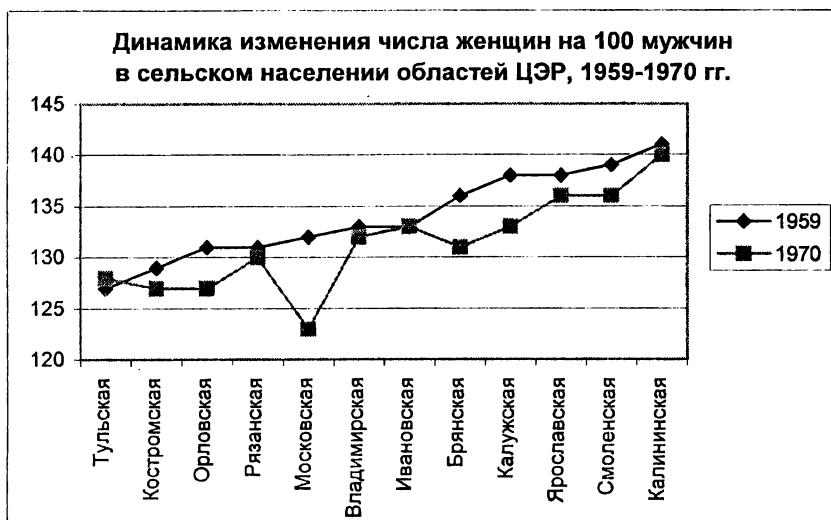

Рис. 16.

В межпереписной период отмечалась тенденция к выравниванию соотношения полов, и количество женщин в селе по отношению к мужскому населению не снижалось лишь в Ивановской области, где привычный сельскохозяйственный труд совмещался с работой на близлежащих, часто небольших, ткацких предприятиях. Усиление диспропорции в Тульской области, напротив, объясняется повышенным индустриальным предложением «мужских» профессий (угледобыча и тяжелая промышленность). При этом занятость в промышленности обычно предполагала переезд в город. Карди-

нальное изменение доли женского населения к 1970 г. произошло в Московской области. Там раньше, чем в других областях проявилось явление, распространившееся позже на остальную территорию Центра и известное как «деревня без невест» (по названию вышедшей в 1987 г. статьи²⁹). Его причины кроются в более интенсивной миграции женщин по сравнению с мужчинами.

Обычной тенденцией для села Центра в довоенные годы был недостаток мужчин в районах традиционного отходничества. После войны баланс стал определяться степенью неустроенности территории и масштабами разрушений. Складывалось противоречие между тяжелым характером сельского труда и количеством мужских рабочих рук, наиболее для него приспособленных. Тем самым формировалась основа для будущей интенсивной женской миграции в города из села западных областей, что наглядно демонстрируют данные переписи 1970 г.

С разрушением патриархальной сельской семьи постепенно повышалась экономическая самостоятельность ее членов. Этот процесс продолжался в послевоенные десятилетия. Тем самым противоречия между характером мужского и женского труда постепенно обострялись. Заработки женщин не могли быть сопоставимы с оплатой труда представителей сильного пола. Не получив образования, сельская женщина ограничивалась заботами о семье, участием в тяжелом неквалифицированном труде, либо работой в сфере обслуживания. Мужчины же всегда имели лучшую перспективу. Как правило, они брали на себя механизированные формы труда, оставляя ручные женщинам. Труд с использованием механизмов в сельских условиях не легче ручного, но гораздо лучше оплачивается. Как выясняется, есть и другие его преимущества. Этот труд универсален для города и села. Механизаторы и шоферы оказывались в лучшем положении при переезде в город по сравнению с другими категориями сельского населения, так как являлись носителями городской профессии. Вымывание квалифицированных мужских кадров — носителей технических специальностей — ставило женщин лицом к лицу с механизмами. Неизбежно возникавшие при этом трудности заставляли администрацию хозяйства сокращать количество используемой техники, а значит, отсутствовал стимул дальнейшей механизации села³⁰.

Получение образования выглядело для женщин реальной возможностью улучшить условия своего труда на селе, а по возможности и переехать в город. На селе образованная женщина могла работать в границах узкого перечня: врач, учитель, представитель сферы обслуживания и работник управленческих структур. Все эти специальности были востребованы и в городе, что облегчало переезд. К тому же женщины-специалисты (врачи или учителя), очень часто приезжие, не имели своего хозяйства и обзавес-

тись им было не в пример труднее, чем мужчинам. Из-за более высокого образовательного уровня возникали сложности и с замужеством. В итоге не появлялось основы для закрепления женщин-специалистов на селе.

Очевидно, что стремительный рост уровня образованности сельских женщин в 70-е гг. был отражением их городской ориентации. По мнению Ю.В.Арутюняна, еще в начале 70-х гг. сельская женщина на 2–3 пятилетки отставала от городской по уровню своего образования, но впоследствии городская тенденция более высокого образовательного уровня женщин по сравнению с мужчинами стала проявляться и на селе³¹.

В течение продолжительного времени существовала некая фигура умолчания относительно действительных мотивов миграции женщин. В условиях административных ограничений у женщин было гораздо меньше возможностей для отъезда, чем у мужчин. В результате вся палитра возможных формулировок в итоге укладывалась в строку «по семейным обстоятельствам»³². В более поздние годы миграционная активность женщин по-прежнему оставалась в прямой зависимости от их семейного статуса. Легко выделяются следующие категории: 1) мигрантки 16–18 лет, только что окончившие школу и едущие в город на учебу. В миграционном поведении этих девушек не было ничего, отличавшего их от юношей-сверстников. Единственная разница — девушкам не надо было дожидаться призыва в армию и они могли самореализоваться немедленно; 2) женщины 19–29 лет уезжали в надежде выйти замуж; 3) вдовы в разных возрастах, в основном старше 50 лет. Более ранняя смертность мужчин лишала женщин поддержки в нелегких условиях сельской жизни и заставляла их перебираться в город, к детям.

Все это дает основания предположить высокую степень участия женщин в миграционных процессах, невзирая на трудности адаптации. Считается, что миграция женщин составляла 3/5 от общего значения механического сокращения населения. Причем во многом это достигалось малым количеством женских возвратных миграций. Мужчины возвращались гораздо чаще³³.

Характер женской миграции в наиболее активном возрасте иллюстрирует Рис.17. В 1959 г. самым благоприятным соотношением женщин и мужчин в брачном возрасте было в Московской и Владимирской областях (с более высоким уровнем механизации в сельском хозяйстве), а также в аграрных областях юго-запада, где общий отток из села был в то время относительно небольшим. В течение следующего десятилетия активная миграция трудоспособных мужчин резко ухудшила условия женского труда в областях со слабомеханизированным сельским хозяйством — Костромской, Орловской, Смоленской и Брянской. С другой стороны, высокий уровень

механизации сельского производства в Московской области переставал играть сдерживающую роль под воздействием роста уровня женского образования. Это объясняет зафиксированное усиление оттока женщин в активном возрасте в города в 1970 г. по сравнению с 1959 г.

Рис. 17.

3. Профессиональные характеристики мигрантов

Для выяснения миграционной ориентации представителей любой сельской профессии должно быть обозначено место этой профессии в сложившейся схеме разделения труда. При этом необходимо учитывать следующие основные критерии:

- потребность в представителях данной профессии;
- оплата труда;
- условия труда и степень его механизации;
- специфически сельская, либо универсальная ориентация профессии;
- возможность повышения квалификационного уровня;
- сезонность труда.

Наиболее очевидной кажется зависимость между интенсивностью миграции и уровнем оплаты труда. Применение такого подхода представляется вполне оправданным, когда речь идет о средних размерах дохода всех работников хозяйства, или даже района, и способен натолкнуть на определенные обобщения. В то же время выявление зависимости величины мигра-

ционного потока от уровня заработной платы представителей одной профессии видится некорректным. Пример тому — миграция механизаторов, очень интенсивная, несмотря на значительную оплату труда. Значение фактора оплаты на узкопрофессиональном уровне в его взаимосвязи с миграцией тем самым не уничтожается, но лишь наталкивает на необходимость комплексного рассмотрения вопроса.

Характерная для Центрального Нечерноземья мелкоселенность в размещении сельских жителей затрудняла механизацию производства, а значит, повышала роль ручного труда. В литературе отмечалось, что доля неквалифицированного ручного труда изменяется от мелких населенных пунктов к крупным в сторону ее снижения³⁴. Вместе с тем растут затраты труда на сферу обслуживания, отвлекая значительную часть работников от производства, в основном женщин. Появлявшаяся возможность выбора профессии в какой-то мере стабилизировала население. Та же мелкоселенность осложняла условия жизни сельских специалистов, в первую очередь приезжих. Для них она оборачивалась бытовыми трудностями и иногда влияла на размеры дохода, ограничивая сферу приложения труда.

В течение послевоенных десятилетий постепенно менялись профессиональные приоритеты сельского населения. Яркое выраженное противостояние ручных и механизированных форм труда заметно в конце 40-х — 50-е гг. (уже к концу 50-х гг. оно смягчается). Чем менее выраженной была городская ориентация сельского населения, тем острее стояла проблема внутрисельского выбора профессии.

В 1950 г. был отмечен 140%-ный рост числа механизаторов по центральным и северо-западным областям в сравнении в 1946 г. (под влиянием фактора демобилизации и довольно высокой оплаты в сфере механизированного труда)³⁵. Значительным было и увеличение количества животноводов. Их удельный вес в общей численности занятых на селе по РСФСР повысился с 6,8% в 1947 г. до 10,5% в 1950 г.³⁶ Это явление становится легче понять, если принять во внимание, что во многих областях Центра в растениеводческих бригадах в те годы работало от 80 до 86% всех колхозников, занятых в общественном производстве³⁷.

По мере распространения городской ориентации менялись понятия о престижности сельских профессий. Характерно, что впоследствии специальность механизатора сохранила приоритетную роль, правда ее популярность объяснялась иначе. Более важным становился не уровень оплаты, а универсальный характер этой профессии для города и села. Имело значение также то, что обучение в большинстве случаев проходило в городе, что создавало основу для будущей более легкой в нем адаптации. Опрос, проведенный газетой «Известия» в Починковском районе Смоленской области

установил, что если в 1964 г. в сельском хозяйстве не хотели работать 46% выпускников СПТУ, то в 1970 г. — 82 %³⁸.

В свете предъявляемых молодежью требований факторы, ранее определявшие привлекательность труда механизатора, теперь представлялись малозначимыми. Обращалось внимание на сезонный характер труда, а также на то, что около 40% рабочего времени расходовалось на работы, не связанные с использованием техники³⁹.

Таким образом, именно механизаторы в 60-е гг. стали наиболее миграционно активной частью сельского населения. К началу 70-х гг. в ЦЭР они составляли четверть всех выбывших, занятых в общественном производстве, хотя их доля в постоянном населении была менее 10%⁴⁰. За 60-е гг. в селе по стране было подготовлено 10 млн. механизаторов. Непосредственно по специальности из них осталось работать только 1 млн.⁴¹.

Можно говорить, что по отношению к механизаторам проводилась довольно недальновидная политика административного регулирования их численности. Возможно, в качестве образца использовалась система распределения на работу учителей и медиков. Именно благодаря ей этих специалистов всегда приезжало больше, чем выбывало. Однако потребность в комбайнерах, шоферах и трактористах выражалась не в десятках и сотнях, а в тысячах. В сложившейся ситуации обеспечить их работу в сельском хозяйстве можно было лишь с помощью жестких принудительных мер, что в 60-е гг. было уже невозможно.

Другой категорией наиболее активных мигрантов, как нетрудно догадаться, были люди, также обладавшие городской специальностью, обычно с высшим образованием. Это упомянутые врачи и учителя, многие из которых, будучи выходцами из города, уезжали туда сразу же по окончании срока работы по распределению. К этой же группе можно отнести и управленцев.

Высокой миграционной активностью отличались разнорабочие растениеводства, т.е. наименее квалифицированная часть сельскохозяйственных рабочих. О наличии миграционных настроений в их среде свидетельствует тот факт, что только около половины из них (жителей Брянской области) дорожили своим рабочим местом (ср. у механизаторов — 74,3 %) ⁴².

Неквалифицированные рабочие выигрывали от миграции в города больше других. Согласно исследованиям, в случае благополучной приживаемости на новом месте 75% их переходило на более высокий социальный уровень⁴³. Правда, реальная возможность для адаптации была у этой категории невысокой. Об этом говорит и тот факт, что несмотря на большой удельный вес среди выбывших, доля занятых ручным неквалифицированным трудом в постоянном населении была невелика.

Наиболее выигрышно на общем фоне выглядели представители животноводства. Эта отрасль характеризовалась как единственная, не терявшая, но приобретающая работников. В Центральном Нечерноземье в 1967 г. здесь на 100 выбывших приходилось 165 прибывших⁴⁴. К достоинствам отрасли относили отсутствие сезонности, сравнительно высокий уровень оплаты труда, большую степень механизации производственных процессов. Эти обстоятельства обеспечили особенно большой прирост численности работников животноводства в 50-е гг.

В период с 1951 по 1958 гг. в Центре отмечалось увеличение количества доярок, скотников, пастухов и телятниц. Но в то же время произошло снижение численности свинаярей, птичниц, пчеловодов и конюхов⁴⁵. Очевидно, что последние четыре специальности требовали большего применения ручного труда, были слабомеханизированы. Техническое оснащение оставалось серьезной проблемой и впоследствии. По данным Л.Н.Денисовой, в 1986 г. даже в Московской области механизация труда в животноводстве не достигала 90%, в Тульской составляла около 40%, в Калининской и Брянской областях — еще меньше⁴⁶. Очистка помещений от навоза в хозяйствах Брянской области в 1967 г. была механизирована в диапазоне от 5 до 16%. Раздача кормов везде производилась вручную. Занятость животноводов, в основном доярок и свинаярок, доходила до 365 дней в году⁴⁷.

В целом специалистов-животноводов можно отнести к категории мигрантов со средней интенсивностью выбытия, одновременно учитывая отсутствие, либо слабое проявление миграционных настроений у работников механизированных участков. Традиционно у животноводов была репутация уважаемых, хорошо оплачиваемых специалистов. Перспектива достижения подобного положения в городе выглядела сомнительной в силу специфичности их занятий. Однако для городского уха названия сельских профессий звучали непрестижно, что влияло на профессиональную ориентацию сельской молодежи. Поэтому в 1970 г. МСХ СССР приняло решение о переименовании профессий («вследствие изменения качества труда»). Появились «облагороженные» названия: мастер молочного животноводства, мастер машинного доения, мастер свиноводства, мастер овцеводства, птицеводства, коневодства и т.д.⁴⁸ Впрочем, традиционный советский вербальный подход к решению проблем (однажды введенные определения немедленно становились носителями социальной функции — чего стоили пресловутые «враг народа», «подкулачник», «стиляга» и др.) — себя не оправдал.

Сельские управленцы среднего звена — бухгалтеры, плановики, секретари, складские работники в большинстве своем не видели смысла рисковать достигнутым положением, переезжая на новое место.

Важным фактором профессиональной адаптации при переезде было наличие смежной специальности. Это явление вообще достаточно характерно для работников сельского хозяйства. Число имевших две, три специальности варьировалось в зависимости от общей квалификации от 40% у неквалифицированных работников до 80% у животноводов и специалистов⁴⁹. Так, в отчете за 1964 г. по Рязанской области отмечалось, что большинство из уехавших из села имели по две смежных специальности, например, тракторист-шофер, тракторист-комбайнер⁵⁰.

При рассмотрении профессиональных характеристик мигрантов мы ставим возможность реализации ими миграционных намерений в прямую зависимость от наличия «городской» специальности. Разумеется, не все мигранты направлялись в город. Некоторая их часть и после переселения продолжала работать в аграрном секторе. Однако имеющиеся данные говорят о том, что примерно 80% выбывших из сельского хозяйства в областях Центра переходили в конце 60-х гг. в несельскохозяйственные отрасли. В то же время из несельскохозяйственных отраслей в сельскохозяйственные перешло менее 8% населения⁵¹.

Индивидуальная миграционная ориентация довольно важна, однако, как правило, переселение становилось актом семейным. Поэтому имеет значение социально-профессиональное положение семьи в целом. Замечено, что чем больше работников в семье, тем в большей степени она была связана с другими отраслями (несельскохозяйственными). Значит, наличие в семье двух, трех и более работников позволяло ей, не порывая с сельским хозяйством, иметь и другие источники дохода, что для многих семей было желательно. И наоборот, семьи были тем больше, чем больше они были связаны с другими хозяйственными отраслями. По состоянию на 1979 г. В.И.Староверов определяет довольно большой процент социально-профессиональной и образовательной гетерогенности брянских сельских семей (75%)⁵². Есть основания полагать, что это явление было достаточно распространено в условиях нечерноземного Центра. При этом необходимо учесть преимущественно аграрную ориентацию значительной части региона с тем, чтобы не переоценивать масштабы явления. Представляется, что замкнутые отраслевые структуры, например, Калининской и Смоленской областей не способствовали развитию профессиональной семейной гетерогенности. В любом случае при определении миграционной ориентации семьи этот фактор не должен игнорироваться.

4. Мигранты по типу хозяйства

При отсутствии единого подхода к определению социальной структуры сельского населения СССР довольно сложно характеризовать миграцию

в города с точки зрения социальных перемещений⁵³. С одной стороны, в 60-е — 70-е гг. происходило сближение колхозной и совхозной форм общественного производства, что ставит под сомнение правомерность противопоставления колхозников и рабочих совхозов, с другой — сельское население приближалось по основным характеристикам к жителям городов.

Не пытаясь теоретизировать по поводу социальной принадлежности сельских мигрантов, попытаемся выяснить, насколько существенными были различия в миграции из колхозов и совхозов.

Данные Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Центральному району РСФСР не дают перевеса группе колхозных мигрантов в числе прибывших из села в город. Напротив, колхозники занимают лишь третье место при безусловном лидерстве рабочих⁵⁴. Причин тому несколько. Первая из них состоит в том, что в течение всех послевоенных десятилетий колхозники оставались категорией, в наибольшей степени приверженной сельскому образу жизни в сравнении с остальными жителями деревни. Их консерватизм постепенно приходил в противоречие с условиями повседневной работы и быта, недостатки которых представлялись все более значимыми по мере расширения каналов информационных связей между городом и деревней. Для представителей колхозного населения, редко обладавших городской профессией, куда более привлекательным путем улучшения своего состояния казалось распространение совхозной формы производства, переселение в совхоз (если собственный колхоз продолжал существовать в прежнем качестве), чем переезд в неведомый город. Видимо, при организации сельскохозяйственного переселения колхозных семей идея сохранения привычного уклада при обещанном улучшении жизненного уровня также бралась на вооружение как наиболее органичная крестьянской психологии. Особенности статистического учета были таковы, что колхозников, непосредственно мигрировавших в города, сложно отделить от селян, утративших социальный статус колхозника в результате преобразования колхозов в совхозы. Как правило, регистрировалось лишь общее сокращение численности этой категории населения⁵⁵.

Другая причина того, что переселение колхозников в города, судя по миграционной статистике, было относительно небольшим, стала характерной принадлежностью 70-х гг. и выразилась в общем ослаблении интенсивности сельской миграции в ЦЭР⁵⁶.

Третья и очень важная причина — отток из колхозов наиболее миграционно активной части населения — молодежи. Уже в начале 60-х гг. разрыв между колхозами и другими сельскими предприятиями по этому признаку был значителен. Например, из 9,7 тыс. чел. молодежи в возрасте до 20 лет, работавшей в 1963 г. на селе Брянской области, 7,2 тыс., или 74%,

трудились в совхозах. Оставшиеся 26% были не чисто колхозными, но распределялись между всеми оставшимися структурами, в том числе неаграрными⁵⁷. Таким образом, для молодежи начала 60-х гг. еще существовала проблема выбора между разными формами сельскохозяйственных предприятий. Спустя несколько лет становится заметным предпочтение, отдаваемое иным сферам. За период с 1963 по 1967 гг. в той же Брянской области численность молодежи до 20 лет в строительных организациях на селе увеличилась в 8,2 раза, а удельный вес этой группы населения в общей численности работников сельского строительства возрос с 6 до 16%. Одновременно с этим совхозы уже оттягивали на себя только 39% сельской молодежи⁵⁸. Из 4715 выпускников-восьмиклассников, оставшихся в сельском хозяйстве Брянской области в 1967 г., 2830 устроились на работу в колхозы и 1885 — в совхозы. Исходя из того, что общее количество трудоустроившихся выпускников составило 10870 чел., преимущество колхозов нельзя считать значительным⁵⁹.

Анализы качественного состава рабочих и служащих, регулярно проводимые статистическими органами (и, к сожалению, редко затрагивавшие колхозников) дают любопытную картину при сопоставлении стажа работающих в совхозах и промышленности (Брянская область, 1967 г.)⁶⁰:

Таблица 12.

Стаж работы	в % к общей численности работавших	
	в совхозах	в промышленности
до 10 лет	24	45
10–20 лет	37	40
более 20 лет	39	15

Как видно, категория «ветеранов» оказывается наиболее многочисленной в совхозах и наименьшей среди работавших в промышленности.

Приведенные здесь данные, по всей видимости, обозначают завершающую фазу начатого в 50-е гг. процесса. Массовая организация совхозов, предпринятая в начале хрущевских реформ, играла стабилизирующую роль, способствував сокращению сельской миграции. Усиление роли новой социальной группы на селе — рабочих и служащих совхозов (новой прежде всего по своему хозяйственному опыту, совхозы существовали и до войны) интерпретировалось в качестве своеобразной альтернативы стагнировавшей колхозной экономике. По мере обретения колхозниками привилегий рабочих совхозов все более обнаруживалась условность деления занятых в сельском хозяйстве на социальные группы. Об этом наглядно свидетельствуют примерно равновеликие потоки переселенцев из колхозов и совхозов, формировавшие сельскую миграцию второй половины 60-х — 70-х гг.

Направления миграции

Исходя из того, что целью большинства сельских мигрантов был город, в этом разделе работы предполагается установить, какого рода города привлекали мигрантов в наибольшей степени. С точки зрения цели переезда нас интересуют населенные пункты трех типов: 1) местные районные центры; 2) свои областные центры и города областного подчинения; 3) города за пределами области.

Есть известное положение, выражающее ступенчатый характер миграции, проявляющийся в том, что переезжающие в большинстве случаев выбирают в качестве цели миграции близлежащие районы⁶¹. Исходя из этого, притягательность конкретных городов для мигрантов прямо пропорциональна степени их удаленности. В силу той же ступенчатости мигранты часто выбирают для вселения населенный пункт, занимающий более высокое место в иерархии поселений, но сохраняющий особенности места выхода.

Ж.А.Зайончковская отмечает, что с иерархичностью переселений связывались представления о миграционной устойчивости крупных сел и надежды на то, что население из мелких деревень в случае их ликвидации переселится именно в них. Но перепись 1970 г. показала, что иерархические переселения вовсе не являлись преобладающими. За их счет было обеспечено от 10% механического прироста в городах с населением 20–50 тыс. чел., до 23% в городах с населением свыше 500 тыс. чел. Весь остальной механический прирост населения был обеспечен за счет непосредственного вселения сельских жителей⁶².

По данным той же переписи, из 640,5 тыс. мигрантов из села, переселившихся в города и поселки городского типа в пределах Центрального района, мелкие городские населенные пункты с числом жителей до 20 тыс. чел. предпочли 123,1 тыс. (19,2%), что, собственно, и позволяет судить об иерархичности сельских переселений в Центральном Нечерноземье. Новые жители поселков городского типа преследовали, как правило, цель улучшения условий труда, стремились получить возможность сочетать сельскохозяйственный труд с другими его видами (т.е. избежать сезонности). Более крупные по размерам города, с числом жителей от 20 до 50 тыс. чел. и от 50 до 100 тыс. чел. выбрали соответственно 92 и 54,3 тыс. чел. (14,4 и 8,5%) переселенцев. Поток переселенцев из села непосредственно в города с населением от 100 до 500 тыс. жителей в конце 60-х гг. в ЦЭР также был значительным и составил около 122 тыс. чел. (19%); крупные и крупнейшие города (от 500 тыс.) предпочли 71,8 тыс. чел. (11,2%). Наконец, внутрисельские переселения в пределах региона составили 27,7% (177,3 тыс. чел.)⁶³. Как видим, иерархия в целом соблюдалась примерно в 47% случаев (внутрисельские перемещения, в том числе с сохранением или понижением ста-

туса населенного пункта, и переезд в небольшие города). То, что большинство мигрантов в ходе переезда решалось на резкую перемену образа жизни, неизбежную в значительно более крупном поселении в сравнении с местом выхода, подтверждало распространенность городских стандартов среди переселенцев.

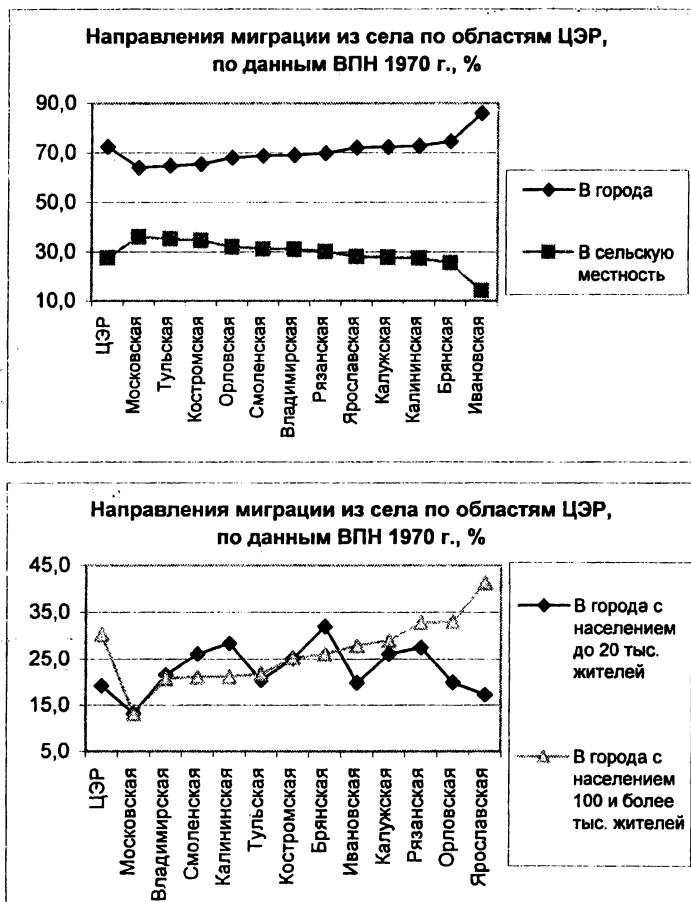

Рис. 18.

Графики на Рис. 18⁶⁴ дают представление о миграционных предпочтениях сельских мигрантов центральных областей. В 1970 г. доля переселенцев в сельскую местность была наибольшей в Московской области, что лег-

ко объяснимо лучшими бытовыми условиями и хорошей транспортной доступностью мест вселения в сравнении с селом других центральных областей. С другой стороны, повышенная по отношению к среднерегionalному уровню миграция в города могла объясняться не только депрессивным характером развития села, но и сильной урбанизированностью территории (Ивановская область).

Преобладающей тенденцией в границах ЦЭР в 1970 г. было переселение жителей села в крупные города с населением 100 и более тыс. жителей. Однако на уровне отдельных территорий ей соответствовали лишь области, переживавшие в то время активную стадию урбанизации (Брянская, Калужская, Рязанская и Орловская), а также индустриально насыщенные северо-восточные Ивановская и Ярославская. Количество сельских мигрантов в небольшие города было наибольшим в мелко- и среднеселенных аграрных областях запада — Брянской, Калининской и Смоленской. Не должно удивлять малое количество мигрантов из села в города Московской области: на этом этапе стадия активного оттока в границах агломерации завершилась, началось рекреационное освоение мелких и мельчайших поселений. Население мегаполиса пополнялось преимущественно за счет городских мигрантов.

Другой проблемой является выяснение соотношения между внутриобластными и межобластными миграциями. Следует заметить, что выбор места вселения определялся условиями в районах выхода, определенной инерцией в формировании миграционных потоков, а также действием неких глобальных процессов в масштабах страны.

Было замечено, что в 60-е гг. население стремилось на Украину, Кавказ, в Среднюю Азию, затем эта поток ослабел. Центральный экономический район, кроме того, служил традиционным поставщиком населения для Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. К началу 70-х гг. в ЦЭР ощущался недостаток рабочей силы, следствием чего стал миграционный приток. В 70-е гг. в Северо-Западный и Центральный районы направлялось до 50% всех мигрантов, что было примерно сопоставимо с притоком в южную зону в 60-е гг. При этом 45% мигрантов по стране принимали Москва и Ленинград⁶⁵. Демографы лишь констатируют колебания в перераспределении населения между районами, отмечая, что они очень значительны в течение короткого промежутка времени и устойчивых динамических тенденций не обнаруживают⁶⁶.

На Рис. 19⁶⁷ представлено распределение мигрантов из села по преобладающим направлениям оттока. Как правило, люди предпочитали переселиться в границах своей области. Тенденция нарушалась лишь в Костромской области, где большинство переселенцев выезжало за пределы ЦЭР. Это явление прослеживается в течение всего послевоенного периода и объ-

ясняется слабой урбанизированностью территории, низкой привлекательностью собственного областного центра, а также большим количеством пришлого населения (в течение долгого времени сюда ехали рабочие, которых привлекали по оргнабору на лесозаготовки). Внутриобластные перемещения чаще отмечались в промышленно развитых Владимирской, Ярославской и Тульской областях. Неплохой была ситуация и в Рязанской области, но здесь по-прежнему большим, из-за давних традиций отходничества, был отток сельского населения в Москву и Подмоскowie. В силу пограничного положения на стыке трех республик существенным был отток за пределы региона в Брянской области.

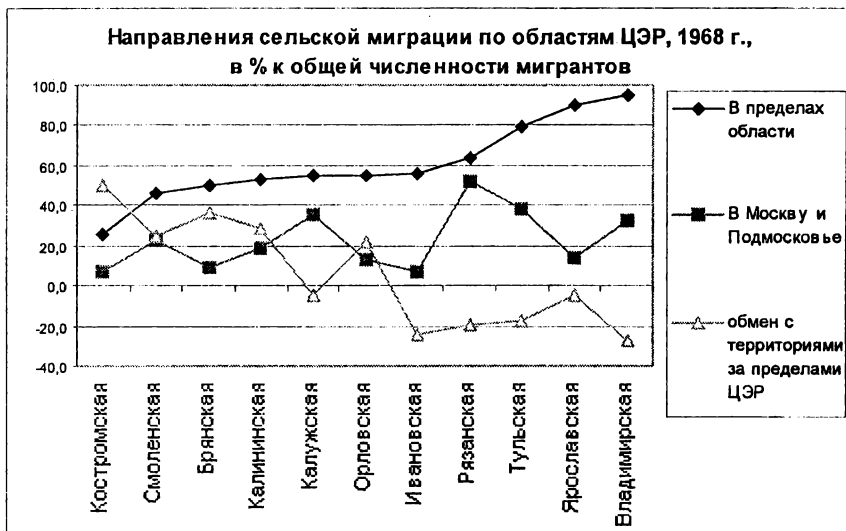

Рис. 19.

Приток из-за границ ЦЭР (на графике — кривая ниже нулевой отметки) наблюдался в пограничных с Московской, преимущественно северо-восточных и южных областях. Здесь располагались так называемые «карманы» — места, где накапливались потенциальные мигранты, желавшие стать москвичами, но не имевшие такой возможности. Эти территории входили в состав Московского столичного региона по критериям транспортной доступности, пассажиропотоков и маятниковой миграции. Поэтому далеко не все обитатели «кармана» в конце концов переезжали в Москву. Для многих было достаточно пользование социальными благами Москвы и Подмоскowie с приемлемыми временными затратами, при этом отсутствовали про-

блемы с пропиской. Самыми большими «карманы» были во Владимирской (Петушки–Александров), Калужской (Обнинск–Малоярославец) и Калининской (Конаково–Кимры) областях⁶⁸.

В 50-е — 70-е гг. количество прямых переездов из села в крупнейшие города сократилось в сравнении с довоенным временем, но продолжало оставаться значительным. Часто областные центры были не в состоянии обеспечить достаточное количество рабочих мест «своим» мигрантам. Данные переписи 1970 г. позволяют сделать вывод: наиболее часто целью переселения были Москва и Московская область, затем Ленинград, и лишь потом — близлежащие области⁶⁹.

Как видим, особенно интенсивно в Москву и Подмоскowie переселялись жители села Рязанской, Тульской, Калужской, Владимирской и Смоленской областей (в порядке убывания). Отсутствие в списке Калининской области не должно вводить в заблуждение — к 20%-ной миграции в Москву и Подмоскowie добавлялись еще почти 26% переселенцев в Ленинград и область⁷⁰.

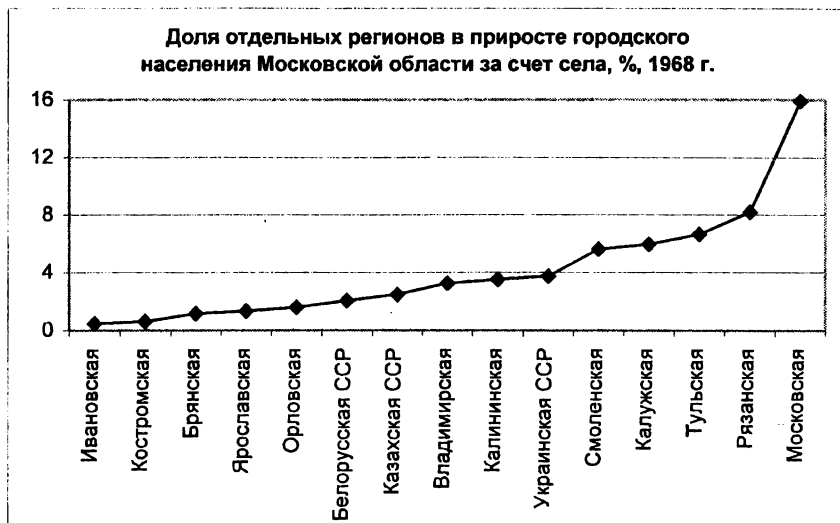

Рис. 20.

График на Рис. 20⁷¹ позволяет понять, какие регионы играли наиболее значительную роль в приросте населения Московской агломерации. Подтверждается тенденция, проявившаяся на предыдущей диаграмме — низкая активность в обмене со столичной областью жителей Ивановской области.

Сельская миграция в Москву и Подмоскowie оказывалась там даже меньше, чем в отдаленных аграрных Брянской и Костромской областях. Чтобы объяснить это явление, вспомним, что Ивановская городская агломерация была одной из старейших в Центре, а потому фаза активного сельского переселения в города для нее осталась в прошлом. То же, хотя и в меньшей степени, можно сказать о Ярославской области. К тому же в ее пределах существовало собственное сильное индустриальное предложение. А вот прямая миграция в Москву и Подмоскowie из Владимирской области оказалась более интенсивной, даже несмотря на меньшую в сравнении с Ярославской территорию. Это естественно, если учесть, что агломерационное развитие началось здесь значительно позже.

В соответствии с отмеченной выше тенденцией, в конце 60-х гг. начался приток населения отдаленных территорий в Центральный район, и особенно в столичную область. Как видим, наиболее интенсивным он был из Украины, Казахстана и Белоруссии, что естественно, если принять во внимание размеры этих республик. В целом же 46% мигрантов в Москву и Московскую область переселялось из за пределов ЦЭР⁷².

Объемы внутрисельского обмена населением из-за отсутствия паспортизации села с трудом поддаются учету. Перепись 1970 г. позволяет сделать вывод о том, что они были довольно большими. Например, если в 1968–1969 гг. в город из села переехало около 34 тыс. жителей Брянской области, то из села в село мигрировало около 12 тыс. чел.⁷³ Причем в сопоставлении со сведениями областного статуправления за 1960–1961 гг. можно видеть, что за десятилетие количество таких переселенцев уменьшилось незначительно⁷⁴.

Необходимо упомянуть о специфической форме переселения городских жителей, а именно, о миграционном потоке из города в село. Это уместно потому, что во-первых, приезжающие горожане становились частью сельского населения, оказывая существенное влияние на его развитие; во-вторых, потому что значительная часть населения, переезжавшая из города в село, состояла из лиц, ранее мигрировавших из сел в города, но не сумевших или не захотевших там остаться. Таких мигрантов было немного. Анализ состава выезжающих в село позволил установить следующее: 1) чаще ехали бывшие сельские жители; 2) среди них больше было мужчин; 3) в городе труднее приживались выехавшие туда лица моложе 25 лет: в возрасте от 18 до 21 года был каждый третий выехавший, от 22 до 24 лет — каждый второй; 4) в село мигрировали преимущественно люди со средним и среднетехническим образованием, а получившие неполное среднее и высшее оставались в городе, т.е. имела значение перспектива трудоустройства; наконец, 5) среди приехавших больше было рабочих, чем служащих⁷⁵.

Существовала еще одна разновидность возвратной миграции — возвращались жертвы насильственного переселения в ходе ликвидации «неперспективных» деревень. Конечно, это была другая категория людей. Среди них большинство составляли люди в преклонном возрасте.

Увеличение количества возвращений теоретически было возможно в связи с улучшением материального положения населения во второй половине 60-х гг.⁷⁶ Это предположение тогда не нашло серьезного подтверждения. Напротив, цифры показывали снижение обратного потока в село. В Брянской области в конце 60-х гг. в деревню ежегодно возвращалось только около 9 тыс. чел., тогда как в начале десятилетия — 15 тыс. чел. при том, что миграция была тогда значительно меньшей⁷⁷. Причиной были повысившиеся возможности адаптации сельских жителей в городе и дальнейшее разрушение сельского семейного уклада. Реальный же рост числа добровольных возвращений отмечен позже, во второй половине 70-х гг.⁷⁸

Организованная миграция

Толчком для создания советской системы организованного переселения послужило отмеченное в середине 1920-х гг. большое количество желающих переехать из центральных губерний за Урал. Побудительными причинами выступали идеологическое давление на деревню, осознание невозможности сохранения прежнего уклада вкупе с проблемой малоземелья. В 1924 г. по стране заявок на переезд было 163 тыс., а в 1926 г. — 500 тыс. С 1925 г. в системе Наркомзема начала действовать программа организованного переселения. В ее рамках только за 1925–1929 гг. в Сибирь (обычное направление тогдашних переселений) переехало около 910 тыс. чел. При этом на долю Центрального района приходилось около 10% от этого количества⁷⁹. С учетом того, что на территории района строилось огромное количество новых промышленных предприятий, привлекавших рабочие руки, эта цифра вряд ли могла быть большей. Последующее переселение, достаточно массовое, проводилось в рамках начавшейся коллективизации. При этом обозначившиеся ранее тенденции, касающиеся численности, районов выхода и вселения переселенцев, в основном сохранялись.

После Великой Отечественной войны содержание процесса несколько изменилось. По-прежнему многие территории востока РСФСР оставались главным направлением выхода для переселенцев. Вместе с тем положение Центрального района как региона-донора существенно ухудшилось. К последствиям массовых миграций из села в довоенные годы добавились серьезные военные потери. Аграрное перенаселение перестало существовать. Тем не менее, это не повлекло за собой изменение государственной политики в отношении территорий, традиционно поставлявших переселенцев. Да-

вала себя знать инерция подходов. И поэтому, хотя Центральное Нечерноземье интенсивно теряло собственное сельское население в результате стихийной миграции, многие области Центра (а сразу после войны — большинство) слали своих жителей на восток.

В послевоенной переселенческой политике появился новый фактор. Помимо очевидной экономической целесообразности заселения районов нового освоения, легко вписывавшейся в планы послевоенных пятилеток, в концепции переселения присутствовал политический акцент, усилившийся после войны. Речь шла о заселении русскими территорий, прежде занимаемых другими народами. Концентрированно суть этой политики была выражена в названии одного из постановлений Совета Министров СССР: «О репатриации из Сахалинской области японских военнопленных и интернированных гражданских лиц и о переселении колхозников и другого сельского и городского населения в Сахалинскую область для работы в промышленности и на транспорте» (№3014 от 28 августа 1947 г.)⁸⁰. Помимо Сахалинской, ставилась задача замены переселенцами местных жителей в Карелии (тогда входившей в Ленинградскую область), Калининградской и Саратовской областях (в последней до войны, как известно, существовала республика немцев Поволжья). Кроме того, в 1946 г. завершалась ранее начатая программа подобных мероприятий в отношении Крымской и Грозненской областей.

Территории Центральной России рассматривались в качестве основного источника ресурсов для переселения. Проблема решалась следующим образом. Планируемое число переселяемых семей распределялось примерно равными долями среди областей, имевших репутацию малоземельных. При этом в Нечерноземном Центре несколько большее количество семей предлагалось переселить западным и юго-западным областям, как имеющим аграрную специализацию, а следовательно, по мнению переселенческих органов, более существенные излишки рабочей силы. Практика равного распределения заданий между областями как нельзя лучше иллюстрировала инерционность переселенческой политики. Смоленская область на протяжении ряда послевоенных лет продолжала быть втянутой в обязательства по переселению, между тем аграрное перенаселение здесь было ликвидировано уже к середине 30-х гг.⁸¹

Представление о масштабах переселений дают следующие данные. Например, по плану на 1947 г. в Сахалинскую область необходимо было отправить 22500 семей переселенцев. При этом по тысяче семей требовалось направить из большинства областей Центра⁸². А всего за первое послевоенное пятилетие из Центрального Нечерноземья было переселено 156 тыс. колхозных семей, из них 80% — организовано, а остальные самодея-

тельно⁸³. В некоторые области выхода был организован встречный поток переселенцев. В Центральном экономическом районе эта практика проводилась в отношении Калининской и Ярославской областей. Так, по плану 1947 г., из 1117 семей ингерманландцев, переселенных из Калининградской области, 658 приняла сельская местность Калининской, а 107 — Ярославской области⁸⁴.

Переселения второй половины 40-х гг. носили на себе следы авраль-ного подхода, что было рецидивом военного времени. Впоследствии возобладало более трезвое отношение к практике организованных переездов. По-видимому, экономические соображения постепенно стали перевешивать значение политических факторов. Из числа поставщиков населения были исключены области с неудовлетворительным балансом трудовых ресурсов, в том числе Смоленская.

Задача отбора возлагалась на переселенческие отделы при облиспол-комах, реорганизованные в 1945 гг. из отделов по хозяйственному устрой-ству эвакуированного населения⁸⁵. При отборе семей в районы, прежние жители которых интернировались, приоритет отдавался селянам. Так, при переселении в Сахалинскую область в 1946 г. в Брянске распорядились по-слать 110 семей из города и 890 из села⁸⁶. Впоследствии переселялось ис-ключительно сельское население. В инструкциях по организации оргнабора и переселения находила отражение ставка на лучшие сельские кадры. Необ-ходимой признавалась вербовка «демобилизованных и лучших колхозни-ков»⁸⁷. В отчетах обычно присутствовали цифры количества привлеченных специалистов; в подходе к сельскохозяйственному переселению опреде-ляющим был принцип отбора семей, имевших не менее двух трудоспособ-ных членов⁸⁸. Таким образом, структура трудовых ресурсов в местах выхода ухудшалась.

Льготы, предлагавшиеся переселенцам, по теперешним меркам выгля-дят весьма скромными. Однако, в послевоенных условиях они действительно играли роль стимулирующего фактора при принятии решения о переезде в другую часть страны. В местах вселения приехавшим по государственным ценам за наличный расчет продавалось продовольственное зерно по 1,5 ц на главу семьи и 0,5 ц на члена семьи; выдавалось денежное пособие 1000 руб. на главу и по 300 руб. на члена семьи; прибывшим бесплатно передавался жилой дом с приусадебным участком от 0,25 до 0,6 га, а на Карельском пере-шейке — от 0,6 до 1 га; каждой семье в местах вселения полагалось одно пальто, 30 м хлопчатобумажных тканей, 10 л керосина, 10 кг соли, 40 коробок спичек, а каждому члену семьи — 1 пара обуви, 1 головной убор (платок или шапка), 2 пары носков или чулок, 2 катушки ниток, 2 кг хозяйственного мы-

ла; во время переезда бесплатно выдавался сухой паек на 10–15 суток и один раз в сутки платный горячий обед из двух блюд⁸⁹.

Довольно часто организация переселения оставляла желать лучшего, что не могло не влиять на количество желающих переселиться. Из отчетов переселенческого управления за 1947 г. узнаем, что переселенцы из Костромской в Калининградскую область в течение 4-х суток ожидали подачи вагонов, а 500 человек, переселявшихся из Калужской области, 6 суток находились на станции Козельск под открытым небом, что привело к массовым заболеваниям детей⁹⁰. В Масловском и Некоузском районах Ярославской области переселенцам продавали продукты по завышенным ценам. Многим из них приходилось платить за ночлег личные деньги⁹¹. Переселенцам из Судоготского района Владимирской области вместо печеного хлеба выдавали муку, людей размещали в вагонах очень скученно⁹².

Другим препятствием к переселению было нежелание местных властей отпускать работников из своей области. В 1947 г. против переселения возражали руководители Владимирской, Калининской, Ярославской областей, обосновывая свое несогласие недостатком рабочей силы в колхозах⁹³. Эти возражения обычно не принимались во внимание как в силу представлений об излишке рабочей силы в областях выхода, реальном или воображаемом, так и из-за мобилизационного характера сельскохозяйственного переселения второй половины 1940-х гг.

Что касается излишка, то он оценивался по-разному, от 15 тыс. трудоспособных в Калининской до 110 тыс. во Владимирской областях⁹⁴. Кроме того, в некоторых областях местным властям указывалось на целесообразность внутриобластного переселения и на приток жителей из районов выселения. Тем не менее об остаточном перенаселении в первые послевоенные годы можно было говорить, главным образом, лишь в применении к западной части ЦЭР. Так, в Жиздринском районе Калужской области на одного трудоспособного приходилось 2,6 га пашни, в Людиновском — 3,0 га, в Кировском — 2,5 га⁹⁵, в то время как в областях вселения этот показатель обычно превышал 10 га на одного работающего.

Одной из серьезных проблем, волновавших переселенческие органы, было распыление плана отбора. Например, для отбора 250 семей колхозников в Ярославской области в 1947 г. было привлечено 17 районов и 170 колхозов, во Владимирской — 16 районов для отбора 150 семей и т.п.⁹⁶ Распыление было нежелательным, так как, во-первых, компактно проживающие группы односельчан лучше приживались на новом месте в сравнении с одиночками, а во-вторых (что не афишировалось), в случае возвращения группы переселенцев из-за плохих условий в местах вселения их негативный опыт не распространялся за пределы одной или нескольких деревень. В то

же время на местах были заинтересованы именно в распылении отбора, поскольку выбытие одной–двух семей из колхоза не оказывало существенного воздействия на состояние местных трудовых ресурсов.

Лучше других с организацией отбора в Центральной России справлялись Московская и Орловская области. Сообразно представлениям эпохи, большую роль играла внешняя сторона дела. В частности, отмечалось, что все эшелоны с переселенцами, отправлявшиеся из Московской области, были художественно оформлены лозунгами, плакатами, портретами вождей и т.п. в отличие от Рязанской и Владимирской областей, где ничего подобного не было⁹⁷.

В первые послевоенные годы отношение самих колхозников к переселению было скорее положительным, что определялось неудовлетворительной экономической конъюнктурой в местах выхода. В 1949 г. даже отмечались случаи приписки в состав семьи посторонних лиц с целью создать видимость наличия в семье двух трудоспособных членов семьи (необходимое условие отбора на переселение)⁹⁸.

Материалы по Калужской области неплохо объясняют причины, побуждавшие колхозников переселяться. Там в 1952 г. из колхоза «Верный путь» Хвостовичского района вместо запланированных к переселению 4 семей в Молотовскую область фактически переселилось 8, а желало еще 10. Дело в том, что большинство колхозников предпочитали работать на близлежащих предприятиях — в леспромхозе и на стеклозаводе, номинально оставаясь членами колхоза. В результате фактическая нагрузка земли по колхозу на каждого оставшегося трудоспособного составила не 3, а 7 га⁹⁹. Этот пример доказывает, что в условиях Центрального экономического района, где существовали многочисленные промышленные предприятия и богатые традиции отходничества, бумажные расчеты нагрузки пашни на одного трудоспособного колхозника очень часто были далеки от реальности.

По мере того как практика переселений и оргнаборов утрачивала мобилизационный характер, и особенно после либерализации, наступившей в середине 50-х гг., на местах все отчетливее стало обозначаться противодействие проводимым мерам.

Постепенно обозначалось все более активное сопротивление местных властей, не желавших терять рабочую силу. На практике это выливалось в препятствия, чинимые заключению договоров с колхозниками, игнорирование вербовщиков¹⁰⁰. Иногда от переселяющихся местные органы власти требовали справки о согласии на переселение руководителя хозяйства, предписывали возвращать недоимки, чем нарушали закон о переселении¹⁰¹. Любопытно, что в 1949 г. на вопрос проверяющих выполнение плана переселения в Калужской, Костромской, Рязанской и Ярославской областях о

причинах невыполнения задания был дан ответ, что местные руководители о нем не знали. Совершенно ясно, что в конце 40-х гг. можно было позволить себе не знать лишь о том задании, за выполнение которого строго не спрашивали (либо задание не было доведено до исполнителей, что не менее показательно). Несвоевременный расчет с государством по госпоставкам имел гораздо более серьезные последствия, нежели срыв плана отбора переселенцев. Понимая это, местные руководители разных уровней из двух зол выбирали меньшее. Из многочисленных примеров несогласия с планом переселения приведем лишь несколько. В 1952 г. второй секретарь Ульяновского райкома ВКП(б) Калужской области Степанова открыто заявляла, что «...не будет возражать, если ее снимут за переселение с работы»¹⁰². Тогда же секретарь Орловского обкома партии Волков подверг сильной критике редактора Задонской районной газеты за опубликование материала по переселению и запретил печатать материал по переселению, а зав. сектором печати обкома дал письменное указание райкомам партии, запрещающее опубликовывать материал по переселению без ведома обкома. Председатель колхоза из Верховского района Орловской области Сапунов «27 мая с.г. (1952 — О.Г.) обругал инспектора переселенческого отдела т. Минаева нецензурными словами и выгнал из райисполкома, заявивши: "я сам все сделаю, нечего ездить по сельсоветам"»¹⁰³.

Такая смелость в высказываниях и поступках ясно говорила об одном: программа переселения зашла в тупик. Причем все чаще местные руководители в своем неприятии переселенческой программы опирались на мнение «обратников», т.е. вернувшихся переселенцев. При этом, несмотря на относительно небольшое количество вернувшихся по отношению к укоренившимся переселенцам, их влияние на формирование негативного общественного мнения в местах выхода было чрезвычайно сильным. В 1952 г. в Шилловский район Рязанской области из 65 семей переселенцев на Карельский перешеек вернулось 16. В результате, по донесению местных переселенческих органов, «в этом районе совершенно прекратилось переселение в Ленинградскую область и район был переключен на Свердловскую область»¹⁰⁴. При определении направлений переселения обычно старались учитывать принцип совпадения природных условий, сформулированный еще в 1918 г. в «Законе о социализации земли»¹⁰⁵. Из лесной зоны переселяли в лесную, из степи в степь и т.д. Это, однако, не становилось достаточным условием ассимиляции переселенцев. Согласно сведениям из Калининградской области, в 1950 г. из 4664 переселившихся выбыло 968, в 1951 г. из 1326 — 174, в 1952 г. из 7489 — 1191 чел.¹⁰⁶

Следует принять во внимание, что обычно возвращалось меньше колхозников, чем желало вернуться. Дело в том, что, по существовавшим пра-

вилам, «обратники» были обязаны компенсировать все средства, затраченные государством на их переселение. Это сдерживало обратный поток, а некоторые вернувшиеся подолгу скрывались от переселенческих органов. Возвращались потому, что отношение к переселенцам в местах вселения часто было совершенно равнодушным, а иногда даже враждебным. Письмо из Молотовской области, датированное 1951 г., сообщает, что здесь «переселенцев не встретили, квартирами не обеспечили и плюс к тому обложили налогами. Угрожают убийством, гонят из колхоза»¹⁰⁷. Наполнено отчаянием письмо в Брянский облисполком переселенца в Котласский район Архангельской области Болокова: «Условий нет и не дают и нету. Просьба людей не обманывать, беззащитных людей, мы как здесь последние, прав не имеем. Пусть страдаем мы, а Вам проклятье!»¹⁰⁸

В числе причин выбытия были также слабость колхозов, потребность местных промышленных предприятий в рабочей силе, некачественный отбор переселенцев, среди которых попадались люди, не имевшие отношения к сельскому хозяйству. Информация из мест вселения тщательно дозировалась, замалчивались негативные факты. Вынужденные реагировать на большое количество «обратников», власти старались очернить этих людей. Рассматривая вопросы переселения, Калужский облисполком в 1948 г. принял документ, в котором говорилось: «Спас-Деменский райисполком... допустил серьезную ошибку, отправив в Амурскую область недобросовестных переселенцев (следуют фамилии — О.Г.). Не желая работать в колхозах, они возвратились в район и в настоящее время безнаказанно распространяют провокационные измышления о "голодовке" в пограничных областях и т.д.». В конце документа озабоченно указывалось на то, что эти люди «не только не привлекаются к ответственности, но и поощряются»¹⁰⁹. Последнее обстоятельство говорит о том, что «обратники» помогали руководителям хозяйств сохранять рабочую силу. Колхозники скорее были склонны доверять бывшим переселенцам, чем официальной пропаганде.

В создавшейся ситуации вербовщики были вынуждены действовать едва ли не по-партизански, без согласования с администрацией хозяйств. Очень часто они вербовали людей там, где были наихудшие условия, тем самым осложняя положение оставшихся работать в этих отсталых хозяйствах¹¹⁰. Есть сведения о попытке переселения людей дважды судимых и тех, кого именовали «околоколхозный элемент»¹¹¹.

Характерно постепенное изменение тона руководящих документов. Еще в 1950 г. была возможна фраза «Председатель райисполкома т. Прудников допустил распространение антигосударственных настроений о том, что в районе нет желающих на переселение»¹¹². Уже в ближайшие несколько лет оценки стали мягче, виновники трудностей с переселением более не

персонифицировались. В 1953 г. в «неперспективных» районах (Перемышльский и Хвостовичский Калужской области) были ликвидированы должности инспекторов по переселению без попытки замены исполнителей¹¹³.

В 1951–1952 гг. программа сельскохозяйственного переселения была слегка подкорректирована. Во-первых, сокращался отбор. В ЦЭР был снят план переселения с Ярославской области, а в Московской он был уменьшен¹¹⁴. При этом сохранялся порядок формирования плана по итогам предшествующего года, т.е. от достигнутого. Поэтому нередко местные органы власти не торопились выполнять план, «чтобы иметь лишний козырь к получению меньшего плана» в следующем году¹¹⁵. Во-вторых, 19 ноября 1951 г. было издано постановление СМ СССР, согласно которому переселение указывалось производить в основном целыми колхозами или бригадами. Это мотивировалось тем, что «в селах, как правило, соглашается на переселение отдельная группа людей, связанная родственными отношениями или производственной деятельностью»¹¹⁶. В-третьих, были скорректированы льготы переселенцам, причем большое внимание уделялось освобождению от налогов, или же их смягчению. Списывались все недоимки по обязательным поставкам продуктов сельского хозяйства, а также по денежным налогам и страховым платежам; в местах вселения в первый год переселенцы полностью освобождались от сельскохозяйственного налога, от подоходного налога с доходов от сельского хозяйства, от страховых платежей и обязательных поставок государству продукции с приусадебных участков и от поставок продуктов животноводства. В последующие 3 года поставки и налоги взимались в размере 25% от норм поставок и ставок налога¹¹⁷. Учитывая тяжесть госпоставок для крестьянского двора в послевоенной советской деревне, эти льготы следует признать довольно серьезными.

В то же время, именно с 1952 г. появляются свидетельства нечестной игры с переселенцами со стороны переселенческих органов — еще одно свидетельство кризиса переселенческой политики. Например, в Брянской и Калининской областях старались воздерживаться от посылки квартирьеров в места вселения, чтобы не давать предварительной информации об условиях будущего проживания¹¹⁸. Дело в том, что впечатления «ходоков» не только влияли на состояние текущего отбора, но и нередко формировали негативное общественное мнение в местах выхода, т.е. работали «на перспективу». Так, в 1952 г. «ходоки» из Костромской области отчитались, что им очень понравилось в месте будущего проживания, но ни один из них переселяться не захотел¹¹⁹.

Кроме того, поступали предложения даже запретить руководителям районов вселения давать в районы выхода переселенцев всякого рода указания о количестве семей, которые могут быть ими приняты, поскольку это

дезорганизовывало работу по отбору семей¹²⁰. Получалось, что переселенческие органы, выполняя план, игнорировали не только ситуацию с трудовыми ресурсами в местах выхода, к чему уже все привыкли, но также не учитывали положение в местах вселения, что выглядело уже полным абсурдом. Одновременно признавалось, что бригадное переселение гораздо труднее, чем организация переезда отдельных семей, поскольку негативное отношение к переезду формировалось в этом случае гораздо проще.

Примечательно, что в архивных документах не содержится упоминаний о наказании исполнителей, срывавших или саботировавших сельскохозяйственное переселение. По всей видимости, на правительственном уровне негласно признавалось, что баланс трудовых ресурсов в местах выхода недостаточен для выполнения полномасштабной переселенческой программы. Стоит также принять во внимание, что переселение в колхозы проводилось одновременно с организованным набором рабочих, и количество колхозников, отобранных для работы в промышленность, обычно существенно превышало число переселенных в колхозы и совхозы. Например, в 1949 г. из села Костромской области по оргнабору выбыло 5,9 тыс. чел., по переселению — 2,2 тыс. чел.; Орловской — соответственно 13,6 и 2,1 тыс. чел.¹²¹

Хрущевская либерализация инициировала волну просьб местных властей о снятии или хотя бы сокращении плана переселения. Руководство Владимирской области аргументировало свой протест по плану 1953 г. тем, что рабочих в области больше, чем колхозников (более 56% всего населения), а потому колхозы совершенно без рабочих рук¹²². Тем не менее, в последующие годы Владимирская область продолжала оставаться в числе территорий-доноров. Дело в том, что в 1950-е гг. изменились критерии отбора переселенцев. В это время началось массовое создание совхозов. Соответственно, большее распространение совхозы начали получать и в местах нового освоения. Именно поэтому в конце 1950-х — 1960-е гг. чаще стали говорить не только о переселении колхозников, но еще и рабочих и служащих. А значит, жалобы на оскудение сельских трудовых ресурсов в местах выхода можно было смело игнорировать.

Начало новой политики совпало с ведомственной реорганизацией. В 1956 г. Главное переселенческое управление и Главное управление оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР объединились в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР¹²³.

В середине 1950-х гг. обнаружилось стойкое нежелание переселенцев ехать в северные районы страны. В 1956 г. это даже привело к перераспределению планового задания по Калужской области. Вместо Архангельской области и Карело-Финской ССР колхозников послали в Молотовскую

(Пермскую) область¹²⁴. Тому предшествовали попытки силового давления на не выполнявших план представителей местных властей, не увенчавшиеся успехом¹²⁵. Возможно, одной из причин невысокого энтузиазма была перспектива использования части переселявшихся в Карело-Финскую ССР для работы на Беломорско-Балтийском канале¹²⁶.

Архивные материалы, касающиеся переселения в 1958–1961 гг. носят единичный характер. По всей вероятности, это объясняется нежеланием переселенческих отделов работать в явно неблагоприятной обстановке — на фоне успехов, достигнутых в сельском хозяйстве в середине 1950-х гг. И хотя на рубеже десятилетий положение в этой сфере снова ухудшилось, очевидно, что новая переселенческая традиция еще не успела сформироваться. Имели влияние и продолжающие поступать негативные отзывы с мест вселения. В отчетах указывалось также на волокиту в деятельности отдела по переселению и, как следствие, на низкую популярность его в народе¹²⁷. Нередки были задержки с отправкой переселенцев, приводившие к невозможности наладить хозяйство до наступления холодов¹²⁸.

План переселения постепенно снижался с нескольких сотен до сотни и менее семей на область в год, но и это не гарантировало его выполнения. Поэтому в начале 1960-х гг. Главпереселеноргнабор был вынужден прибегнуть к практике распыления отбора, прежде подвергавшейся нещадной критике. Различие состояло в том, что если раньше руководители трудоизбыточных областей распыляли план отбора по всем районам, без учета состояния трудовых ресурсов в каждом из них, то теперь распыление плана производилось на уровне главка. К отбору переселенцев подключались либо области с большим недостатком трудовых ресурсов, либо подмосковные, сильно терявшие население в миграционном обмене со столицей и потому исключенные ранее из плана отбора. Именно таким образом в план переселения 1966 г. снова попали Калужская и Костромская области¹²⁹.

В 1959 г. довольно существенно изменился характер льгот, предоставляемых переселенцам. В условиях, когда налоги перестали играть существенную роль в бюджете колхозников, наиболее значимыми выплатами оказывались льготы на обзаведение. Ссуда на строительство до 3500 руб. (обычно давалась меньше) выдавалась на срок до 10 лет под 2% годовых. Кроме того, давался кредит в сумме 300 руб. на покупку коровы¹³⁰. Одновременно давала себя знать инерция подходов. По-прежнему в льготах фигурировало утратившее актуальность обещание освобождения переселенцев от обязательных поставок.

Очень скоро льготы снова пришлось пересматривать. В 1965 г. было обращено внимание на то, что много переселенцев выбывает из-за необеспеченности коровами. В районах вселения корова стоила не 300, а 450–600

руб. Кроме того, признавалось, что условия предоставления ссуды на строительство оказывались слишком тяжелыми для переселенцев¹³¹. Поэтому появился новый проект указа о льготах переселенцам. После процедуры ведомственного согласования в нем осталось довольно мало от первоначальных, довольно взвешенных предложений. В итоговом варианте ссуда на строительство планировалась в прежнем, правда максимальном размере 3500 руб. на 17 лет под 0,5% годовых с погашением 35% за счет государственных средств, кредит на корову — 300 руб., т.е. в прежнем размере.¹³² Совершенно ясно, что предложенные косметические поправки не могли существенно изменить характер переселения.

В 60-е гг. стало возможным говорить о дальнейшем снижении роли переселенческих отделов в жизни региона. План набора оставался низким. Работники отделов находились перед трудным выбором: с одной стороны, переселенцы легче всего вербовались в колхозах из-за низкого уровня жизни, с другой — с учетом демографических реалий ставилась задача приоритетного переселения городских жителей и рабочих совхозов, которые переезжали неохотно. В качестве цели переселения выбирались чаще совхозы, а старая инструкция запрещала переселение колхозников не в колхозы. В этой ситуации деятельность переселенческих органов становилась весьма условной. Колхозники почти совсем исключались из плана переселения¹³³. Как следствие, в 1967 г. была проведена очередная реорганизация: функции Главпереселеноргнабора возлагались на Госкомитет СМ РСФСР по использованию трудовых ресурсов¹³⁴. Этим шагом признавалось снижение эффективности программы сельскохозяйственного переселения и делалась попытка ее адаптации к изменившейся ситуации.

Деятельность переселенческих органов в итоге не была остановлена, но она не могла оказать (к сожалению или к счастью) сколько-нибудь значительного влияния на изменение баланса трудовых ресурсов на местах. Так, по данным за 1968 г., на 1600 чел., переселенных в организованном порядке, приходилось более 90 тыс. чел., выбывших с прежних мест жительства самостоятельно¹³⁵.

Опыт советского сельскохозяйственного переселения в послевоенные десятилетия вряд ли стоит признать удачным. Игнорирование состояния трудовых ресурсов и привычных путей оттока рабочей силы в местах выхода, обслуживание ближайших политических и не всегда продуманных экономических целей не могли создать прочных традиций в переселении сельских жителей региона. В то же время из-за сравнительно небольших масштабов организованные формы выбытия не могли конкурировать со стихийной миграцией. Поэтому их роль в депопуляции села Центральной России ограничена.

Маятниковая миграция

Фактический отток сельского населения был значительно большим, чем количество переселившихся в города, так как большое количество сельских жителей работало на городских предприятиях и в учреждениях. При первой возможности эти люди перебирались в города, а потому их надо рассматривать как потенциальных мигрантов.

Для села центрального Нечерноземья маятниковая подвижность населения достаточно распространенное явление и в значительной степени связана с традициями отходничества, порожденными близостью промышленных центров. В начале XX в. количество отходников из сел Центра измерялось сотнями тысяч. Наибольшее их число давали Костромская, Рязанская, Ярославская губернии¹³⁶. Отходничество было неизбежным явлением в условиях индустриального окружения. Б.Энгел предполагает, что взаимодействие с миром за пределами деревни давало крестьянам возможность быстрее приспособиться к переменам, которые принесла индустриализация¹³⁷. На наш взгляд, такое поведение было необходимым в условиях городского окружения. При этом крестьянство не только приспосабливалось к индустриализации, но сумело гибко использовать предоставленные городом возможности. В результате происходила предсказанная А.В.Чаяновым рыночная эволюция крестьянского мира.

Замечено, что уровень жизни выигрывал только в тех районах, где отход существовал давно. На этом основании делается вывод, что отходничество становилось частью жизненного уклада¹³⁸. Вообще в литературе присутствует некоторая идеализация дореволюционного отхода, что естественно, если принять во внимание разрушительные для села последствия взаимодействия с городом в советское время. «Отходники приносили в деревню чуждые для нее обычаи, но влияние этих обычаев не было настолько сильным, чтобы сломать иммунитет общины»¹³⁹. Отмечается положительное влияние процесса: «Отходничество расширяло кругозор, повышало общий культурный уровень, делало крестьян восприимчивыми к иным системам ценностей и способам поведения, к новшествам. “Отчего промышленный ярославец, которому больше хлопот и беготни, нежели земледельческому крестьянину, смысленнее нашего пензенца, не дичится никакого улучшения, и сына непременно учит грамоте, и дети опрятны и не ходят в оборывшах, да и дом его зажиточен?...”»¹⁴⁰.

Процесс медленного «врастания» деревни в город был прерван во второй половине 1920-х гг. Активное наступление государства на доколхозную деревню придавало контактам с городом совсем иное содержание. Прежде город не отрицал деревню, вполне допуская возможность сельской альтернативы. Теперь же «пензенцам» места не находилось. Впрочем, и

«промышленные ярославцы» вынуждены были распрощаться с рыночным отходом. Город не поддерживал хозяйство крестьянского двора, как прежде, а замещал его.

В зависимости от степени урбанизированности сельского населения характер маятниковых перемещений сельских жителей менялся. Во второй половине 40-х — начале 50-х гг. трудовая маятниковая миграция из села часто производилась в форме организованных сезонных работ, причем работать приходилось преимущественно опять-таки в сельской местности. Принципы набора сезонных рабочих соответствовали порядку вербовки по оргнабору и для сельскохозяйственного переселения. Судьба набора сезонных рабочих также оказалась схожей. Вербовка их наталкивалась на серьезное сопротивление руководителей хозяйств, которые в итоге и одержали победу. Есть указания на то, что отходничество в чистом виде приветствовалось в гораздо большей степени, и справку об отходничестве было подчас получить легче, чем разрешение на выезд на сезонные работы по оргнабору¹⁴¹. Дело в том, что сезонные работы часто давали еще одну узаконенную возможность для оставления хозяйства. Справка об отходничестве служила гарантией возвращения. Поэтому по решению Министерства сельского хозяйства СССР летом 1950 г. требование таких справок при устройстве на работу в городах было признано обязательным¹⁴².

Размеры неорганизованного трудового отхода также были значительными, причем не вызывает сомнения преобладание послевоенной стихийной маятниковой миграции по отношению к традиционному крестьянскому отходничеству. Например, только в Калужской области в 1947 г. на внеколхозные заработки самовольно уходило более 25 тыс. колхозников¹⁴³. Если в целом по РСФСР в 1950 г. отходничеством занималось около 8% сельского населения, то в Московской области его уровень составлял 33,3%, во Владимирской — 25,1%, в Калужской и Ивановской — по 15%¹⁴⁴.

Часто самовольный отход имел следствием исключение из колхозов всех членов семьи колхозника. Особенно много таких случаев отмечалось в Брянской и Рязанской областях. Поскольку подобная практика стимулировала дальнейший отток из колхозов, она была признана неправильной¹⁴⁵.

В первые послевоенные годы крестьяне совершали множественные поездки в город, а также в село других регионов за продовольствием. В 1946 г. отмечалось, что в городах Ивановской области основными покупателями коммерческого хлеба являлись приезжие из сельских районов. «Очереди у коммерческих магазинов создаются, главным образом, за счет колхозников, приезжающих в город за хлебом»¹⁴⁶. Колхозники Смоленской, Орловской и Калужской областей выезжали за хлебом в западные районы Украины, Белоруссии и Прибалтики. В колхозе «Наука Ленина» Калужской

области «девять колхозников бросили колхозную работу и уехали за хлебом». В колхозе «Серп и Молот» «колхозница Тарасова ездила за хлебом 13 раз и привезла в общей сложности 135 пудов, из которых ею продано 43 пуда на сумму 20 тыс. руб.»¹⁴⁷.

Корреспондент газеты «Правда» Земцов в 1946 г. писал: «Из Смоленской, Курской, Орловской и Великолукской областей в деревни Брестской, Гродненской, Барановичской, Молодечненской областей идет бесконечный, многотысячный поток людей, перебирающийся и по железной дороге, и пешком, и на коровах. Они прибывают сюда для того, чтобы приобрести хлеба (одни — на деньги, другие — в обмен на домашние вещи). Их здесь называют «жебраками», что на белорусском языке означает «нищие»¹⁴⁸.

После снижения коммерческих цен на промышленные товары в 1946 г. жители села еще чаще стали посещать городские магазины. «В коммерческих магазинах г. Рязани большой спрос на макароны, хлеб, дешевую рыбу, мясо. В связи с наплывом покупателей в некоторых магазинах пришлось открыть дополнительные кассы. Покупатели главным образом колхозники»¹⁴⁹.

При определении интенсивности маятниковой миграции специализация хозяйства (колхоза или совхоза) не играла решающей роли. В 1953 г. статистические органы Ивановской области предприняли попытку увязать количество колхозников, работающих в государственных и кооперативных организациях без отрыва от семьи с профилем хозяйства. Выяснилось, что в зерновых и животноводческих районах не менее половины трудоспособных колхозников в обследованных хозяйствах работали вне колхоза (в Наволокском — 9 из 13, в Шуйском — 7 из 13, в Кинешемском — 7 из 14). В районах с преобладанием хозяйств технического направления дело обстояло иначе — в выборке по Палехскому району на производстве работало только 2 из 15, в Лужском районе — 2 из 16 трудоспособных мужчин. Попутно признавалось, что главной причиной столь существенных различий была не хозяйственная специализация, а то обстоятельство, что в районах технических культур в силу их отдаленности от городских центров почти отсутствовали промышленные предприятия, а для работы на производстве было необходимо отрываться от семьи и проживать в другом районе, где располагалось промышленное предприятие¹⁵⁰. Показательно, что внеколхозная занятость женщин часто была даже выше, чем мужчин. Такая ситуация весьма характерна для Ивановской области, где имеется большое количество текстильных фабрик.

Более существенные отличия в размерах маятниковой миграции существовали в 1950-е гг. между передовыми и отсталыми хозяйствами. Ниже приводятся данные, характеризующие отвлечение трудоспособных от рабо-

ты в передовом («Ленинский путь») и отсталых хозяйствах («Великий» и «1 Мая») Калининской области¹⁵¹. При этом отсталый колхоз «Великий» был расположен ближе к городу, чем «1 Мая».

Таблица 13.

Колхоз	Работа колхозников в государственных и кооперативных организациях, в % к выработанным трудодням			
	без отрыва от семьи		с отрывом от семьи	
	трудоспособные мужчины	трудоспособные женщины	трудоспособные мужчины	трудоспособные женщины
«Ленинский путь»	6,6	7,0	9,0	64,6
«Великий»	43,1	0,4	13,9	36,5
«1 Мая»	2,8	26,8	61,6	73,4

Маятниковая миграционная активность мужчин и женщин вызывалась разными причинами. Представляется, что у мужчин определяющим был фактор заработка, а у женщин — условий труда. Ежедневные маятниковые перемещения (без отрыва от семьи) самими значительными были у трудоспособных мужчин отсталого пригородного колхоза «Великий». Что касается долговременного отхода, то его интенсивность у мужчин прямо зависела от возможности заработать на месте; наиболее сильной поэтому маятниковая миграция трудоспособных мужчин была в отдаленном отсталом колхозе «1 Мая». Долговременный отход трудоспособных женщин слабо зависел от уровня благосостояния хозяйства, так как условия труда в разных типах хозяйств были схожими. Несколько меньшим уровень миграции с отрывом от семьи у женщин был в колхозе «Великий», поскольку более легкую работу вне колхоза можно было найти куда-то не уезжая.

Легко предположить, что в ходе дальнейшей урбанизации и роста количества промышленных предприятий на фоне застойного аграрного производства количество несельскохозяйственного населения в сельской местности должно было возрасти. Так и происходило. Еще в 1965 г. в маятниковую миграцию было вовлечено 3,5% сельского населения страны. Спустя десятилетие доля маятниковых мигрантов увеличилась до 6%¹⁵². По мере выравнивания доходов городских и сельских жителей миграция с целью заработка отходила на второй план. По-прежнему актуальным был поиск более щадящих условий труда. Как и прежде, большое количество жителей села ездило в город за покупками. Больше, чем раньше, стали ездить на учебу, а также с рекреационными целями (городские формы проведения досуга естественно предпочитались сельским).

В зависимости от мотивации интенсивность поездок в города существенно менялась. В ежедневные поездки на работу вовлекалось сельское на-

селение, проживавшее в пределах двухчасовой доступности от города. С культурно-бытовыми и деловыми целями совершали поездки люди, жившие в зоне 3–4-х часовой досягаемости от центра. Перемещения этого типа были гораздо более редкими (10 раз в год и чаще)¹⁵³.

Закономерности маятниковой миграции многократно описаны, определена ее роль как индикатора урбанизма (чем больше работающих в сельском хозяйстве, тем меньше маятниковая миграция¹⁵⁴). Однако из-за ограниченности доступных источников ее сравнительный анализ по областям Центра затруднен. Наиболее информативная на этот счет Всесоюзная перепись населения 1970 г. учитывала количество маятниковых мигрантов лишь по крупнейшим городам и их пригородным зонам без вычленения в итогах собственно сельских жителей¹⁵⁵. С трудом можно доверять и данным сельскохозяйственного учета работавших в городе — часто они были неточны¹⁵⁶. Поэтому исследователи часто вынуждены оперировать разрозненными сведениями по отдельным регионам¹⁵⁷. На наш взгляд, не будет ошибкой, опираясь на косвенные данные, увязать развитие процесса с характером городского развития, а также с транспортной насыщенностью территории.

Это предположение в целом соответствует данным проведенного в конце 1970-х гг. исследования. Наиболее высокий коэффициент маятниковой миграции — свыше 100 на тысячу жителей при ограниченных возможностях ее последующего роста имели Владимирская, Калужская, Московская и Тульская области. Во вторую группу входили Брянская и Орловская области (70–90 чел. на тысячу) с резервами для дальнейшего увеличения. В третьей группе оказались Ивановская, Костромская, Рязанская и Ярославская области (60–70 чел. на тысячу). Наконец, самой низкой (40–60 чел. на тысячу жителей) маятниковая миграция оказалась в Калининской и Смоленской областях¹⁵⁸. Во всех случаях интенсивность перемещений позволяла судить о развитости пригородных зон, в которых, собственно, и совершается маятниковый обмен. Вообще в 70-е — 80-е гг. модель маятниковой миграции в Нечерноземном Центре уже была очень близка к современной, основанной на закономерностях функционирования городской агломерации. В новых условиях маятниковые перемещения были абсолютно необходимым звеном городской системы, при этом их роль постоянно возрастала. Одновременно происходило сокращение безвозвратной миграции. Имела место прямая корреляционная зависимость между интенсивностью перемещений и состоянием транспорта: маятниковая миграция шла тем интенсивнее, чем более развитой была транспортная сеть¹⁵⁹.

Обращаясь к качественным характеристикам мигрантов, следует сказать, что маятниковых мигрантов-мужчин было несколько больше (около 60%), причем они были моложе, чем женщины. Кроме того, было замечено, что в реги-

лярные поездки в город вовлекались, как правило, наименее образованные и квалифицированные жители села (данные по Пушкинскому району Московской области)¹⁶⁰. В Подмоскovie процесс маятниковых перемещений оказался очень тесно связанным с пресловутым набором рабочей силы «по лимиту». Административные ограничения на проживание в Москве определили российскую специфику маятниковой миграции в сравнении со странами Запада. У нас мигрантами в подавляющем большинстве были не выехавшие в пригород москвичи, а желавшие пробыть в столице подмосковичи¹⁶¹.

Неоднократно обращалось внимание на двоякую роль маятниковой миграции. С одной стороны, она способствовала дальнейшей урбанизации села, готовя почву для последующих переездов в город. С другой, в ходе маятниковых перемещений реализовывались городские потребности сельских жителей, и это способствовало стабилизации населения. Видя в маятниковых мигрантах потенциальных переселенцев в город, невозможно предположить их в каждом, совершающем, например, покупки в городе, хотя регулярность таких покупок и может в какой-то степени свидетельствовать о городской ориентации. По мере урбанизации села возрастало значение маятниковых перемещений как неотъемлемой составляющей современного быта, а их дестабилизирующая функция по отношению к системе сельского расселения постепенно исчезала.

¹ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С.56.

² Там же.

³ Кудрявцев В.В. Переписи 1959 и 1970 гг. как исторический источник для изучения социального развития советской деревни. Дисс... канд. ист. наук. М., 1988. С.10.

⁴ Попов В.П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. С.129-130.

⁵ Там же. С.145.

⁶ РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.538, л.96.

⁷ Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. С.151.

⁸ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С.56.

⁹ Сост. по: РГАЭ, ф.1562, оп.44, д.2583. С.42-43; оп. 336-IV, д.7872. С.8, 28-29; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том I. С.10-11.

¹⁰ Вербицкая О.М. Колхозное крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С.84; Зима В.Ф. Указ. соч. С.165.

¹¹ Зима В.Ф. Указ. соч. С.165.

¹² Сост. по: РГАЭ, ф.1562, оп.49, д.1825, л.21-22; ГАРФ, ф.А-374, оп.11, д.477, л.1.

¹³ Вербицкая О.М. Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950) // История СССР. 1980. № 5. С.130.

¹⁴ РГАСПИ, ф.82, оп.2, д.538, л.96, 98.

¹⁵ Сост. по: ГАРФ, ф.А-374, оп.11, д.445, д.775; оп.30, д.11982.

¹⁶ Сост. по: ГАРФ, ф.А-374, оп.30, д.11982; оп.36, д.3825, л.1; РГАЭ, ф.1562, оп.48, д.1252, л.2; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С.10-12.

- ¹⁷ Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 85-86.
- ¹⁸ ГАРФ, ф.А-374, оп.11, д.1000, л.35.
- ¹⁹ Там же, оп.32, д.3092, л.36.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Сост. по: Возрастной состав населения РСФСР (по данным переписи 1970 г.). С.144, 147, 150, 153, 156, 159, 163, 166, 169, 172, 175, 178.
- ²² Сост. по: Там же. С.79.
- ²³ См.: Нечерноземье: демографические процессы. М., 1977. С.15.
- ²⁴ ГАКО, ф.3469, оп.1, д.10116, л.32.
- ²⁵ Там же, л.33.
- ²⁶ Кутафьева Э.С., Москалева Н.И. и др. Указ. соч. С.24.
- ²⁷ ГАБО, ф.2419, оп.1, д.3524, л.16.
- ²⁸ Сост. по: Возрастной состав населения РСФСР. С.144, 147, 150, 153, 156, 159, 163, 166, 169, 172, 175, 178.
- ²⁹ Советская Россия, 1987, 2 сентября.
- ³⁰ См.: Панкратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С.104.
- ³¹ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С.15.
- ³² См.: Староверов В.И. Социологическое изучение миграции сельского населения. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1979. С. 226.
- ³³ Панкратова М.Г. Указ. соч. С.105.
- ³⁴ См.: Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С.87.
- ³⁵ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С.121.
- ³⁶ Она же. Изменение численности и состава колхозного крестьянства... С. 134.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Известия, 1979, № 163,164.
- ³⁹ См.: Смирнов В. Д. Оценка последствий урбанизации в истории сельского хозяйства и крестьянства Западного района РСФСР // Сельское хозяйство и крестьянство Нечерноземья в период строительства социализма. Смоленск, 1979. С. 51.
- ⁴⁰ Кутафьева Э.С. Москалева Н.И. и др. Указ. соч. С. 45.
- ⁴¹ Социальные факторы и особенности миграции населения в СССР. М., 1978. С.123.
- ⁴² Староверов В.И. Указ. соч. С. 70.
- ⁴³ Там же. С. 332.
- ⁴⁴ Кутафьева Э.С. Москалева Н.И. и др. Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁵ ГАРФ, ф.310, оп.1, д.6498, л.98-99, 102-103; д.6915, л.54-55.
- ⁴⁶ Денисова Л.Н. Указ. соч. С.43.
- ⁴⁷ ГАБО, ф. 6, оп. 6, д. 54, л. 353.
- ⁴⁸ Никитасва Е.Б. Указ. соч. С.451.
- ⁴⁹ Агропромышленная интеграция и социальная структура сельского населения СССР. М., 1989. С. 61.
- ⁵⁰ РГАСПИ, ф.591, оп.1, д.164, л.183.
- ⁵¹ Кутафьева Э.С. Москалева Н.И. и др. Указ. соч. С. 48.
- ⁵² Староверов В.И. Теоретико-методологические вопросы... С. 69.
- ⁵³ Некоторые точки зрения представлены в следующих работах: Безнин М.А., Димони Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е гг.; Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. С.243; Москвитина Р.А. Социокультурные

- процессы российского села (70-е – 90-е гг. XX в.). Дисс... докт. историч. наук. Саратов, 1998. С.78; Чижигов В.М. Указ. соч. С. 64.
- ⁵⁴ Миграция населения РСФСР. М., 1974. С. 50.
- ⁵⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С.24-25; ГАРФ, ф.А-310, оп.1, д.6618, л.1-2,5-6,9-10; д.7007, л.230, 238-239.
- ⁵⁶ При учете количества колхозников-мигрантов существует одна особенность, на которую обратил внимание В.П.Попов: к колхозникам перепись относилась и тех, кто являлся колхозником лишь юридически, а фактически им уже не был. В этом смысле можно говорить об определенной нетождественности данных Всесоюзных переписей населения и годовых отчетов колхозов, учитывавших только наличных членов колхоза (Попов В.П. Колхозное крестьянство центральных областей Нечерноземной зоны РСФСР в 1959-1970 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. М.,1982. С.196).
- ⁵⁷ ГАБО, ф.6, оп.4, д.1230, л.379.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же, д.1190, л.9.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Демографические проблемы занятости. С. 172.
- ⁶² Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 59.
- ⁶³ Миграция населения РСФСР. С. 25.
- ⁶⁴ Сост. по: Там же. С.25-28.
- ⁶⁵ Зайончковская Ж.А. Указ. соч. С. 72-74.
- ⁶⁶ Там же. С.75.
- ⁶⁷ Сост. по: РГАЭ, ф.1562, оп.45, д.9780, л.1,5, 22-23.
- ⁶⁸ Ковалев Е.М. Современные миграционные процессы в Тверской области // Территориальная организация сельской местности Нечерноземья. Тверь, 1993. С.68-69.
- ⁶⁹ Миграция населения РСФСР. С.98-121.
- ⁷⁰ ГАРФ, ф.А-374, оп.32, д.7042,7043.
- ⁷¹ Сост. по: РГАЭ, ф.1562, оп.45, д.9780, л.28.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Миграция населения РСФСР. С.19.
- ⁷⁴ ГАБО, ф.2419, оп.1, д.1444, л.8; д.1438, л.113.
- ⁷⁵ Евтеева Н.В. Кто и почему возвращается в село // Социологические исследования. 1987. № 2. С.61-64.
- ⁷⁶ Шабанова М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. Новосибирск, 1991. С. 35.
- ⁷⁷ Староверов В.И. Указ. соч. С.149.
- ⁷⁸ ГАБО, ф.2419, оп.1, д.1444, л.8; д.1438, л.113.
- ⁷⁹ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С.82, 74.
- ⁸⁰ ГАКО, ф.883, оп.15, д.89, л.130.
- ⁸¹ Казаков А.И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск, 1988. С.73.
- ⁸² ГАКО, ф.883, оп.15, д.89, л.135.
- ⁸³ Зима В.Ф. Указ. соч. С.206.
- ⁸⁴ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.443, л.78
- ⁸⁵ ГАБО, ф.6, оп.3, д.130, л.214.
- ⁸⁶ Там же, д.212, л.336.

- ⁸⁷ ГАКО, ф.883, оп.16, д.196, л.249.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.443, л.38–39; д.441, л.86.
- ⁹⁰ Там же, д.442, л.24.
- ⁹¹ Там же, д.441, л.92.
- ⁹² Там же, д.561, л.2.
- ⁹³ Там же, д.441, л.92.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ ГАКО, ф.883, оп.16, д.396, л.7.
- ⁹⁶ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.561, л.1–2.
- ⁹⁷ Там же, л.14.
- ⁹⁸ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.473, л.3.
- ⁹⁹ Там же, д.590, л.45.
- ¹⁰⁰ ГАБО, ф.6, оп.3, д.370, л.133.
- ¹⁰¹ ГАКО, ф.883, оп.16, д.1149, л.10.
- ¹⁰² ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.590, л.52.
- ¹⁰³ Там же, д.591, л.45.
- ¹⁰⁴ Там же, д.592, л.161.
- ¹⁰⁵ Вестник комиссариата внутренних дел, 1918, 22 февраля.
- ¹⁰⁶ РГАЭ, ф.5675, оп.1, д.641, л.26.
- ¹⁰⁷ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.503, л.15.
- ¹⁰⁸ Там же, л.194.
- ¹⁰⁹ ГАКО, ф.883, оп.16, д.663, л.30.
- ¹¹⁰ Волков И.М. Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы. Дисс... докт. ист. наук, М., 1968. С.425.
- ¹¹¹ ГАКО, ф.883, оп.16, д.1148, л.70.
- ¹¹² Там же, оп.17, д.735, л.20.
- ¹¹³ Там же, оп.16, д.1420, л.34.
- ¹¹⁴ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.503, л.117.
- ¹¹⁵ Там же, д.590, л.10.
- ¹¹⁶ Там же, д.591, л.19.
- ¹¹⁷ Там же, д.590, л.35.
- ¹¹⁸ Там же, д.518, л.147.
- ¹¹⁹ Там же, л.88.
- ¹²⁰ Там же, л.138.
- ¹²¹ ГАРФ, ф.А-374, оп.11, д.593, л.66, 88. ✎
- ¹²² Там же, ф.А-327, оп.2, д.590, л.74.
- ¹²³ ГАБО, ф.6, оп.3, д.1507, л.207.
- ¹²⁴ ГАРФ, ф.А-327, оп.2, д.503, л.15.
- ¹²⁵ ГАКО, ф.883, оп.16, д.731, л.15–16; д.735, л.19–20; д.690, л.61–67.
- ¹²⁶ Там же, д.742, л.21–22.
- ¹²⁷ ГАБО, ф.1853, оп.1, д.29, л.55.
- ¹²⁸ Там же, д.35, л.2.
- ¹²⁹ ГАРФ, ф.А-518, оп.1, д.308, л.139–148.
- ¹³⁰ Там же, д.275, л.327.
- ¹³¹ Там же, л.141.

- ¹³² Там же, л.487.
- ¹³³ См. напр.: ГАКО, ф.883, оп.17, д.3144, л.63.
- ¹³⁴ ГАРФ, ф.А-518, оп.1, д.301, л.520.
- ¹³⁵ ГАБО, ф.6, оп.4, д.1242, л.141.
- ¹³⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. С. 338.
- ¹³⁷ Энгел Б. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России. С.76.
- ¹³⁸ Менталитет и аграрное развитие России. С.417.
- ¹³⁹ Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С.154.
- ¹⁴⁰ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т.1. С. 339.
- ¹⁴¹ ГАБО, ф.6, оп.4, д.690, л.29. Справки об отходничестве были введены в 1933 г. специальным постановлением. Его главным результатом стало резкое ограничение стихийной миграции (Моисеенко В., Мукомель В. В буднях великих строек // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 225).
- ¹⁴² Вербицкая О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946-1958 гг. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 61.
- ¹⁴³ Очерки истории Калужской организации КПСС. Калуга, 1967. С.500.
- ¹⁴⁴ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С.88.
- ¹⁴⁵ РГАСПИ, ф.17, оп.88, д.907, л.39.
- ¹⁴⁶ Там же, д.690, л.58.
- ¹⁴⁷ Там же, л.1.
- ¹⁴⁸ Там же, л.2.
- ¹⁴⁹ Там же, д.691, л.43.
- ¹⁵⁰ ГАРФ, ф.А-374, оп.30, д.3998, л.3.
- ¹⁵¹ Там же, д.4000, л.149.
- ¹⁵² Хорев Б.С., Лиходед В.Н. Житель села – работник города. М., 1982. С.17.
- ¹⁵³ См.: Давидович В.Г. Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // Расселение в пригородных зонах. (Вопросы географии. Вып. 87). М., 1971. С.7.
- ¹⁵⁴ Игудина А.И. Указ. соч. С.77.
- ¹⁵⁵ Кудрявцев В.В. Переписи 1959 и 1970 гг. как исторический источник для изучения социального развития советской деревни. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1988. С.95.
- ¹⁵⁶ Ковалев С.А. Типология пригородных зон // Расселение в пригородных зонах. (Вопросы географии. Вып. 87). М., 1971. С.49.
- ¹⁵⁷ См. напр.: Денисова Л.Н. Указ. соч. С. 147-148.
- ¹⁵⁸ Проблемы расселения в СССР: социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. М., 1980. С. 229-230.
- ¹⁵⁹ Игудина А.И. Указ. соч. С. 55.
- ¹⁶⁰ Симагин Ю.А. Трудовая маятниковая миграция сельского населения пригородных зон крупнейших городов России // Деревня Центральной России: история и современность. М., 1993. С.158-159.
- ¹⁶¹ Город и деревня в Европейской России... С. 383.

Заключение

В послевоенные десятилетия города российского Центра продолжали активно аккумулировать сельское население прилегающих территорий. Интенсивность процесса по-прежнему определялась большими потребностями промышленности в рабочей силе и задачами социалистического преобразования аграрной сферы экономики. Идеологическая бескомпромиссность требовала уничтожения традиционного крестьянского хозяйства и его замены индустриализованными формами сельскохозяйственного производства. Жесткость правительственной политики под влиянием своеобразно понимаемой государственной необходимости лишила советскую деревню возможности естественной эволюции в условиях урбанизации. Во второй половине 40-х — 50-е гг. население городов, как и в годы коллективизации, в основном пополнялось за счет носителей традиционного сознания, вырванных из привычной среды. Последующие десятилетия отмечены интенсивным распространением городских ценностей в сельской местности. В результате многочисленных кампаний борьбы с хозяйством крестьянского двора к началу 60-х гг. государство расчистило место для экспериментов по реорганизации сельскохозяйственного производства по промышленному типу. При этом впервые оно почти не встречало сопротивления со стороны приверженцев индивидуального производства. Больше того, внедрявшийся «городской» тип распределения социальных благ в условиях урбанистического окружения воспринимался большинством населения деревни как единственно возможный и желаемый.

Разрушая традиционное крестьянское хозяйство и утверждая «городские» ценности на селе, власть столкнулась с невозможностью столь же быстрой реальной урбанизации села. Пресловутый лозунг «стирания различий между городом и деревней», пугающе звучащий для крестьян-сторонников традиционного хозяйства, стал заманчивой, но недостижимой перспективой для сельского жителя 60-х — 70-х гг. Миграция из села Центра, несколько превышавшая привычный уровень в первые послевоенные десятилетия, резко усилилась с разрушением традиционных форм крестьянского хозяйствования в начале 60-х гг.

Механизм урбанизации села в советских условиях действовал следующим образом. Усиление городского влияния в течение послевоенных

десятилетий сопровождалось более интенсивным оттоком в города; возникавший недостаток трудовых ресурсов пытались компенсировать хозяйственной реорганизацией (преобразование колхозов в совхозы), что порождало иждивенческие настроения и еще более отдаляло сельских жителей от прежнего крестьянского мира. Поэтому интенсивность сельского миграционного оттока равно определялась и мероприятиями правительственной политики, и закономерностями урбанистического развития сельской местности.

Утрата колхозами прежней роли объясняется их более сильной опорой на патриархальные ценности в сравнении с урбанизированными совхозами. Постепенный дрейф колхозной системы в сторону совхозов и фактическая ликвидация различий между ними к концу 60-х гг. выглядели поэтому неизбежными.

Характер городского развития отдельных территорий был способен либо затормозить распад форм традиционного хозяйствования в деревне (в Центре это было характерно для аграрных областей юго-запада), либо ускорить его (Московский регион, северо-восток).

Уменьшение миграционного оттока было возможно в результате сочетания двух обстоятельств: ограниченного городского предложения и достаточной плотности сельского населения. Ни слабая урбанизированность малокоселенной Смоленской области, ни среднеселенность расположенной близко к Москве Рязанской по отдельности не были способны затормозить миграцию. Сочетание обоих факторов наблюдалось в юго-западных Брянской и Орловской областях, в результате чего они вступили в фазу наивысшего оттока на целое десятилетие позже своих соседей. Относительная трудоизбыточность в аграрной сфере этих территорий уменьшала трудовую нагрузку в слабомеханизированном общественном производстве, что в какой-то мере способствовало стабилизации сельского населения.

Со временем урбанизация Центра заставила говорить об актуальности законов агломерационного развития. В процессе формирования городских агломераций происходила постепенная ликвидация сельских поселений разных типов, начиная с мельчайших. В правительственной программе сселения «неперспективных деревень» рубежа 60-х — 70-х гг. нетрудно увидеть уже отмеченную тенденцию соответствия мероприятий аграрной политики глобальным закономерностям при выраженном стремлении форсировать ход естественных процессов.

Замедление миграционного оттока из села Центра в 80-е гг. произошло не только вследствие истощения людских ресурсов села. Неизбежная реаль-

ная урбанизация сельской местности как результат агломерационной эволюции территорий сопровождалась развитием городской инфраструктуры на местах. Это повышало экономическую эффективность в первую очередь пригородных сельскохозяйственных производств с соответствующим повышением статуса сельских поселений. Расширение зоны транспортной доступности вовлекало в пределы агломерации даже отдаленные мелкие и мельчайшие поселения, которые стали выполнять рекреационную функцию (пример Московской области).

Город неизбежно оказывал влияние на содержание крестьянского труда. Утрата традиционных его форм под действием универсальных закономерностей представляется неизбежной. Понятие «раскрестьянивание» по отношению к российской деревне стало применяться еще в XIX в., с началом интенсивных контактов между городом и селом, и потому увязывать последствия этого процесса лишь с аграрной политикой советской власти вряд ли обоснованно. Действительно неуместным было чрезмерное форсирование урбанизации села, ставшее причиной тяжелого кризиса советской деревни.

К большому сожалению, городское индивидуализированное сознание плохо сочетается с базовыми ценностями крестьянского мира. Современная цивилизация, не приемля сельского консерватизма, заодно отвергает и многие привлекательные черты крестьянства, чрезвычайно сильно повлиявшие на содержание национальной культуры. Сейчас нет недостатка в разного рода прогнозах, судить об их отношении к реальности довольно трудно. Хочется верить, что у российского крестьянства есть будущее, и его история в эпоху столь обсуждаемой ныне «глобализации» не заканчивается.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РОССИЙСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ	
Урбанизация: мировые тенденции и российская специфика...	11
Урбанизация села и проблема раскрестьянивания	17
ГЛАВА 2. ЦЕНТРАЛЬНОЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ: МЕСТО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ВНУТРЕННИЕ РАЗЛИЧИЯ	
Общая характеристика	26
Сельское расселение и урбанизация	31
Особенности демографического развития	40
Демографические последствия войны	46
ГЛАВА 3. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ: К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННЫХ ФАКТОРАХ	
Организационные реформы и сельская миграция	54
Изменение роли личных подворий	67
Уровень благосостояния как фактор миграционной активности.....	80
Развитие социально-бытовой сферы и миграционная мотивация.....	92
ГЛАВА 4. МИГРАЦИОННЫЙ ОТТОК ИЗ СЕЛА ЦЕНТРА: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	
Интенсивность миграции	105
Состав мигрантов	111
1. Мигранты по возрасту	111
2. Особенности распределения мигрантов по полу.....	117
3. Профессиональные характеристики мигрантов	120
4. Мигранты по типу хозяйства	124
Направления миграции	127
Организованная миграция	133
Маятниковая миграция	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	154

Горбачев О.В.

НА ПУТИ К ГОРОДУ:
сельская миграция в Центральной России
(1946-1985 гг.)
и советская модель урбанизации

Подписано к печати 19.01.2002 г.   Усл.-печ.л. 10

Формат 60х90/16

Тираж 500 экз.

Заказ № 7

129243, Москва, ул. Кибальчича, 6
Типография МПГУ